

ISSN 2542-2332

2019 №1 (18)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2019

Издание основано в 2007 г.

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

Журнал утвержден научно-техническим советом

Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ

по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-69787 от 18.05.2017 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Журнал подготовлен при частичной финансовой поддержке проекта Минобрнауки РФ «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтай, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект № 33.2177.2017/4.6).

ISSN 2542-2332

2019 №1 (18)

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2019

The journal was founded in 2007

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (doctor of historical sciences)

The editorial Board:

- S. A. Vasutin*, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)
N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)
A. P. Zabayako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)
A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)
N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)
T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)
O. M. Homushku, doctor of philosophy (Russia, Kyzyl)
L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)
E. A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

- L. N. Yarmolenko*, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)
U. A. Lusenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)
L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)
G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)
A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)
K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)
S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)
A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)
N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)
N. Cedev, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)
Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bolgariy, Sofiy)
Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77-69787. Registration date 18.05.2017.

The magazine was prepared with the partial financial support of the project Ministry of education and science of the Russian Federation (the project "Development of ethno-religious situation in cross-border space of Altai, Kazakhstan and Mongolia in the context of state-confessional policy: historical experience and modern trends", No. 33.2177.2017/4.6).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Сериков Ю. Б.</i> Предметы неутилитарного назначения вкладах каменных изделий Урала и Сибири	7
<i>Казаков А. А.</i> Материалы первого тысячелетия с памятника Ближние Елбаны 3 (по материалам Государственного Эрмитажа)	18
<i>Ксенжик Г. Н.</i> Археология и этнокультурная история казахов по русским картографическим материалам XVIII — начала XX в.: теоретико-методологические проблемы	26
<i>Серегин Н. Н., Васютин С. А.</i> Тюркские оградки комплексов Большой Курманак-I и II (Центральный Алтай): по материалам раскопок А. С. Васютина	37
<i>Пиков Г. Г.</i> Западное Ляо (1125–1218) как результат этнокультурного трансфера	50

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Атдаев С. Дж.</i> Русалки и водяные девы сув-периси в традиционном представлении туркмен	61
<i>Сакович Е. Г.</i> Происхождение этнонима «печенеги»: сведения источников и мнения исследователей	73
<i>Кожа М. Б., Амантуров М. К.</i> О захоронениях в склепах Казахстана	81

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Матыцин К. С.</i> Старообрядческий список «Путешественника» из коллекции Солонешенского музея (Алтай)	91
<i>Хвастунова Ю. В.</i> Новый тип религиозного лидера в неоязычестве на примере группы Алтай Жан Ак Жан в Республике Алтай	104
<i>Врганесян Г. С.</i> Змеедержец: миграции календарного символа	113

Раздел IV

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

<i>Байпаков К. М., Дашковский П. К.</i> Международная научно-практическая конференция «Центральная Азия на Великом Шёлковом пути: диалог культур и конфессий от древности до современности»	129
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	135
----------------------------------	-----

ДЛЯ АВТОРОВ	137
--------------------------	-----

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Serikov U. B.</i> Artefacts of non-utilitarian purpose in buried treasure of stone artefacts of Ural and Siberia	7
<i>Kazakov A. A.</i> Materials of the 1st millennium monument Blizhnie Elbany 3 (materials of the State Hermitage)	18
<i>Ksenzhih G. N.</i> Archeology and ethnocultural history of the kazakhs on russian cartographic materials XVIII — the beginning of the XX century: theoretical and methodological problems.....	26
<i>Seregin N. N., Vasyutin S. A.</i> Turkic enclosures of complexes Bolshoi Kurmanak-I and II (Central Altai): based on excavations by A. S. Vasyutin	37
<i>Pikov G. G.</i> Western Liao (1125–1218) as a result of ethno-cultural transfer	50

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Atdaev S. J.</i> Mermaids and water virges — Suv-perisi in the traditional representation of turkmen.....	61
<i>Sakovich E. G.</i> The origin of the ethnonym “pechenegs”: information of sources and opinions of researchers.....	73
<i>Khozha M. B., Amanturov M. K.</i> About crypt burials of Kazakhkstan	81

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Matytsin K. S.</i> The old believers’ manuscript «Puteshestvennik» from the museum of Soloneshnoe village (Altai).....	91
<i>Khvastunova J. V.</i> A new type of religious leader in the neo-paganism on the example of Altay Jang Ak Jang in the Republic of Altai.....	104
<i>Vrtanesjan G. S.</i> Snakeholder. Calendar symbol migration.....	113

Section IV

INFORMATION ABOUT CONFERENCES

<i>Baybakov K. M., Dashkovskiy P. K.</i> International scientific-practical conference “Central Asia on the Silk Road: the dialogue of cultures and religions from ancient times to the present”	129
--	-----

INFORMATION ABOUT CONFERENCES	135
--	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	137
--	-----

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902 (470.5) +902 (571.1/.5)

DOI: 10.14258/nreur (2019) 1–01

Ю. Б. Сериков

---

*Российский государственный профессионально-педагогический университет
(филиал в Нижнем Тагиле), Нижний Тагил (Россия)*

ПРЕДМЕТЫ НЕУТИЛИТАРНОГО НАЗНАЧЕНИЯ В КЛАДАХ КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ УРАЛА И СИБИРИ

Рассматриваются находки предметов неутилитарного характера в составе кладов каменных изделий на территории Урала и Сибири. К таким предметам относят находки, не имеющие отношения к хозяйственной деятельности древнего человека: произведения искусства, украшения, окаменелости, кристаллы, камни с антропоморфными или зооморфными очертаниями, а также изделия из редких и эффектных видов минерального сырья. На обширной территории Урала и Сибири они обнаружены только в пяти кладах из тридцати пяти известных. Два из них происходят с Урала, по одному из Средней Азии, Восточной Сибири и Дальнего Востока. Также невелико и их количество: по одному предмету в четырех кладах и три в кладе из Казахстана. Все изделия, кроме двух стандартизированных дисков-наверший, строго индивидуальны по типу и исполнению: утюжок, фигурный кремь, лунница, скульптурное изображение рыбки, украшение. Сравнение урало-сибирских кладов со 130 кладами Восточной Европы показало, что за исключением 40 «ритуальных» кладов волосовской культуры изделие неутилитарного характера (утюжок с вырезанной на нижней части литейной формой) обнаружено только в одном кладе. Практически все уральские и сибирские клады найдены на периферии археологических памятников, что позволяет обоснованно считать их культовыми маркерами и охранителями на границе освоенного и неосвоенного пространства. Редкость предметов неутилитарного характера в кладах каменного века показывает, что их семантика обладала более глубоким и индивидуальным содержанием, смысл которого остается нам непонятным. «Ритуальные» клады воло-

совской культуры в отличие от всех других кладов, кроме каменных и костяных изделий, часто содержат изделия неутилитарного назначения: разнообразные украшения и скульптурные поделки. Данные клады всегда связаны с погребениями. Они найдены на той же площади, где располагались и погребения. Как и погребения, они засыпаны красной охрой. Считается, что они являются свидетельством своеобразного погребального ритуала, поэтому их считают ритуальными захоронениями. Этим они отличаются от остальных известных кладов с каменными изделиями. Присутствие в них предметов неутилитарного назначения требует специального анализа.

Ключевые слова: Урал, Сибирь, клад, каменные изделия, каменный век, предметы неутилитарного назначения.

U. B. Serikov

Russia state professionally pedagogical university (Nizhniy Tagil branch), Nizhniy Tagil (Russia)

ARTEFACTS OF NON-UTILITARIAN PURPOSE IN BURIED TREASURE OF STONE ARTEFACTS OF URAL AND SIBERIA

In the article author analyses stone artefacts of non-utilitarian purpose in buried treasures on the territory of Ural and Siberia. These are artefacts which were not connected with economic activities of ancient man, such as works of art, decorations, fossils, crystals, stones with anthropomorphous and zoomorphic shapes, and also artefacts made from rare and spectacular minerals. On the whole territory of Ural and Siberia such artefacts were found only in 5 buried treasures from 35 known ones. Two from them were found in Ural, one — in Middle Asia, one — in Western Siberia, and one — in Far East. Their number also is low: one artefact in each of four buried treasures and three — in buried treasures from Kazakhstan. All artefacts, except two standard disc-pinnacles, are strictly individual in type and production technique: “iron”, figure flint, sculpture in Moon shape, sculpture of fish, decoration. Comparison of Ural-Siberian buried treasures with 130 ones from Eastern Europe showed that artefact of non-utilitarian purpose (“iron” with casting form on its lower part) was discovered only in one buried treasure. The exceptions are 40 “ritual” buried treasures of Volosovskaya culture. Almost all buried treasures of Ural and Siberia were found on periphery of archeological sites. It gives us an opportunity to define them like cultic markers and guardians on the border of developed and undeveloped space. Rarity of artefacts of non-utilitarian purposes in buried treasures of Stone Age shows that their semantic had deeper and more individual sense than we can understand in current time. “Ritual” buried treasures of Volosovskaya culture, unlike all other buried treasures, often had artefacts of non-utilitarian purpose except stone and bone artefacts, such as different decorations and sculptures. These buried treasures are always connected with burials. They were found at the same area where burials were situated. Like burials they were covered with red ocher. There is an opinion that

they are the evidence of special funerary ritual. That is why scientists call them ritual burials. This is the distinction of these buried treasures from other known buried treasures with stone artefacts. That is why they claim special analysis.

Key words: Ural, Siberia, buried treasure, Stone Age, artefacts of non-utilitarian purpose.

Сериков Юрий Борисович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник археологической лаборатории Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиала Российского государственного профессионально-педагогического университета), Нижний Тагил (Россия). Адрес для контактов: u.b.serikov@mail.ru.

К предметам неутилитарного назначения относят находки, не имеющие отношения к хозяйственной деятельности древнего человека. Чаще всего это так называемые природные формы (окаменелости, кристаллы, камни с антропоморфными или зооморфными очертаниями, разнообразными красителями). К ним же относят произведения искусства (скульптуры, гравировки, рисунки), украшения, а также изделия из редких и эффектных видов минерального сырья (горного хрусталя, агата, сердолика, малахита и др.) [Монсель, Кьотти, Гайяр, Оноратини, Плердо, 2012].

На Урале найдено и опубликовано 10 кладов каменных изделий, которые относятся к мезолиту (3), неолиту (1) и энеолиту (6), а также два клада с каменными изделиями бронзового века [Сериков, 2016: 23]. На территории Сибири и Дальнего Востока обнаружено не менее 17 кладов каменных изделий разных эпох — от палеолита до энеолита [Сериков, 2017]. Чаще всего клады содержат рубящие орудия (топоры и тесла), наконечники стрел, дротиков, копий и заготовки изделий.

Предметы неутилитарного характера в кладах каменного века встречены единично. В уральских кладах такие находки зафиксированы на Шайтанском озере (Свердловская область). Одна из них происходит из клада в культовом озерном центре Шайтанское озеро I, обнаруженном в 2003 г. на границе с болотом. В состав клада входили нуклеус, шлифованный топорик, нешлифованное тесло и заготовка утюжка [Сериков, 2013: 23].

Утюжок изготовлен из куска талька техникой пикетажа. Длина утюжка 12,5 см, высота 5,2 см, ширина в основании 4,7 см. Поперечный желобок, типичный для законченных изделий, в нем отсутствует. Утюжок по всем сторонам имеет округлые очертания (рис. 1. — 1). В этом отношении он близок глиняным утюжкам эпохи неолита с Кокшаповского холма [Шорин, 2010: 37, рис. 5, 1–4]. Форма и техника изготовления утюжка, а также сырье нуклеуса позволяют отнести клад к эпохе неолита.

Еще одно изделие неутилитарного назначения обнаружено в кладах на культовой площадке бронзового века памятника Шайтанское озеро II. На этой площадке выявлено 12 ритуальных кладов с захоронениями бронзовых изделий. Среди них находилось и клад 6 — единственный клад, в котором, кроме бронзовых изделий, обнаружены и каменные. Всего клад содержал четыре изделия: кельт с отломанным лезвием, пластинчатый нож, скребок и отщеп [Сериков, 2013: 87–90].

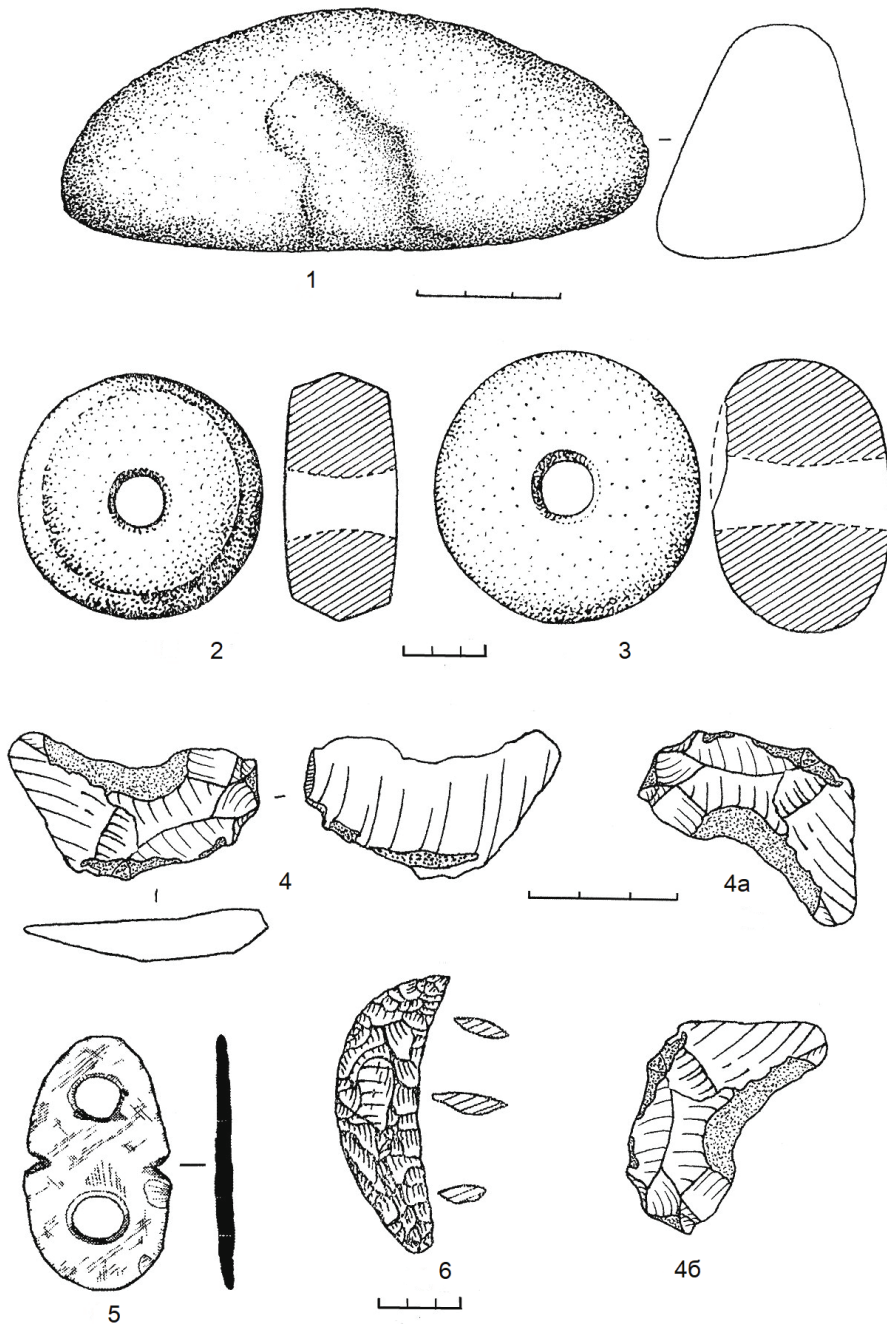

Рис. 1. Предметы неутилитарного назначения из камня: 1 – утюжок; 2, 3 – диски-навершия; 4 – фигурный кремь; 5 – украшение; 6 – лунница (1 – Шайтанское озеро I; 2, 3, 6 – Аксу; 4 – Шайтанское озеро II; 5 – Артемовский – Птицефабрика)

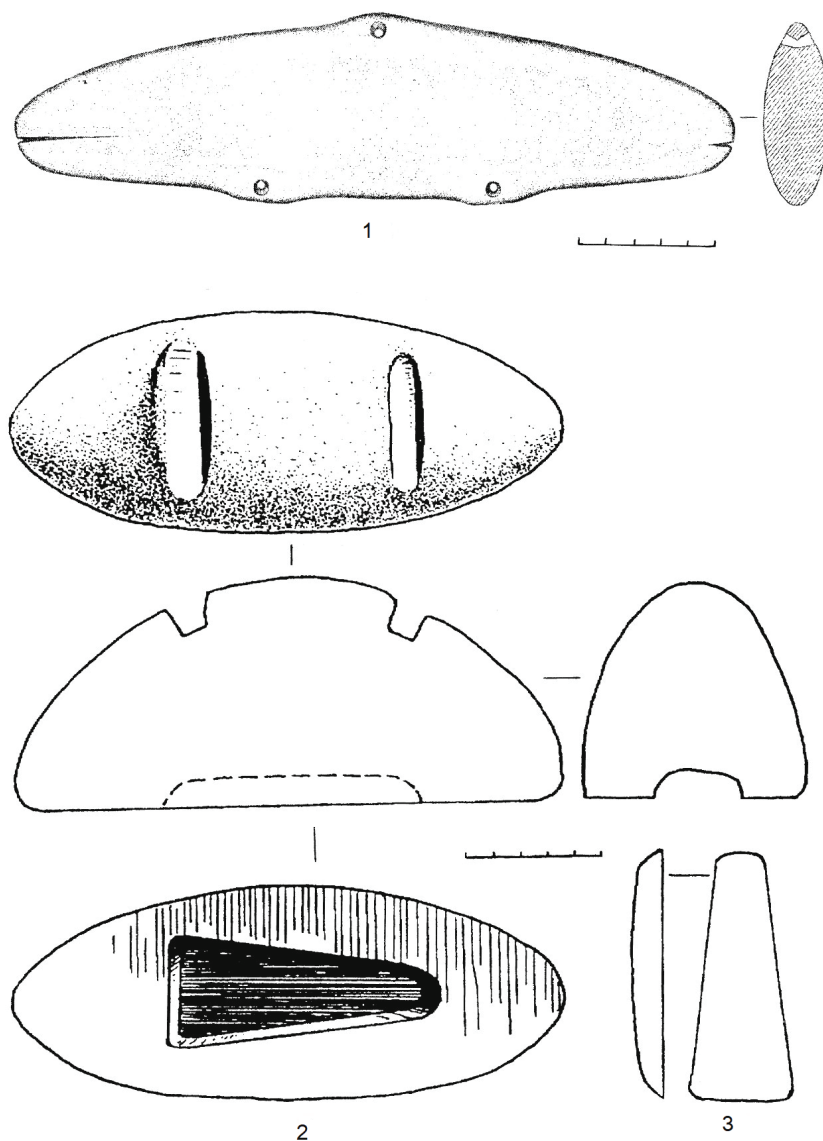

Рис. 2. Предметы неутилитарного назначения из камня: 1 – «янусовидная» рыбка; 2 – утюжок с литейной формой; 3 – гипсовая отливка тесла (1 – остров Сергушкин; 2, 3 – Мартышкина Балка)

Скребок длиной 5 и шириной 3,4 см изготовлен из отщепя пятнистого (желто-красно-черного) полупрозрачного кремня. Изделия из такого минерала на территории Тагильского Зауралья не встречаются. Это явно неместное минеральное сырье. Единственным исключением является скребок, найденный на соседнем памятнике Шайтанское озеро I. Изготовлен он из абсолютно идентичного материала, возможно, даже из одного куска минерала. Нельзя исключать, что изделие из неместного и эффектного минерального сырья имело определенное символическое значение и являлось ин-

дикатором так называемых престижных технологий. На этом основании скребок можно было бы отнести к предметам неутилитарного назначения.

Отщеп выполнен из однотонного темно-коричневого халцедона. На спинке отщепа местами сохранилась желвачная корка бежевого цвета. Отщеп имеет коленчатую форму безо всяких следов дополнительной обработки. Его длина 5,2 см, ширина в средней части 2,4 см, толщина — до 0,8 см (см. рис. 1. — 4).

Совместное залегание в кладах бронзовых и каменных изделий является редким сочетанием. Также редко в клады помещались и простые отщепы. В основном они присутствуют только в кладах палеолитического времени.

Еще в процессе расчистки клада было замечено, что отщеп своими очертаниями напоминает голову животного. Зауженный конец отщепа, обращенный вправо, вызывает ассоциации с головой медведя (см. рис. 1. — 4б). Если отщеп повернуть на 90° по часовой стрелке, то в закругленном конце отщепа можно увидеть голову лося (см. рис. 1. — 4а). Если же отщеп развернуть еще на 180° по часовой стрелке, то он ассоциируется с птицей с вытянутой кверху шеей (см. рис. 1. — 4). Таким образом, можно предположить, что перед нами полиэikonическая скульптура, в которой «зашифрован» образ мирового дерева. С каждым из миров мирового дерева соотносится определенное животное: символом верхнего мира является птица, среднего — лось, а нижнего — медведь. Предполагаемое символическое значение отщепа как полиэikonической скульптуры может объяснить его нахождение в кладе.

Крупный клад каменных изделий найден на границе с Челябинской и Курганской областями уже на территории Казахстана. Обнаружен он в степном Притоболье недалеко от села Садчиковка, расположенного в окрестностях Костаная. Клад Аксу содержал 202 изделия — рубящие орудия, наконечники стрел, ножи, скребки, проколки, ретушер и два отшлифованных массивных диска. Относят клад к терсекской энеолитической культуре [Калиева, 1988: 240–243].

Шлифованные диски стандартны как по размерам, так и по технике изготовления. Их диаметр составляет 10 и 10,8 см, толщина (высчитанная по рисунку) — соответственно 4,5 и 7,2 см. Поверхности дисков тщательно отшлифованы. В центре дисков присутствуют биконические отверстия диаметром 2,5 и 2,8 см (см. рис. 1. — 2–3). К сожалению, автор не указывает минеральное сырье, из которого они изготовлены. Функционально данные диски можно отнести к наверхиям жезлов или посохов.

Следует отметить, что на территории Урала изделия с отверстиями большого диаметра (1,5 см и больше) являются достаточно редкими находками. Автору известно всего около 40 предметов, основная часть которых представлена фигурными молотами, булавами и дисками. Редкость изделий такого рода и специфичность данных предметов показывает, что все они обладали статусной функцией.

В кладе Аксу имеется еще одно изделие, которое автор публикации описала как серповидный нож [Калиева, 1988: 241]. На взгляд автора, данное изделие следует отнести к фигурным кремням. Аналогичные фигуры С. Н. Замятнин относил к символическим изображениям — лунницам [Замятнин, 1948: 109–110]. Изделие имеет слегка асимметричную форму, тщательно обработано двусторонней ретушью. Длина лунницы 9,6 см, ширина в средней части 3,0 см (см. рис. 1. — 6). На Урале известно шесть подобных изо-

бражений, причем они выявлены как на Северном, так и на Среднем и Южном Урале. По характеру изгиба лунница из клада Аксу полностью аналогична луннице с первой Береговой стоянки Горбуновского торфяника. Важно добавить, что лунница с поселения Вис I (оз. Синдор, Республика Коми) была окрашена охрой. А лунница с поселения Полуденка II (Среднее Зауралье) изготовлена из белого кварца, что подчеркивает ее символическое назначение [Серигов, 2014: 25].

Интересное изделие неутилитарного назначения найдено в кладах на острове Сергушкин реки Ангары (Красноярский край). Обнаружен клад на площади неолитической стоянки и могильника Сергушкин-1, что дало автору находки основание отнести его к эпохе неолита. В состав клада входили два абразивных бруска, три тесла и «янусовидная» рыбка [Привалихин, 2011: 150–152].

Изготовленная из алевролита рыбка имеет длину 28 см. Ширина в средней части составляет 7,2 см, толщина — 2,5 см (см. рис. 2. — 1). Тело рыбки от середины к концам заметно сужается и переходит в головы, на которых узкой, но глубокой канавкой показаны линии рта. Изображения глаз и жаберных щелей на фигурке отсутствуют. По мнению автора находки, это свидетельствует о незавершенности изделия. На спинке рыбки в самой широкой ее части присутствует биконическое отверстие. Еще два отверстия проделаны на брюшке рыбки. Расположены они симметрично по отношению к верхнему отверстию.

А. П. Окладников считал каменные скульптуры серовских рыбок приманками, хотя допускал и магическое их использование. «Янусовидные» рыбки, по мнению А. П. Окладникова, были слишком велики для приманок и могли быть связаны с представлениями о нижнем мире [Окладников, 1955: 332].

Необычное изделие неутилитарного характера происходит с территории Приморья. Обнаружено оно в осыпи карьера на окраине города Артем (Приморский край). Клад включал плотное скопление из 14 каменных наконечников стрел, два крупных шлифованных тесла и восьмеркообразное украшение, вырезанное из светло-серого пятнистого жадеита [Бродянский, Попов, 2011].

Украшение размером 5,8 × 2,9 × 0,2 см тщательно отполировано. Верхняя, зауженная, часть изделия отделяется от нижней, полуовальной, треугольными выемками глубиной 0,3 см. В верхней и нижней частях украшения проделаны отверстия диаметром 0,7–0,9 см, что и придает изделию восьмеркообразную форму (см. рис. 1. — 5). По мнению авторов, «при расположении вертикально ... украшение имеет отчетливо антропоморфные очертания». Они же считают, что размеры отверстий и самого изделия несут какое-то смысловое содержание [Бродянский, Попов, 2011: 169]. В любом случае украшение относится к предметам неутилитарного назначения.

Таким образом, на обширной территории азиатской части России и Казахстана среди 35 кладов каменных изделий предметы неутилитарного характера присутствуют только в пяти кладах. Два из них происходят с Урала, по одному — из Средней Азии, Восточной Сибири и Дальнего Востока. Также невелико и их количество — семь находок: по одному изделию в четырех кладах и три в кладах из Казахстана. Все находки, кроме двух стандартизированных наконечников, строго индивидуальны по типу и исполнению: утюжок, фигурный кремь, лунница, скульптурное изображение рыбки, украшение.

Практически все уральские и сибирские клады обнаружены на периферии археологических памятников, что вполне обоснованно позволяет считать их культовыми маркерами и охранителями на границе освоенного и неосвоенного пространств [Сериков, 2016: 26–27]. Наличие в кладах предметов неутилитарного назначения усиливало их сакральную (охранительную) функцию. Редкость таких изделий в кладах каменного века показывает, что их семантика обладала более глубоким и индивидуальным содержанием, смысл которого остается нам пока непонятным.

Если сравнить урало-сибирские клады с кладами Украины и Европейской России, то картина здесь выглядит следующим образом. На территории Украины и Европейской России автором учтено соответственно около 30 и 100 кладов каменных изделий, которые датируются в широком хронологическом диапазоне — от верхнего палеолита до начала бронзового века. Если исключить из подсчетов около 40 ритуальных кладов волосовской культуры, то только в одном кладе (Мартышкина Балка) встречено изделие неутилитарного назначения.

Клад найден в одной из подкурганых ям на памятнике Мартышкина Балка на берегу протоки Койсуг у пос. Овощной Азовского района Ростовской области. Яма имела оригинальную стремевидную форму. На ее дне найдено скопление каменных изделий, состоящее из 29 предметов — 26 двусторонне обработанных наконечников стрел и дротиков, плоская продолговатая галька, кусочек талькового сланца со следами пришлифовки и утюжок с вырезанной на нижней части литейной формой.

Массивный утюжок с высокой спинкой имеет длину 20,2 см, ширину 7,8 см и высоту 8,3 см (высчитано по рисунку). В верхней его части поперек продольной оси проточено два желобка. А в нижней части вырезана литейная форма для отливки плоского тесла длиной 9,8 см и глубиной 1,1 см (см. рис. 2. — 2). Изготовлено это необычное изделие также из талькового сланца. Клад авторы датируют эпохой раннего металла [Гудименко, Кияшко, 1997].

Сразу следует отметить, что утюжки сами по себе являются редкими находками. На громадной территории от Северной Африки до Алтая выявлено около 450 утюжков [Усачева, 2013: 9]. Изделия же с литейными формами единичны, всего известно три утюжка, на нижней поверхности которых вырезаны литейные формы. Кроме описанного выше, утюжок с формой для отливки плоского тесла найден на местонахождении Улы-Жиланшик (Казахстан). У этого утюжка на торцевом выступе дополнительно вырезано человеческое лицо [Усачева, 2013: рис. 27]. Третий богато орнаментированный утюжок обнаружен в размытом энеолитическом погребении в культовом центре на Шайтанском озере (Свердловская обл.). В верхней его части проточено два желобка, а в нижней присутствует овальная выемка длиной 7,5 см с оплавленной поверхностью [Сериков, 2013: 29].

В отличие от описанных выше кладов, ритуальные клады волосовской культуры кроме каменных и костяных изделий часто содержат изделия неутилитарного назначения. Это прежде всего украшения из янтаря, сланца, кости, зубов животных, окаменелостей, а также скульптурные поделки [Цветкова, 1957; 1975; Костылева, Уткин, 2011]. Данные клады всегда связаны с погребениями. Они найдены на той же площади, где располагались и погребения. Предполагается, что они «являются свидетель-

ством какого-то своеобразного погребального ритуала». Как и погребения, клады за-сыпаны красной охрой. Поэтому их считают ритуальными захоронениями [Цветкова, 1975: 110–111]. Этим они отличаются от большинства известных кладов с каменными изделиями. Поэтому присутствие в них предметов неутилитарного назначения требует специального анализа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бродянский Д. Л., Попов А. Н. Клад раннезайсановских артефактов на памятнике Артемовский — Птицефабрика в Приморье // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, философия. 2011. Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. С. 168–174.

Гудименко И. В., Кияшко В. Я. Оригинальная литейная форма палеометаллической эпохи // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14. Азов, 1997. С. 102–112.

Замятнин С. Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // Советская археология (СА). Т. X. 1948. С. 85–123.

Калиева С. С. Клад Аксу в степном Притоболье // СА. 1988. № 3. С. 240–243.

Костылева Е. Л., Уткин А. В. Волосовские ритуальные клады в составе погребальных комплексов (хронология и типология) // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I: Материалы IV Тверской археологической конференции и 12-го заседания научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь, 2011. С. 340–360.

Монсель М.-Э., Кьотти Л., Гайяр К., Оноратини Ж., Плердо Д. Каменные предметы неутилитарного назначения, найденные на европейских памятниках эпохи палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 1 (49). С. 24–40.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Глазковское время. Ч. III // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). № 43. М.; Л., 1955. 374 с.

Привалихин В. И. Клад каменных артефактов эпохи неолита стоянки и могильника Сергушкин-1, пункта «А» // Второй век подвижничества. Красноярск, 2011. С. 150–160.

Сериков Ю. Б. Шайтанское озеро — священное озеро древности. Нижний Тагил, 2013. 408 с.

Сериков Ю. Б. Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил, 2014. 268 с.

Сериков Ю. Б. Сакральный аспект кладов каменных изделий на территории Урала // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. IX. Барнаул, 2016. С. 7–29.

Сериков Ю. Б. Шлифованные изделия из кладов каменного века на Урале и некоторые аспекты их изучения // Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. Зимовники, 2017. Кн. I. С. 22–29.

Усачева И. В. «Утюжки» Евразии. Новосибирск, 2013. 352 с.

Цветкова И. К. Волосовский клад // Труды ГИМ. Вып. XXIII. М., 1957. 41 с.

Цветкова И. К. Ритуальные «клады» стоянки Володары // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 102–111.

Шорин А. Ф. Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: маркеры сакрального пространства // Уральский исторический вестник. 2010. № 1 (26). С. 32–42.

REFERENCES

Brodianskii D. L., Popov A. N. Klad rannezaisanovskikh artefaktov na pamiatnike Artemovskii-Ptitsefabrika v Primor'e. [Hoard of artifacts of early Saisan culture at the Artemovskii-Ptitsefabrika site in Primorye]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istorii, filosofii. T. 10. Vyp. 5: Arkheologiya i etnografiya*. [Vestnik NSU. Series: History, philosophy. 2011. T. 10, vol. 5: Archaeology and Ethnography]. 2011. S. 168–174 (in Russian).

Gudimenko I. V., Kiiashko V. Ia. Original'naiia liteinaia forma paleometallicheskoii epokhi [The original mold of Paleometal epoch]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1994 g.* [Historical and archaeological research in Azov and the Lower don in 1994]. Vyp. 14. Azov, 1997. S. 102–112 (in Russian).

Zamiatnin S. N. Miniatiurnye kremnevye skul'ptury v neolite Severo-Vostochnoi Evropy. [Miniature flints sculptures in Neolithic of the North-Eastern Europe]. *Sovetskaia arkheologiya* [Soviet archaeology]. T. X. 1948. S. 85–123 (in Russian).

Kalieva S. S. *Klad Aksu v stepnom Pritobole*. [Hoard Aksu in the steppe Tobol]. *Sovetskaia arkheologiya* [Soviet archaeology]. 1988. № 3. S. 240–243 (in Russian).

Kostyleva E. L., Utkin A. V. Volosovskie ritual'nye klady v sostave pogrebal'nykh kompleksov (khronologiya i tipologiya). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik. Vyp. 8. T. I. Materialy IV Tverskoi arkheologicheskoi konferentsii i 12-go zasedaniia nauchno-metodicheskogo seminar "Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v drevnosti"*. [Ritual hoards from Volosovo as a part of burial complexes (chronology and typology). Materials IV Tver archaeological conference and the 12th meeting of the scientific and methodological seminar "Tver land and adjacent territories in ancient times"] . Tver', 2011. S. 340–360 (in Russian).

Monsel' M.-E., K'otti L., Gaiiar K., Onoratini Zh., Plerdo D. Kamennye predmety neutilitarnogo naznacheniia, naidennye na evropeiskikh pamiatnikakh epokhi paleolita. [Mineral objects of nonutilitarian purpose from European sites of Paleolithic epoch]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia.]. 2012. № 1 (49). S. 24–40 (in Russian).

Okladnikov A. P. *Neolit i bronzovyi vek Pribaikal'ia: Glazkovskoe vremia. Ch. III*. [Neolithic and Bronze age of Baikal region: Glaskov period] *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, no 43. Moskva; Leningrad, 1955. 374 s. (in Russian).

Privalikhin V. I. *Klad kamennykh artefaktov epokhi neolita stoianki i mogil'nika Sergushkin-1, punkta "A"*. [Hoards of the stone artifacts of Neolithic epoch from the site and the burial site Sergushkin-1, point "A"]. *Vtoroi vek podvizhnichestva* [The second age of asceticism]. Krasnoarsk, 2011. S. 150–160 (in Russian).

Serikov Iu. B. *Shaitanskoe ozero — sviashchennoe ozero drevnosti*. [Shaitanskoje lake — sacral lake of the Ancient time]. Nizhnii Tagil, 2013. 408 s. (in Russian).

Serikov Iu. B. *Ocherki po pervobytnomu iskusstvu Urala*. [Issues on primitive art of the Urals]. Nizhnii Tagil, 2014. 268 s. (in Russian).

Serikov Iu. B. Sakral'nyi aspekt kladov kamennykh izdelii na territorii Urala. [Sacral aspect of hoards of stone products on the territory of Ural]. *Mirovozzrenie naseleniia Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive*. [The worldview of the population of South Siberia and Central Asia in historical retrospect]. Barnaul, 2016. Vyp. IX. S. 7–29 (in Russian).

Serikov Iu. B. Shlifovannyye izdeliia iz kladov kamennogo veka na Urale i nekotorye aspekty ikh izucheniia. [Polished products from the Stone Age hoards on Ural and some aspects of these study]. *Preistoriia. Drevnost'. Srednevekovè. Issledovaniia po istorii, arkhologii, kul'ture. Kniga I. Zimovniki: Zimovnikovskii kraevedcheskii muzei* [Prehistory. Antiquity. Ages. Research on history, archeology, culture]. 2017. S. 22–29 (in Russian).

Usacheva I. V. “Utiuzhki” Evrazii. [“Utiuzhki” of Eurasia]. Novosibirsk, 2013. 352 s. (in Russian).

Tsvetkova I. K. Volosovskii klad. [The hoard of Volosovo]. *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia*. [Works of The state historical Museum]. Vyp. XXIII. M., 1957. 41 s. (in Russian).

Tsvetkova I. K. Ritual'nye “klady” stoianki Volodary. [Ritual hoards of the site Volodary]. *Pamiatniki drevneishei istorii Evrazii*. [Monuments of ancient history of Eurasia]. Moskva, 1975. S. 102–111 (in Russian).

Shorin A. F. Sviatilishche Koksharovskii kholm v Srednem Zaural'e: markery sakral'nogo prostranstva. [Sanctuary Koksharovskiy Hill in the Middle Transural: markers of the sacral area]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural historical Bulletin]. 2010. № 1 (26). S. 32–42 (in Russian).

Цитирование статьи:

Сериков Ю. Б. Предметы неутилитарного назначения в кладках каменных изделий Урала и Сибири // Народы и религии Евразии. 2019. № 1 (18). С. 7–17.

Citation:

Serikov U. B. Artefacts of non-utilitarian purpose in buried treasure of stone artefacts of Ural and Siberia. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 1 (18). P. 7–17.

УДК 902 (571.150)

DOI: 10.14258/nreur (2019) 1–02

А. А. Казаков

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул (Россия)

МАТЕРИАЛЫ ПЕРВОГО ТЫСЯЧЕЛИТИЯ С ПАМЯТНИКА БЛИЖНИЕ ЕЛБАНЫ 3 (по материалам Государственного Эрмитажа)

Представленная вниманию читателей работа открывает цикл публикаций, посвященных базовому для археологии Западной Сибири памятнику — Ближние Елбаны, материалы которого послужили основой для создания периодизационной схемы древней истории не только Алтая, но и Сибири в целом. Целью работы является введение в научный оборот не опубликованных ранее материалов с памятника Ближние Елбаны 3, хранящихся в Государственном Эрмитаже. Они представлены развалами трех сосудов, два из которых на основании анализа морфологических признаков и орнамента относятся к фоминскому этапу кулайской археологической культуры, один — к акутихинскому этапу одинцовской археологической культуры. В работе приведены их описания и рисунки. Опубликованные материалы позволяют выделить в комплексе источников памятника Ближние Елбаны 3 еще две культурно-хронологические группы, которые не были отражены в более ранних публикациях. Введение в научный оборот пушкской незначительного по объему материала позволяет пополнить источниковую базу, представляющую заключительный этап раннего железного века (фоминский этап кулайской культуры) и начало эпохи раннего Средневековья (одинцовской археологической культуры).

Ключевые слова: керамика, форма, орнамент, кулайская культура, одинцовская культура.

А. А. Kazakov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul (Russia)

MATERIALS OF THE 1ST MILLENNIUM MONUMENT BLIZHNIIE ELBANY 3 (materials of the state hermitage)

The article opens a series of publications devoted to the monument — considered as basic for archaeology of Western Siberia — Blizhnie Elbany, materials of which served as the foundation for creating a periodization scheme of ancient history of not only Altai, but the whole of Siberia. The aim of this work is to introduce into scientific circulation previously

unpublished materials from the monument Blizhnie Elbany 3 stored in the State Hermitage. They are presented by 3 broken vessels, two of which, on the basis of analysis of morphological characteristics and ornamentation, belong to Fominskii stage of the Kulaiskaya archaeological culture, the third belonging to Akutikhinskii stage of the Odintsovskaya archaeological culture. The work contains their descriptions and figures. The published materials allow to single out in the sources of the site Blizhnie Elbany 3 two more cultural-chronological groups, which were not described in earlier publications. Introduction into the scientific circulation although small volume of material enriches a small source database by representing the final stage of the Early Iron Age (Fominskii stage of Kulaiskaya culture) and the beginning of the Early Middle Ages (Odintsovskaya archaeological culture).

Key words: ceramics, form, ornament, Kulaiskaya culture, Odintsovskaya culture.

Казаков Александр Альбертович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Барнаульского юридического института МВД России, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: kaa-2862@mail.ru.

С момента окончания работ М. П. Грязнова в урочище Ближние Елбаны (1949 г.) прошло почти 70 лет. На основании материалов, полученных в результате исследования этого комплекса памятников, М. П. Грязновым впервые создана исчерпывающая периодизационная схема развития древних племен Верхней Оби начиная с андроновского времени и заканчивая монгольским [Грязнов, 1956].

Трудно переоценить значение его работы «История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка», подготовленной на основании полученных в результате четырехлетних исследований материалов. Работая со ссылочным аппаратом всех работ по истории региона, исследователи возвращаются к базовой работе М. П. Грязнова.

Несмотря на титанический труд по обработке и осмыслению полученных в результате четырехлетних полевых работ материалов, М. П. Грязнов в своей исчерпывающей публикации, что вполне естественно, представил не все находки и не потому, что им не нашлось места в разработанной периодизационной схеме, а потому, что объем полученного материала не позволял ввести его в полном объеме в научный оборот в одной публикации. Поэтому исследователи до настоящего времени обращаются к коллекции с урочища Ближние Елбаны, хранящейся в Государственном Эрмитаже.

Любой исследователь, серьезно занимающийся периодом гунно-сарматского времени и Средневековья Западной и Южной Сибири, работал с этими коллекциями, открывая для себя и науки новую информацию [Троицкая, 1979; Чиндина, 1984; Ширин, 2003; Казаков, 2014].

Признавая неисчерпаемые информационные возможности любого источника, которые с развитием методов и методологии познания раскрывают все новые и новые свои грани, остановимся на следующем факте: несмотря на известность памятника (памятников) и хорошую изученность неопубликованных материалов отдельными учеными, остальные исследователи знакомы с ними лишь по публикациям с констатаци-

ей данных об их наличии [Чиндина, 1984] либо по статистическим выкладкам [Троицкая, 1979: 41–43].

К сожалению, только одна публикация сопровождается рисунками материала [Ширин, 2003], да и то неполного его комплекса. Учитывая, что никакие описания и статистические выкладки не в состоянии дать исчерпывающую характеристику вещевого комплекса без иллюстративного материала, считаю целесообразным опубликовать имеющиеся в распоряжении автора иллюстрации, полученные в результате обработки коллекций с Ближних Елбанов, относящихся к периоду гунно-сарматского времени и Средневековья и хранящихся в Государственном Эрмитаже. Надеюсь, что полная публикация коллекций поможет исследователям, не имеющим возможности непосредственной работы с материалом, составить более полную картину о базовом памятнике, легшим в основу периодизации древней истории огромного региона и по-новому взглянуть на весь комплекс источников с этого памятника, раскрыв новые его грани.

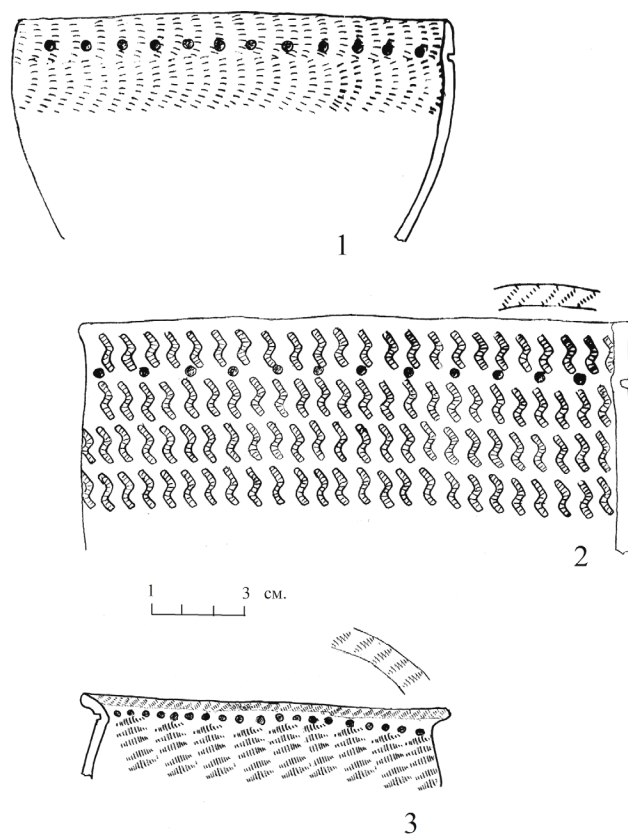
Публикацию начнем с памятника Ближние Елбаны 3 (БЕ-3). Публикуемые материалы, к сожалению, не упоминаются ни в одной работе, в то время как неопубликованные комплексы с БЕ-4 и БЕ-7 привлекают внимание исследователей.

Пункт БЕ-3 находится на крайней северо-восточной дюне комплекса памятников БЕ-3, к моменту исследования наполовину разрушенной эоловой эрозией. В результате работ на памятнике исследовано 17 погребений (на плане памятника отмечено 16 погребений [Грязнов, 1956: табл. 26]), принадлежащих, по мнению М. П. Грязнова, к березовскому этапу большереченской культуры и переходному этапу верхнеобской культуры [Грязнов, 1956: 10]. В настоящее время эти культурно-хронологические группы памятников отнесены к староалейской археологической культуре и сошниковскому этапу одинцовской археологической культуры.

Интереснейшие материалы, полученные при исследовании памятника, позволили М. П. Грязнову провести стратиграфические наблюдения, подтверждающие относительную хронологию культурно-хронологических комплексов (могила 1 переходного (сошниковского) этапа верхнеобской (одинцовской) [Грязнов, 1956: 117] культуры перерезала могилу 2-го березовского этапа большереченской (староалейской) культуры [Грязнов, 1956: 93, табл. 26, 27]), уточнить датировку переходного этапа верхнеобской культуры. Последующие обращения к материалам памятника сыграли основную роль в установлении хронологических границ сошниковского этапа одинцовской культуры [Казаков, 2014: 120–136].

Кроме погребально-поминальных комплексов, в культурном слое памятника встречены фрагменты керамики и вещей, соотносимые М. П. Грязновым с остатками поминальной тризны переходного этапа [Грязнов, 1956: 10].

Работая с материалами коллекции с пункта БЕ-3, хранящимися в Государственном Эрмитаже (инв. № 1619), я наряду с опубликованными встретил в ее составе материалы (развалы трех сосудов), пока еще не введенные в научный оборот и, что самое интересное, не соотносимые ни с одним культурно-хронологическим комплексом из выделенных М. П. Грязновым в этом пункте.

Керамика 1 тысячелетия пункта БЕ-3

Более того, в описи они значились как происходящие из могилы 40, хотя такой могилы на БЕ-3 исследовано не было. Но на этом загадки этой коллекции не закончились. Происходящие якобы из одного закрытого комплекса (могилы 40) эти сосуды принадлежали к различным культурно-хронологическим типам, отстоящим один от другого на значительный хронологический отрезок, следовательно, находиться в одном закрытом погребально-поминальном комплексе они просто не могли (рис. — 1–3).

Для решения этой задачи необходима очень тщательная работа с архивными материалами и описями, хранящимися в различных архивах, в том числе в архивах Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры, которым была организована экспедиция, осуществлявшая работы на комплексе Ближние Елбаны [Грязнов, 1956: 5]. Не имея возможности провести подобное расследование, оставляя честь решения существующей загадки последующим исследователям, констатируем, что публикуемые материалы происходят с комплекса памятников Ближние Елбаны и, судя по характеру развалов (достаточно крупные фрагменты), вполне вероятно, происходят из погребальных комплексов.

Не опубликованные ранее материалы представляют собой развалы трех сосудов, хранящиеся под инвентарными номерами 1619/99 (см. рис. — 1), 1619/100 (см. рис. — 2), 1619/108 (см. рис. — 3).

Судя по отсутствию в развалах фрагментов плоских днищ, сосуды были круглодонными.

Сосуды под инвентарным номером 1619/99, 1619/100 баночной формы с прямыми венчиками (см. рис. — 1, 2). У сосуда под инвентарным номером 1619/100 намечается шейка, что характерно для керамики фоминского этапа кулайской культуры [Ширин, 2003: 91–100].

Сосуд под инвентарным номером 1619/99 с округлым срезом венчика. Верхняя часть тулова, почти сразу за срезом венчика, орнаментирована двумя горизонтальными рядами подковообразного гребенчатого штампа с широкими частыми зубьями. Поверх этого орнамента в нижней части верхнего горизонтального ряда подковообразного штампа нанесен горизонтальный ряд ямок. Жемчужины, образовавшиеся с внутренней стороны сосуда в результате нанесения ряда ямок, немного заглажены (см. рис. — 1).

Сосуд под инвентарным номером 1619/100 с горизонтальным срезом венчика имеет небольшие утолщения как с внешней, так и с внутренней стороны, которые ввиду своей достаточной аморфности нельзя назвать карнизиками. Срез венчика орнаментирован косо поставленным мелкозубым гребенчатым штампом. Верхняя часть тулова, почти сразу за срезом венчика, орнаментирована пятью горизонтальными орнаментальными строками. Четыре горизонтальные строки нанесены идентичным штампом — гребенчатая уточка. Расстояние между вторым, третьим и четвертым горизонтальными рядами одинаковое, между первым и вторым — чуть больше. На этом пространстве помещен горизонтальный ряд ямок. Вполне возможно, что этот ряд служил разделителем. Нанесения ямок поверх другого орнаментального элемента не зафиксировано. Жемчужины, образовавшиеся с внутренней стороны сосуда в результате нанесения ряда ямок, немного заглажены (см. рис. — 2).

Сосуд под инвентарным номером 1619/108 является горшком с хорошо профилированным венчиком и ярко выраженной шейкой. Венчик с горизонтальным срезом выгнут наружу, что создает видимость воротничка. По срезу венчик орнаментирован мелкозубой гребенкой, сильно вытянуто овальной формы, так называемой гусеничкой. С внутренней стороны на венчик также более крупным штампом нанесен орнамент сильно вытянутой овальной формы, гусеничкой с широкими частыми зубьями. По шейке венчика расположен горизонтальный ряд ямок. Жемчужины, образовавшиеся с внутренней стороны сосуда в результате нанесения ряда ямок, немного заглажены. Сразу под рядом ямок верхнее плечико украшено косыми лентами, спускающимися от ряда ямок вниз. Каждая лента состоит из пяти (возможно, больше, так как нижняя часть сосуда не сохранилась) наклонно-горизонтальных отпечатков штампа, которым орнаментирован венчик с внутренней стороны (см. рис. — 3).

Культурно-хронологическая атрибуция представленных сосудов особых затруднений не вызывает. Два из них (инв. № 1619/99 и 1619/100) относятся к фоминскому этапу кулайской культуры. Об этом говорит их форма — круглодонные банки, форма венчика одного из сосудов — с горизонтальным срезом и утолщениями венчика, фигур-

но-штамповые элементы орнамента, среди которых присутствует гребенчатая уточка, относительная обедненность орнамента и нанесение ямок поверх основного орнаментального элемента. Подобная керамика встречена в пункте БЕ-7 комплекса памятников Ближние Елбаны [Грязнов, 1956: табл. 50], погребениях могильника Татарские могилки (памятник известен под разными названиями, обоснование используемого названия смотрите [Григоров, Казаков, 2018: 6–7]) [Ширин, 2003: 30–31, 207–209; Уманский, 1974: 145–146], на поселении Малый Иткуль 1 [Абдулганеев, 2001: 105], городище Малый Иткуль 6 [Абдулганнев, Кадиков, Кирюшин, Кунгурова, 2003: 54, 72] и других памятниках Алтайского края.

Хронологические рамки памятников фоминского этапа в настоящее время определены в пределах II–IV вв. [Троицкая, 1979: 44; Ширин, 2003: 114; Казаков, 2016; Горбунов, 2017].

Один сосуд (инв. № 1619/108) относится к одинцовской культуре, причем к одному из последних этапов ее существования — одинцовскому или акутихинскому. Об этом свидетельствуют такие признаки, как хорошая профилировка венчика, наличие воротничка, орнаментация тулова спускающимися лентами из отпечатков гусенички. Подобная керамика встречена в пункте БЕ-14 комплекса памятников Ближние Елбаны [Грязнов, 1956: табл. 40; Казаков, 2014: 63], БЕ-12 [Казаков, 2014: 62], на поселении Костенкова Избушка [Казаков, 2014: 50–51], местонахождении Вихоревка [Казаков, 2014: 58], Солдатово [Казаков, 2014: 60] и др. Орнаментальный мотив, использованный на этом сосуде древним мастером, чаще всего встречается на финальных стадиях одинцовского этапа и на акутихинском этапе одинцовской культуры. Это позволяет нам датировать публикуемый сосуд VI–VIII вв. [Казаков, 2014: 136].

Однако в момент выделения тимирязевского этапа, заключительного этапа существования одинцовской культуры, я не в полной мере сознавал соотношение верхнеобской и одинцовской культур, считая их единым культурно-хронологическим образованием, только с разными названиями. Во избежание дальнейшей терминологической путаницы название последнему этапу развития культуры было дано по наиболее близким комплексам верхнеобской культуры (тимирязевский), в надежде, что в скором времени единая культурная принадлежность этих образований будет признана исследователями. Дальнейшее накопление и осмысление материалов привело к осознанию ошибочности своей точки зрения и признанию существования двух родственных, но различных культур — верхнеобской в Новосибирском Приобье и одинцовской в Барнаульско-Бийском Приобье. Осознание этого факта влечет за собой и необходимость изменения названия последнего этапа, так как его содержание отличается от содержания тимирязевского этапа верхнеобской культуры. Вслед за рядом исследователей [Тишкин, Горбунов, 2002: 84; Горбунов, 2017] я считаю вполне правомерным название заключительного этапа одинцовской культуры дать по названию наиболее показательного памятника, давшего материалы этого периода — городища Акутиха — акутихинский.

Таким образом, в научный оборот вводятся новые материалы фоминского этапа кулайской культуры и одинцовской культуры, пусть незначительно, но все же дополняющие корпус источников с комплекса памятников Ближние Елбаны по этим культурно-хронологическим периодам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдуганеев М. Т. Фоминский комплекс поселения Малый Иткуль-1 // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001. 175 с.

Абдуганеев М. Т., Кадиков Б. Х., Кирюшин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю. История исследования археологических памятников Зонального района // Зональный район. История, люди и судьбы. Барнаул, 2003. 852 с.

Горбунов В. В. Культурно-исторические процессы на территории лесостепного Алтая в 1 тыс. н. э. // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Барнаул, 2017.

Григоров Е. В., Казаков А. А. Барнаульско-Бийское Приобье в 1–2 вв. (по данным погребального обряда). Барнаул, 2018. 230 с.

Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // Материалы и исследования по археологии СССР. № 48. М. ; Л., 1956. 256 с.

Казаков А. А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул, 2014. 152 с.

Казаков А. А. Материалы 1 тысячелетия со сборов у с. Фоминского // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : сборник научных статей. Вып. 22. Барнаул, 2016. С. 116–122.

Тишкин А. А., Горбунов В. В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. № 9. Горно-Алтайск, 2002. С. 82–91.

Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. 126 с.

Уманский А. П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 136–149.

Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале 1 тыс. н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк, 2003. 288 с.

Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984.

REFERENCES

Abdulganeev M. T. *Fominskii kompleks poseleniya Malyyi Itkul'* — 1. *Problemy izucheniya drevnei i srednevekovoi istorii* [Fominskii Complex of the Settlement Malyyi Itkul' — 1. Issues of studying ancient and medieval history]. Barnaul, 2001. 175 s. (in Russian).

Abdulganeev M. T., Kadikov B. Kh., Kiryushin Yu. F., Kungurova N. Yu. *Istoriya issledovaniya arkheologicheskikh pamyatnikov Zonal'nogo. Zonal'nyi raion. Istoriya, lyudi i sud'by raiona* [History of studying archaeological sites of Zonal'nyi district. Zonal'nyi district. History, people and destinies]. Barnaul, 2003. 852 s. (in Russian).

Gorbunov V. V. *Kul'turno-istoricheskie protsessy na territorii lesostepnogo Altaya v 1 tys. n. e. V (XXI) Vserossiiskii arkheologicheskii s'ezd* [Cultural and historical processes in the territory of forest-steppe Altai in the 1st millennium B. C. V (XXI) All-Russian Archaeological Congress] [Electronic resource]. Barnaul, 2017 (in Russian).

Grigоров E. V., Kazakov A. A. *Barnaul'sko-Biiskoe Priobe v 1–12 vv. (po dannym pogrebal'ngo obryada)* [Barnaul-Biysk Ob Region in the 1st — 12th centuries (according to the funeral rite data)]. Barnaul, 2018. 230 s. (in Russian).

Gryaznov M. P. *Istoriya drevnikh plemen Verkhnei Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka* [History of the ancient tribes of the Upper Ob according to excavations near the village of Bolshaya Rechka]. Moscow ; Leningrad, 1956. No. 48. 256 s. (in Russian).

Kazakov A. A. *Odintsovskaya kul'tura Barnaul'sko-Biiskogo Priob'ya* [Odintsovskaya culture of Barnaul-Biysk Ob Region]. Barnaul, 2014. 152 s. (in Russian).

Kazakov A. A. *Materialy 1 tysyacheletiya so sborov u s. Fominskogo. Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya* [Materials of the 1st Millennium from findings near Village of Fominskoe. Preservation and studying the cultural heritage of Altai territory: collection of scientific articles]. Vol. 22. Barnaul, 2016. S. 116–122 (in Russian).

Tishkin A. A., Gorbunov V. V. *Kul'turno-khronologicheskie skhemy izucheniya srednevekovykh kochevnikov Altaya. Drevnosti Altaya*. [Cultural-chronological schemes for studying Altai medieval nomads. Antiquities of Altai]. Gorno-Altaysk, 2002. No. 9. S. 82–91 (in Russian).

Troitskaya T. N. *Kulaiskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e*. [Kulaiskaya culture in Novosibirsk Ob region]. Novosibirsk, 1979. 126 s. (in Russian).

Umanskii A. P. *Mogil'niki verkhneobskoi kul'tury na Verkhnem Chumyshe. Bronzovyi i zheleznyi vek Sibiri* [Burial grounds of Verkhneobskaya culture on the Upper Chumysh. Bronze and iron age of Siberia]. Novosibirsk, 1974. S. 136–149 (in Russian).

Shirin, Yu. V. *Verkhnee Priob'e i predgor'ya Kuznetskogo Alatau v nachale 1 tys. n. e. (pogrebal'nye pamyatniki fominskoi kul'tury)* [The upper Ob region and the foothills of the Kuznetsk Alatau in the early 1st Millennium BC (Fominskaya culture funerary monuments)]. Novokuznetsk, 2003. 288 s. (in Russian).

Chindina L. A. *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza*. [Ancient history of the Middle Ob region in the iron age]. Tomsk, 1984 (in Russian).

Цитирование статьи:

Казаков А. А. Материалы первого тысячелетия с памятника Ближние Елбаны 3 (по материалам Государственного Эрмитажа) // Народы и религии Евразии. 2019. № 1 (18). С. 18–25.

Citation:

Kazakov A. A. Materials of the 1st millennium monument Blizhnie Elbany 3 (materials of the State Hermitage). *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 1 (18). P. 18–25.

УДК 902+39 (574):912

DOI: 10.14258/nreur (2019) 1–03

Г. Н. Ксенжик

Казахский национальный аграрный университет КазНАУ, Алматы (Казахстан)

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ КАЗАХОВ ПО РУССКИМ КАРТОГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ XVIII — НАЧАЛА XX В.: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ*

Рассмотрены некоторые теоретико-методологические проблемы вспомогательной дисциплины «Историческая картография» в контексте особенностей изучения картографических материалов по истории Казахстана XVIII — начала XX в. Отмечено, что методологической основой эффективного использования картографического материала Нового времени выступает комплексный междисциплинарный подход широкого взаимодействия гуманитарных наук и естествознания. Выявлено, что для наиболее плодотворного изучения и использования старых карт необходимо по возможности полное выявление всех имеющихся картографических материалов по конкретной проблематике. Установлено, что картографические материалы по истории Казахстана XVIII — начала XX в. следует изучать не изолированно, а как части картографии определенной эпохи во всех ее взаимосвязях и взаимообусловленностях с развитием смежных областей знаний (этнологии, археологии, истории, географии, астрономии, навигации, геодезии, полиграфии и т. д.), на базе глубокого знания социально-экономических и политических условий, без учета которых невозможна квалифицированная интерпретация источников такого типа.

Ключевые слова: историческая картография, историография, старые карты, Новое время, классификация картографического материала.

---

* Исследование выполнено в рамках проекта с государственным финансированием Министерства образования и науки Республики Казахстан (МОН РК) № AP05131222 «Картографические материалы по истории Казахстана XVIII — начала XX вв.»

G. N. Ksenzhhik

Kazakh National Agrarian University, Almaty (Kazakhstan)

ARCHEOLOGY AND ETHNOCULTURAL HISTORY OF THE KAZAKHS ON RUSSIAN CARTOGRAPHIC MATERIALS XVIII — THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS

In this article, some theoretical and methodological problems of the auxiliary discipline “Historical cartography” are examined in the context of the study of cartographic materials on the history of Kazakhstan in the XVIII and early XX centuries. It is noted that a complex interdisciplinary approach to the wide interaction of the humanities and natural sciences is the methodological basis for the effective use of the old cartographic material. It has been revealed that for the most productive study and use of old maps, it is necessary, if possible, to fully identify all available cartographic materials for specific problems. It is established that cartographic materials on the history of Kazakhstan XVIII — early XX centuries should be studied not as an isolated part, but as part of the cartography of a certain era in all its interrelations and interdependencies with the development of related fields of knowledge (ethnology, archeology, history, geography, astronomy, navigation, geodesy, polygraphy, etc.) economic and political conditions, without which it is impossible to make a qualified interpretation of sources of this type.

Key words: historical cartography, historiography, old maps, modern times, classification of cartographic material.

Ксенжик Галина Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана и культуры народов Казахстана Казахского национального университета, Алматы (Казахстан). Адрес для контактов: migkz@ya.ru.

В условиях интеграции наук и развития междисциплинарных исследований по широкому спектру вопросов в области этнологии, археологии, истории, а также в контексте научного интереса к исторической картографии — направлению, слабо разработанному в Казахстане, предъявляются особо высокие требования. Историческая картография занимается теоретико-методологическими проблемами изучения и использования старых картографических материалов, в основе которых находится анализ пространственных данных. На современном этапе развития исторической картографии центральное место в методологии занимают идеи междисциплинарности, наблюдается планомерная интеграция исторической картографии в единое исследовательское пространство с гуманитарными и естественными дисциплинами. В то же время историческая картография все более приобретает самостоятельное историческое значение вследствие того, что напрямую обращаются к анализу картогра-

фических материалов, иным историческим источникам (документы, материалы, статистические данные, переписи), а также к таким понятиям, как время (хронология) и пространство (регионоведение, историческая география).

Следует заметить, что подавляющее большинство исследователей до настоящего времени привлекают в качестве историко-картографических источников довольно ограниченный круг картографических материалов. Причем одним из эффективных методов изучения содержания старых карт и выявления их надежности как исторических источников является метод сравнения картографических произведений. Важнейшие теоретико-методологические проблемы изучения картографических материалов исследовались советским ученым Л. А. Гольденбергом (1958), в которых представлена теоретическая значимость картографических источников, классификационная модель этих источников и методы их изучения. Автор отмечал особую ценность применения картографического метода в исторических исследованиях, поскольку «размещение явлений при помощи карт и планов можно показать с такой точностью, с какой их нельзя передать ни в каком описании». Л. А. Гольденберг критиковал точку зрения некоторых авторов того периода, рассматривающих картографический материал как иллюстрации к изданиям, а не как источник, имеющий самостоятельное историческое значение. Интересны его замечания по поводу того, что «при использовании картографического метода историки могут преодолеть опасность игнорирования роли и значения географической среды при изучении исторических процессов» [Гольденберг, 1958: 3–10].

Историк картографии В. И. Греков в своих очерках по истории картографических исследований писал об уровне развития картографической мысли изучаемых произведений: «До XIX в. сведения о естественных ресурсах были очень ограничены. Большую часть картографических материалов все еще составляли чертежи, выполненные без использования астрономических определений положения мест и без применения математически обоснованных проекций» [Греков, 1960: 4].

Советским картографом К. А. Салищевым изучалась теоретико-методологическая проблема всестороннего исследования и выявления качественных картографических материалов: «Картографические источники — карты и другие пространственные модели — могут и должны рассматриваться более широко, как особая форма информации и приобретения знаний о пространственном размещении явлений природы и общества, их состоянии, свойствах и изменениях во времени. Эта форма широко используется в обыденной жизни общества и совершенно необходима для многих отраслей науки и практики... Но, чтобы умело пользоваться картографическими источниками, надо иметь представление о существующих в мире картах и атласах. Знать, как выявлять и привлекать необходимые картографические источники, а затем выбирать среди них наилучшие для решения конкретных задач» [Салищев, 1990: 195].

На основании многолетнего опыта работы над картографическими источниками российским картографом, профессором МГУ А. М. Берлянтом отмечалось, что «картография не стоит на месте. В ней быстро развиваются новые методы. Карта теперь рассматривается как модель действительности и одновременно как источник информации». Автор пишет о том, что «картографическая информация не может быть сведена к сумме условных знаков, она содержит ещё нечто сверх этой суммы. Пытаясь понять сущность карто-

графической информации, никак нельзя забывать, что карта не просто знаковая, но образно-знаковая модель действительности. Свойство образности имеет принципиальное значение для понимания картографической информации, поскольку именно это в корне отличает карты от других источников информации» [Берлянт, 1985: 4–51].

Исследование теоретико-методологических проблем исторической картографии проводили, помимо уже выше указанных ученых, следующие исследователи: О. М. Медушевская [1977: 1–86] и С. И. Сотникова [1990: 1–43].

Специалист по исторической картографии С. И. Сотникова изучает «пространственные аспекты исторических процессов», которые тесно связаны с изучением информации, фиксируемой в картографических источниках. Автор отмечала, что необходимо при охвате крупных корпусов картографических материалов проводить классификацию и рассматривать карту «как продукт своего времени» [Сотникова, 1990: 6].

Методологическую проблему качества картографических материалов изучает российский специалист по исторической картографии А. В. Постников, который отмечает, что качество картографо-геодезических работ ранних межеваний Российской империи, в том числе и на территории Казахстана, было весьма невысоким. Это выявилось уже в конце XVIII — начале XIX в., когда Межевой департамент проводил специальные обследования этих материалов для выявления возможности их использования в процессе генерального межевания [Постников, 1989: 54–76].

Современный российский исследователь исторической картографии Н. В. Пиотух исследует возможности применения информационных систем в исследовании картографических материалов. Автор утверждает, что когда «в руках историка появился компьютер, картографический метод претерпел большие изменения. Овладение ГИС-технологиями широкими слоями исследователей, несомненно, сделает работы историков содержательней и интереснее» [Пиотух, 1998: 72–89].

Важную проблему теоретико-методологического характера, касающуюся классификации картографического материала, поднимает в своих исследованиях современный ведущий специалист Государственной архивной службы Республики Ингушетия М. М. Картоев [Картоев, 2008: 171–191].

Зарубежные исследователи также занимаются теоретико-методологическими проблемами исторической картографии. Например, наиболее широко использует в исторических исследованиях методы исторической географии и картографии американский профессор, доктор Марк Бассин, специалист по исторической географии и геополитике. Монография М. Бассина «Имперские грёзы» (1999) выпущена в престижной научной серии Кембриджского университета «Кембриджские исследования по исторической географии». Публикации данной серии содействуют развитию исследований, посвященных методологическим и методическим вопросам исторической картографии. Исследование М. Бассина предполагает новый взгляд на сложные проблемы, он рассматривает понятие «предопределённое судьбой», зависимость населения от географического пространства [Bassin, 1999: 280].

Согласно последним американским исследованиям, изложенным Л. А. Брауном в монографии «История географических карт», известно, что «наибольший вклад в науку картографии внесли те страны, которые были больше других заинтересованы в разви-

тии своих колоний и мировой торговли. Изначально карты ассоциировались не только с приключениями и интригами, но и с военной разведкой. Карты — хоть империи, хоть отдельного города — являлись потенциальными источниками информации для неприятеля, а потому тщательно охранялись. Карты — синоним стратегии, а стратегия выигрывает войны. Стратегия выигрывает также и мир, если не процветание» [Браун, 2006: 18–25].

В современный период новые тенденции и отдельные вопросы к исследуемой проблеме нашли объективное освещение в казахстанских исследованиях. И. В. Ерофеевой в исследовании «Географические карты XVIII века: как источник по истории, этнологии и исторической топонимике Казахстана» освещается проблема слабой изученности картографических источников по истории Казахстана. Исследователь отмечает: «Как ни парадоксально, но географическая картография XVIII — начала XX в. до сих пор фактически не используется для изучения истории, этнографии и исторической географии Казахстана того периода. При этом сами карты по существу вообще не анализируются в исторической и историко-географической литературе. В немногочисленных научных трудах, посвященных истории становления и развития картографии Казахстана в Новое время, авторы, как правило, ограничиваются только констатацией степени достоверности графического изображения... Не пытаюсь установить исторические взаимосвязи... с конкретными событиями военно-политической... жизни... что свидетельствует о крайней ограниченности исследовательских подходов к рассматриваемой группе источников» [Ерофеева, 2011: 330–358].

Современную историографическую базу отдельных аспектов проблематики исторической картографии составили диссертационные исследования следующих казахстанских авторов: Р. А. Идрисова [1998: 1–168], Г. Н. Ксенжик [2003: 1–406], Г. А. Жанысбековой [2010], И. Р. Прохорова [2010: 1–155], посвященные проблемам исторической географии Нового времени. В данных исследованиях привлечены значительные картографические и историко-географические источники. Показана на практике методология использования достижений отечественной исторической географии и картографии при научном анализе истории Казахстана Нового времени.

Таким образом, изучая историографию теоретическо-методологических проблем исторической картографии советских, российских, зарубежных и отечественных ученых, мы установили, что данные проблемы представляют собой междисциплинарное поле для эффективного изучения и осмысления картографических материалов Нового времени. Вместе с тем историографический анализ подтверждает необходимость теоретического осмысления накопленных знаний по исторической картографии в целях воссоздания неискаженной картины исторической действительности истории Казахстана в его историческом развитии.

Нами установлено, что при картографировании в XIX в. малоисследованных территорий, к которым относилась территория Казахстана, использовался основной принцип, что после нанесения всех данных «оставались еще более или менее обширные пустые пространства». По мнению профессора военной академии генерал-лейтенанта В. В. Витковского (1856–1924), это было вызвано необходимостью, «если карта составляется в крупном масштабе и должна иметь научное значение, то эти пространства

оставляются незаполненными или соответствующие контуры соединяются по соображению пунктиром; так соединяют, например, в одно целое течение реки, пересеченное несколькими не очень удаленными маршрутами, если нет сомнения, что это действительно одна и та же река». На мелкомасштабных генеральных картах пунктиры в таких случаях не вычерчивались.

Касаясь вопроса методологии изучения «старых карт», следует учитывать, что дата составления карты никогда не совпадает с датой, на которую дано ее основное содержание. Чем древнее картографическое произведение, тем больший временной диапазон может разделять различные элементы его содержания. В среднем же на картах XIX в. «возраст» данных достигает 50 лет. В тесной связи с этим стоит и вопрос о времени, которое тратилось составителями на работу над картой, а для печатной карты — времени, необходимом для подготовки к ее публикации. Здесь исследование невозможно без привлечения всей массы материалов, сопровождавших съемку и картосоставление, а для печатных карт — без выявления возраста печатных форм: некоторые гравированные медные формы существовали до 200 лет, в них вносились изменения, но это не исключало возможности появления на отпечатанных картах данных двухсотлетней давности.

Масштаб определяет ту детальность, с которой может быть отображено основное содержание карты, и поэтому он играет значительную роль в определении ценности картографического произведения как исторического источника. Чем крупнее масштаб карты, тем, как правило, больший объем исторической информации из неё можно получить. Первичные, базовые картографические материалы обычно крупномасштабны и имеют наибольшую ценность как исторические источники. На картах XIX — начала XX в. масштаб практически всегда указывается, однако в некоторых случаях его требуется проверять путем сравнения с современными картами. Подобный метод применяется для определения масштабов в случае, если они не указаны, а также для выявления весьма часто встречающегося разномасштабного изображения отдельных участков старых карт.

Составление мелкомасштабных карт проводилось путем последовательного уменьшения и генерализации крупномасштабных карт в XIX — начале XX в. Это считалось наиболее научно обоснованным методом создания карт. Данный метод господствовал в картографии до недавнего времени, и лишь в эпоху космических исследований картографы получили возможность иметь точные мелкомасштабные картографические изображения крупных участков земной поверхности на основе фото- и телевизионных снимков, выполненных с космических аппаратов, находящихся на околоземных орбитах.

Однако и в настоящее время широко используется составление мелкомасштабных карт на основе крупномасштабных, в частности, в практике топографического картографирования. С уменьшением масштаба проводилась генерализация изображения социально-экономических элементов и природного ландшафта, при этом нередко отбор и обобщение осуществлялись недостаточно объективно.

Знание всех условных обозначений, бытовавших на картах в разные периоды, совершенно необходимо для установления даты создания соответствующих картографи-

ческих произведений. В конце XVIII — начале XIX в. в русской картографии условные знаки в межевом и военном ведомствах стандартизируются, а их применение утверждается законом. По мере поступательного развития науки, общества и хозяйства в XIX в. появляются новые исторические реалии, требующие отображения на картах. Возникает необходимость в пересмотре и добавлении таблиц условных знаков, что приводит к периодическому их переизданию. Известны унифицированные обозначения разных лет для гидрографических, лесных, межевых, военно-топографических и многих других видов карт [Постников, 1989: 130–179].

При использовании картографического материала в качестве топонимического источника следует иметь в виду, что при передаче названий населенных пунктов на картах второй половине XIX — начала XX в. составители руководствовались транскрипцией географических названий, представленных в списках населенных мест Российской империи Министерства внутренних дел [РГВИА. Ф. 401. Оп. 12/959. Д. 10: 191–196].

Большинство выявленных нами картографических материалов по истории Казахстана XVIII — начала XX в. в терминологии исследуемого периода озаглавлены как «карта» или «план». Они представлены двумя основными видами карт: общегеографическими и специальными.

Общегеографические карты в терминологии Нового времени определялись как военно-топографические, например:

— Общегеографическая карта генеральная Оренбургской губернии и смежных с ней мест, из которых простирающееся в полуденную Азию по обстоятельствам о коммерции оной губернии. Сочинена при оренбургских географических делах средних описаний Оренбурга. 179..... [РГБ К. 150/VI-52: 1].

— Киргизская степь общегеографическая. — Военная. Карта части Киргизской степи[,] подведомственной сибирскому начальству. Б. М., 1839 [РГБ К. 14/III-15: 1].

Довольно значительное количество карт вполне можно классифицировать как политико-административные, что отражает их основное содержание и назначение. Большой массив картографического материала относится к группе специальных карт, например:

— Карта — историческая. Карта путей всех отрядов[,] направленных в 1873 г. к Хиве из округов Кавказского, Оренбургского, Туркестанского. СПб., 1873. М. — 50 верст в дюйме [РГБ К. 8/ IV — 40: 1].

К специальным (тематическим) картам относятся дорожные карты Казахстана. Дорожные карты представлены как генеральными, так и картами отдельных районов Казахстана. Сюда входят дорожные, почтовые и маршрутные карты Казахстана.

По масштабу и охватываемой территории карты Казахстана можно разделить на две основные разновидности. Генеральные (обзорные, мелкомасштабные карты) всей территории Казахстана либо отдельных регионов (здесь имеются линии границ):

— Генеральная карта Оренбургского края и Среднеазиатских владений. Название «Новая генеральная ландкарта Башкирской орды, части Сибири и продолженной Оренбургской линии, также Средне-Азиатских владений. 1737 г. Копировал Кондуитов. Ручкописная [РГВИА. Ф. 846. Оп.16. Д. 20618: 1].

— Карта генеральная России. Карты озера Иссык-Куль и сопредельных с ним стран. Составлена Действительным членом императорского русского Географического обще-

ства Яковом Ханыковым, 1853 г. Составлена в Военно-топографическом Депо. Масштаб в английском дюйме 50 верст. В литографии Шгарварта [РГАДА. Ф. 192/1. Оп. 1. Д. 88: 1].

В отдельную классификацию картографического материала выделяются карты и планы отдельных территорий (земель) Казахстана. Они имеют крупный масштаб и, как правило, составлялись с военными или переселенческими целями. Картографические материалы широко представлены также планами (схемами) населенных пунктов, городов, крепостей, селений. Например:

— Межевой план Тургайской области Иргизского уезда и города Иргиза и его выгонных земель. Выполненный специалистом Коньковым от 21 июня 1891 за № 3799 [РГАДА. Ф. 1354. Оп. 1. Д. 1: 1].

Несомненный интерес представляют планы и схемы военных операций русских войск. В отдельную группу выделяются рукописные и печатные карты, в том числе гравированные и литографированные.

Таким образом, рассмотрение русских картографических материалов Нового времени в историко-этнологическом и археологическом источниковедении с привлечением статистических, археологических, этнологических и других материалов позволяет выявить особенности расселения народов, интенсивность этнических процессов, места захоронения, развалины древних памятников, городов и т. д. Но для наиболее плодотворного использования и изучения старых карт необходимо по возможности полное выявление всех имеющихся картографических материалов по конкретной проблематике.

Исследование картографических материалов Нового времени включает выяснение обстоятельств возникновения, истории создания, определение его автора, времени создания, исследование подлинности, достоверности, изучение круга источников, использованных для составления анализируемых картографических материалов, восстановление во многих случаях утраченных источниковедческих взаимосвязей карты, ее описания и сопутствующей делопроизводственной документации и выяснение источниковедческого значения. Решение этих вопросов предполагает привлечение широкого спектра вспомогательных исторических дисциплин, а также естественных и технических наук, в том числе компьютерных технологий. Значительные успехи в изучении старых карт могут быть достигнуты благодаря применению для их анализа современных достижений естественных наук с привлечением методов математического (главным образом статистического) анализа точности содержания старых карт на основе применения ГИС-технологий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Берлянт А. М. Карта — второй язык географии. М., 1985. 192 с.
- Браун Л. А. История географических карт. М., 2006. 479 с.
- Гольденберг А. Г. Русские картографические материалы как исторический источник и их классификация : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1958. 17 с.
- Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960. 461 с.
- Ерофеева И. В. Географические карты XVIII века: как источник по истории, этнологии и исторической топонимике Казахстана // История Казахстана в документах и материалах. Алматы, 2011. С. 330–358.

Жанысбекова Г. А. Историческая география Южного Казахстана во второй половине XIX — начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2010. 178 с.

Идрисов Р. А. Историческая география Северо-Западного Казахстана в первой половине XIX века : дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1998. 168 с.

Картоев М. М. Картографические источники по истории северокавказского региона в Военно-ученом архиве РГВИА (вторая половина XVIII — 60-е гг. XIX века) // Вестник РГГУ. Серия: Историческая. 2008. № 4/08. С. 171–191.

Ксенжик Г. Н. Историческая география Степных областей Казахстана в XIX — начале XX вв. Алматы, 2015. 406 с.

Медушевская О. М. Теоретические проблемы источниковедения. М., 1977. 86 с.

Пиотух Н. В. Картографический метод в исторических исследованиях: прошлое и настоящее // История. Карта. Компьютер. Барнаул, 1998. С. 72–89.

Постников А. В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1989. 229 с.

Прохоров И. Р. Проблемы исторической географии Северо-Восточного Казахстана во второй половине XVIII — начале XIX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2010. 155 с.

РГАДА. Ф. 1354. Оп. 1. Д. 1.

РГБ. К. 14/III-15.

РГБ. К. 8/IV — 40.

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20618.

Российская государственная библиотека (РГБ). К. 150/VI-52.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА) Ф. 192/1. Оп. 1. Д. 88.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 401. Оп. 12/959. Д. 10.

Салищев К. А. Картоведение. М., 1990. 400 с.

Сотникова С. И. Источниковедение русских карт XVII — начала XX вв. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1990. 43 с.

Bassin M. *Imperial Visions: Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. New York, 1999. 280 p. (на англ. яз.).

REFERENCES

Bassin M. *Imperial Visions: Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. New York, 1999. 280 p. (in English).

Berliant A. M. *Karta — vtoroi iazyk geografii* [Map-second language of geography]. М., 1985. 192 s. (in Russian).

Braun L. A. *Istoriia geograficheskikh kart* [History of geographical maps]. М., 2006. 479 s. (in Russian).

Erofeeva I. V. *Geograficheskie karty XVIII veka: kak istochnik po istorii, etnologii i istoricheskoi toponimike Kazakhstana* [Geographical maps of the XVIII century: as a source on the history, Ethnology and historical toponymy of Kazakhstan]. *Istoriia Kazakhstana v dokumentakh i materialakh*. [History of Kazakhstan in documents and materials]. Алматы, 2011. S. 330–358 (in Russian).

Goldenberg A. G. *Russkie kartograficheskie materialy kak istoricheskii istochnik i ikh klassifikatsiia: Diss. kand. istoricheskikh nauk*. [Russian cartographic materials as a historical source and their classification. Ph. D. Thesis in History]. M., 1958. 17 s. (in Russian).

Grekov V. I. *Ocherki iz istorii russkikh geograficheskikh issledovaniy v 1725–1765 gg.* [Essays on the history of Russian geographical research in 1725–1765]. M., 1960. 461 s. (in Russian).

Idrisov R. A. *Istoricheskaya geografiya Severo-Zapadnogo Kazakhstana v pervoi polovine XIX veka*. Diss. kand. istoricheskikh nauk. [Historical geography of North-West Kazakhstan in the first half of the XIX century. Ph. D. Thesis in History]. Almaty, 1998. 168 s. (in Russian).

Kartoev M. M. *Kartograficheskie istochniki po istorii severokavkazskogo regiona v Voennouchenom arkhive RGVIA (vtoraya polovina XVIII — 60-e gg. XIX veka)* [Cartographic sources on the history of the North Caucasus region In the military-academic archive of rgvia (second half of XVIII — 60s of XIX century)]. *Vestnik RGGU* [Bulletin of RSUH]. Seriya Istoricheskaya. 2008. № 4/08. S. 171–191 (in Russian).

Ksenzshik G. N. *Istoricheskaya geografiya Stepnykh oblastei Kazakhstana v XIX — nachale XX vv.* [Historical geography of Steppe regions of Kazakhstan in XIX-early XX centuries]. Almaty, 2015. 406 s. (in Russian).

Ksenzshik G. N. Archeology and ethnocultural history of the kazakhs on russian cartographic materials XVIII — the beginning of the XX century: theoretical and methodological problems. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 1 (18).

Medushevskaya O. M. *Teoreticheskie problemy istochnikovedeniia* [Theoretical problems of source studies]. M., 1977. 86 s. (in Russian).

Piotukh N. V. *Kartograficheskii metod v istoricheskikh issledovaniyakh: proshloe i nastoiashchee* [Cartographic method in historical research: past and present]. *Istoriia. Karta. Komp'iuter*. [History. Map. Computer.]. Barnaul, 1998. S. 72–89 (in Russian).

Postnikov A. V. *Razvitie krupnomasshtabnoi kartografii v Rossii*. [Development of large-scale cartography in Russia]. M., 1989. 229 s. (in Russian).

Prokhorov I. R. *Problemy istoricheskoi geografii Severo-Vostochnogo Kazakhstana vo vtoroi polovine XVIII — nachale. XIX vv.: Dis. Kand. istoricheskikh nauk* [Problems of historical geography of North-East Kazakhstan in the second half of XVIII-early XIX centuries. Ph. D. Thesis in History]. Almaty, 2010. 155 s. (in Russian).

RGADA [Russian state archive of ancient acts]. Fund 192/1. Inventory 1. File 88 (in Russian).

RGADA [Russian state archive of ancient acts]. Fund. 1354. Inventory 1. File 1 (in Russian).

RGB [Russian state library]. K. 8/IV — 40 (in Russian).

RGB. [Russian state library]. K. 14/III-15 (in Russian).

Rossiiskaia gosudarstvennaia biblioteka (RGB) [Russian state library]. K. 150/VI-52 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA) [Russian state military-historical archive]. Fund 401. Inventory 12/959. File 10 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA) [Russian state military-historical archive]. Fund 846. Inventory 16. File 20618 (in Russian).

Salishchev K. A. *Kartovedenie* [Cartography]. M., 1990. 400 s. (in Russian).

Sotnikova S. I. *Istochnikovedenie russkikh kart XVII — nachala XX vv: Dis... d-ra ist. nauk* [Chronology of Russian cards of XVII — beginning of XX centuries. Ph. D. Thesis in History]. M., 1990. 43 s. (in Russian).

Zhanysbekova G. A. *Istoricheskaia geografiia Iuzhnogo Kazakhstana vo vtoroi polovine XIX — nachale XX vv: Dis. Kand. istoricheskikh nauk.* [Historical geography of southern Kazakhstan in the second half of XIX — early XX centuries. Ph. D. Thesis in History]. Almaty, 2010. 178 s. (in Russian).

Цитирование статьи:

Ксенжик Г. Н. Археология и этнокультурная история казахов по русским картографическим материалам XVIII — начала XX в.: теоретико-методологические проблемы // Народы и религии Евразии. 2019. № 1 (18). С. 26–36.

Citation:

Ksenzhih G. N. Archeology and ethnocultural history of the kazakhs on russian cartographic materials XVIII — the beginning of the XX century: theoretical and methodological problems. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 1 (18). P. 26–36.

УДК 902.2 (571.1/.5)

DOI: 10.14258/nreur (2019) 1–04

Н. Н. Серегин¹, С. А. Васютин²

---

¹Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

²Кемеровский государственный университет, Кемерово (Россия)

ТЮРКСКИЕ ОГРАДКИ КОМПЛЕКСОВ БОЛЬШОЙ КУРМАНАК-I И II (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АЛТАЙ): ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК А. С. ВАСЮТИНА*

Статья посвящена введению в научный оборот материалов раскопок тюркских оградок на погребально-поминальных комплексах Большой Курманак-I и II, исследованных Алтайским отрядом Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета под руководством А. С. Васютина в 1982 г. К настоящему времени опубликованы лишь отдельные находки из этих объектов, что не позволяет полноценно использовать полученные материалы. На основании сведений, представленных в отчетной документации по результатам раскопок, осуществлена общая характеристика погребально-поминальных комплексов, а также дано подробное описание изученных раннесредневековых оградок. Анализ зафиксированных характеристик позволил заключить, что рассматриваемые объекты памятников Большой Курманак-I и II демонстрируют традицию возведения тюркских оградок, получившую распространение на обширных территориях Центрально-Азиатского региона во второй половине I тыс. н. э. Выявленные особенности конструкций, а также обнаруженные немногочисленные изделия дают основания для датировки сооружений в широких рамках второй половины V — первой половины VIII в. н.э.

Ключевые слова: тюрки, раннее Средневековье, оградка, археологический комплекс, Алтай, хронология

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект «Алтай в эпоху Великого переселения народов и раннем средневековье: комплексное историко-археологическое исследование», МК-6555.2018.6), а также в рамках реализации государственного задания Алтайского государственного университета (проект № 33.867.2017/ПЧ «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии»).

N. N. Seregin¹, S. A. Vasyutin²

---

¹Altai State University, Barnaul (Russia)

²Kemerovo State University, Kemerovo (Russia)

TURKIC ENCLOSURES OF COMPLEXES BOLSHOI KURMANAK-I AND II (CENTRAL ALTAI): BASED ON EXCAVATIONS BY A. S. VASYUTIN

The article presents the publication of materials from the excavations of the Turkic enclosures at the complexes Bolshoi Kurmanak-I and II, investigated by the Altai detachment of the South Siberian archaeological expedition of Kemerovo State University under the leadership of A. S. Vasyutin in 1982. To date, only a few finds from these objects have been published, which does not allow for the full use of the materials obtained. On the basis of the information presented in the reporting documentation about result of the excavations, authors of the article carry out the general description of the complexes and present a detailed description of the studied early medieval fences. An analysis of the recorded characteristics made it possible to conclude that the excavated objects of the complexes Bolshoi Kurmanak-I and II demonstrate the tradition of construction of Turkic enclosures, widespread in large areas of the Central Asian region in the second half of I millennium AD. The revealed features of the studied structures, as well as the few items found, give grounds for the dating of enclosures in the broad framework of the second half of the V — first half of VIII centuries AD.

Keywords: Turks, early Middle Ages, enclosures, archeological complex, Altai, chronology.

Серегин Николай Николаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: nikolay-seregin@mail.ru.

Васютин Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Института истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, Кемерово (Россия). Адрес для контактов: vasutin2012@list.ru.

Одним из районов концентрации археологических комплексов раннесредневековых тюрков, в том числе «поминальных» сооружений — оградок с изваяниями, балбалами и другими сопроводительными конструкциями, является Центральный Алтай. В этой части региона исследовано значительное количество подобных объектов, демонстрирующих процессы формирования и эволюции обрядовой практики кочевников во второй половине I тыс. н. э. К сожалению, в настоящее время по ряду причин археологические раскопки в Центральном Алтае серьезным образом затруднены. В связи с этим большое значение имеет детальный анализ накопленных сведений.

Одним из важных аспектов такой работы является введение в научный оборот и интерпретация неопубликованных материалов исследований прошлых лет.

В настоящей статье представлены результаты раскопок тюркских оградок на комплексах Большой Курманак-I и II, осуществленных в августе 1982 г. Алтайским отрядом Южносибирской экспедиции Кемеровского государственного университета под руководством А. С. Васютина [1983]. Отрывочные сведения о данных объектах были представлены в научной литературе [Васютин, 1983: 216, 217, рис. 37, 38; 1984: 193; Васютин, Елин, Илюшин, 1987, рис. 2. — 20–21] и уже использовались специалистами [Худяков, 1986: 143, 146; Горбунов, 2006: 29, 34, рис. 27. — 9–10; Серегин, Шелепова, 2015: 74]. Более подробная характеристика исследованных сооружений и зафиксированных конструкций, а также самих памятников Большой Курманак-I и II призваны расширить представления об особенностях «поминальных» комплексов тюрков раннего Средневековья.

Характеристика материалов раскопок

Комплекс *Большой Курманак-I* расположен на правой террасе высохшего русла одноименной реки, в 1,5 км к юго-востоку от с. Купчегень Онгудайского района Республики Алтай (рис. 1). Основу памятника составляет группа каменных курганов диаметром от 10 до 16 м и высотой 0,2–0,6 м, устроенных цепочкой по линии север — северо-запад — юг — юго-восток (см. рис. 2–3). Судя по внешним характеристикам, большая часть этих объектов относится к скифо-сакскому времени. Рядом стоящие оградки А-1 и А-2 (см. рис. 4–6), ориентированные сторонами по странам света, сооружены в центральной части комплекса, к востоку от цепочки курганов.

Рис. 1. Карта расположения комплексов Большой Курманак-I-II

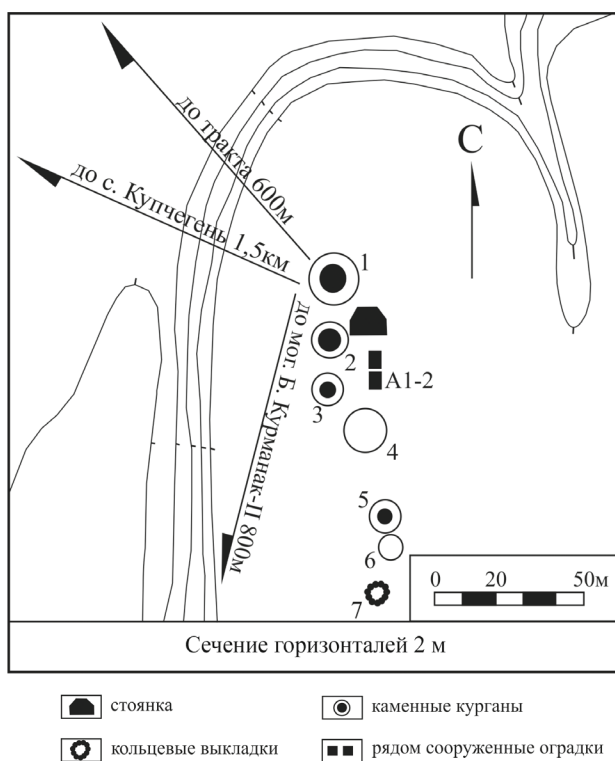

Рис. 2. План комплекса Большой Курманак-I

Рис. 3. Большой Курманак-I. Общий вид с юга

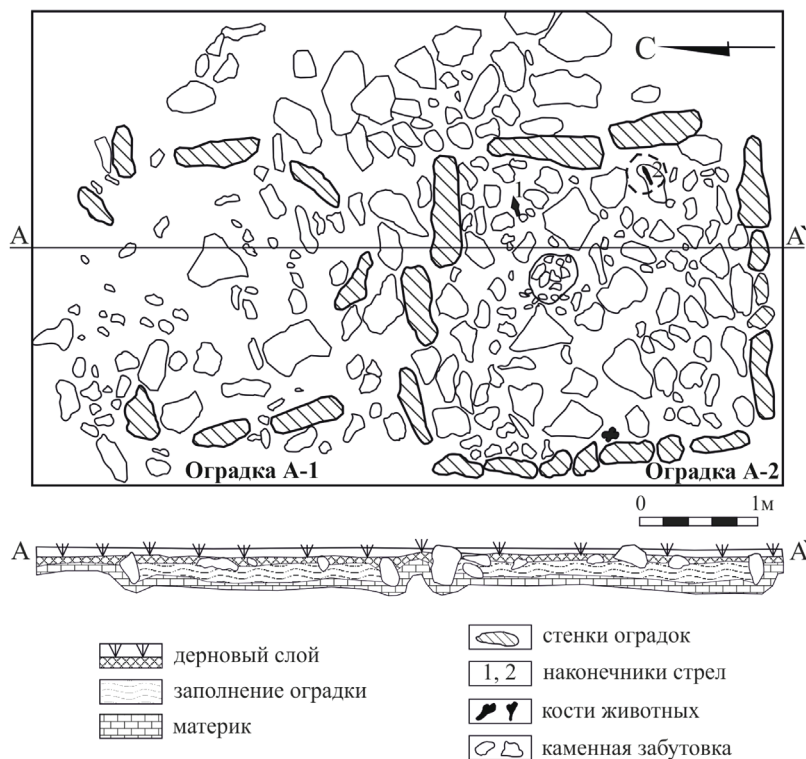

Рис. 4. Большой Курманак-I. План оградок А-1–2

Рис. 5. Большой Курманак-I. Оградки А-1–2 после расчистки дерна

Рис. 6. Большой Курманак-I. Оградки А-1–2 после выборки заполнения

Рис. 7. Большой Курманак-I. Наконечник стрелы в верхнем слое заполнения оградки А-2

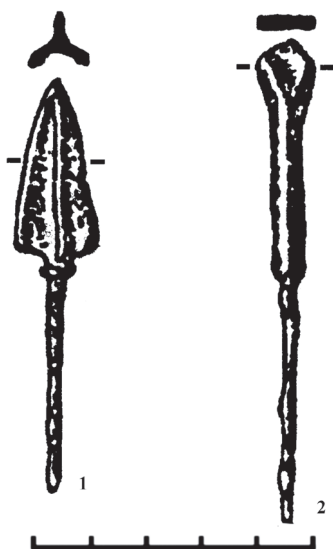

Рис. 8. Наконечники стрел из оградки А-2 комплекса Большой Курманак-I

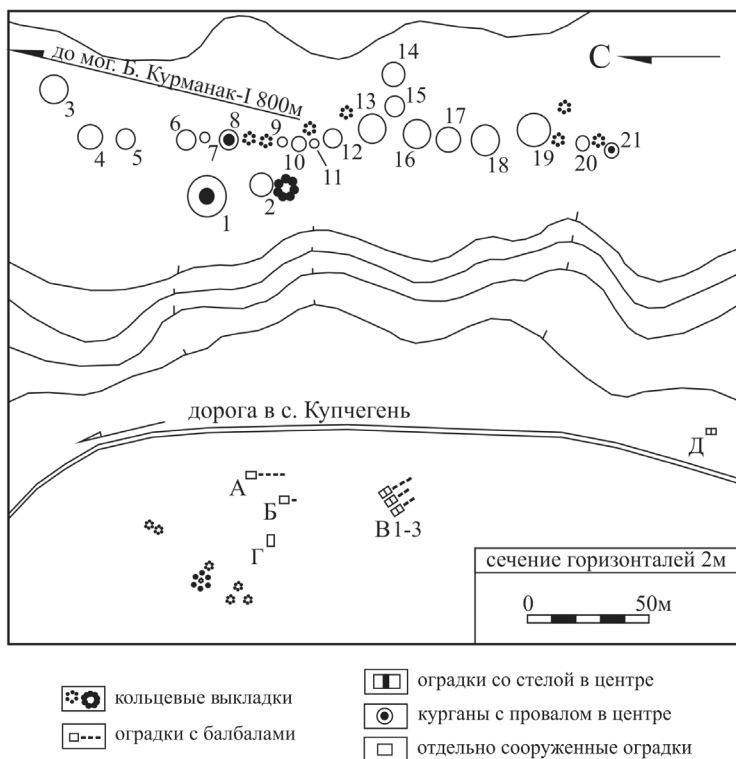

Рис. 9. План комплекса Большой Курманак-II

Рис. 10. Большой Курманак-II. Оградки В-1–3

Оградка А-1 оказалась частично разрушена. Судя по фиксируемым конструкциям, ее размеры составляли 2,2 x 2,0 м. Сохранившиеся стенки оградки сооружены из вертикально установленных плит и камней. В ходе раскопок выявлено однослойное заполнение в виде забутовки из камней. Какие-либо конструкции и находки не обнаружены.

Оградка А-2 находится в 0,3 м к югу от объекта А-1. Стенки оградки сооружены из 17 плит и камней. Размеры объекта — 2,4 x 2,4 м. В однослойном заполнении в северо-восточном и юго-восточном углах обнаружены два наконечника стрел (см. рис. 7–8). На разных участках оградки зафиксированы кости животных. В центре, на уровне материка, под слоем забутовки расчищено небольшое углубление с заполнением в виде мелкой речной гальки.

Могильник **Большой Курманак-II** расположен в 800 м к югу — юго-западу от комплекса Большой Курманак-I (см. рис. 9). Памятник включает две группы объектов. Основу первой группы составляет цепочка каменных курганов различных размеров, устроенных по линии север — юг, рядом с которыми фиксируется серия кольцевых выкладок. Вторая группа, в настоящее время отделенная дорогой, представлена серией

одиноким и рядом стоящих оградок и несколькими кольцевыми выкладками. Большая часть выявленных оградок раскопана.

Оградка А подквадратной формы, сторонами ориентирована по странам света. Размеры сооружения составляют 2,76 x 2,66 м. К югу от оградки установлены четыре балбала. В ходе раскопок зафиксировано двуслойное заполнение в виде забутовки. Какие-либо конструкции и находки не обнаружены.

Оградка Б подквадратной формы, сторонами ориентирована по странам света. К югу от оградки установлен балбал. В ходе раскопок зафиксировано двухслойное заполнение в виде забутовки и вымостки отдельных участков. Какие-либо конструкции и находки не обнаружены.

Рядом сооруженные оградки В-1–3 расположены в 35 м к югу от описанных выше объектов. В центре каждой оградки установлена стела, а к юго-востоку фиксируется по два балбала. Конструкции углами ориентированы по странам света (см. рис. 10).

Оградка В-1 имеет подпрямоугольную форму и размеры 2,4 x 1,9 м. В ходе раскопок зафиксировано однослойное заполнение в виде забутовки, а также вымостка в северо-западной части сооружения. В юго-восточном углу оградки обнаружена кость животного. Какие-либо другие конструкции и находки отсутствуют.

Оградка В-2 подквадратной формы, с завалившейся в северо-северо-восточную сторону стелой. Размеры сооружения составляют 1,9 x 1,6 м. В ходе раскопок зафиксировано заполнение из переложеного дерна и отдельных включений обломочных пород. Какие-либо конструкции и находки не выявлены.

Оградка В-3 подквадратной формы; размеры сооружения составляют 1,6 x 1,8 м. В ходе раскопок зафиксировано двухслойное заполнение в виде забутовки и вымостки в основании стелы. Какие-либо другие конструкции и находки отсутствуют. У юго-восточной стенки оградки установлена стела без следов обработки, рядом с которой находятся два балбала.

Оградка Г расположена в западной части комплекса. У южной стенки сооружения установлена стела. Размеры оградки составляют 1,8 x 2,0 м. Объект ориентирован сторонами по странам света. В ходе раскопок зафиксировано однослойное заполнение в виде забутовки из мелкой речной гальки. В северо-восточном углу оградки обнаружена кость животного. Какие-либо другие конструкции и находки не выявлены.

Культурно-хронологическая интерпретация объектов

Оградки комплексов Большой Курманак-I и II по совокупности показателей могут быть уверенно отнесены к «поминальным» объектам, характерным для археологической культуры раннесредневековых тюрков. Подобные комплексы к настоящему времени известны во всех частях Центрально-Азиатского региона [Грач, 1961; Кубарев, 1984; Ермоленко, 2004; Досымбаева, 2006]. Публикуемые объекты характеризуются рядом черт, которые позволяют рассматривать вопрос об их датировке.

Подквадратные рядом стоящие оградки, подобные исследованным на памятнике Большой Курманак-I, представляют собой одну из наиболее распространенных групп «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрков. Судя по имеющимся материалам, такие объекты возводились на всех этапах существования культуры нома-

дов во второй половине I тыс. н. э. [Матренин, Сарафанов, 2006: 209; Серегин, Шелепова, 2015: 68]. Отметим расположение оградок к востоку от курганов раннего железного века — вариант планиграфии, наиболее характерный для «классических» погребальных комплексов тюрков Алтая.

Время сооружения оградок памятника Большой Курманак-I может быть установлено на основе анализа наконечников стрел, обнаруженных в ходе раскопок объекта А-2. Первая такая находка представляет собой железный черешковый трехлопастный наконечник стрелы с пером треугольной формы и кольцевым упором (см. рис. 8. — 1). Подобные изделия зафиксированы в ряде памятников тюрков, большая часть которых датируется в рамках второй половины V — первой половины VIII в. [Гаврилова, 1965, табл. XI. — 12; Могильников, Елин, 1983, рис. 13. — 4; Кирюшин и др., 1998, рис. 8. — 31; Тишкин, Горбунов, 2003, рис. 2. — 2].

Вторая рассматриваемая находка — железный черешковый четырехгранный наконечник стрелы с пером ромбической формы и цилиндрическим упором (см. рис. 8. — 2). Судя по результатам систематизации предметов вооружения из памятников тюрков подобные изделия не характерны для предметного комплекса тюрков [Худяков, 1986: 136; Горбунов, 2006: 34]. Похожие наконечники стрел обнаружены в памятниках сросткинской и кыргызской культур конца I тыс. н. э. [Худяков, 1990, рис. 2. — 6; Могильников, 2002, рис. 7. — 10, 120. — 9].

Оградки со стелой в центре, исследованные на памятнике Большой Курманак-II, очевидно, могут быть соотнесены с объектами, во внутреннем пространстве которых установлен деревянный столб. Как показывают материалы раскопок таких комплексов, в том числе имеющиеся немногочисленные находки и результаты радиоуглеродного датирования, подобные сооружения возводились на протяжении длительного хронологического периода — с V–VI вв. и вплоть до X в. н.э. [Кубарев, 1978: 93–94; Могильников, Елин, 1983: 131–132, рис. 13; Могильников, 1992: 188; Кубарев, 2011, рис. 3]. По мнению С.С. Матренина и Д.Е. Сарафанова [2006: 210, 212], которые предприняли опыт статистической обработки материалов раскопок «поминальных» комплексов Алтая, оградки со стелой в центре не представляют собой отдельный устойчивый тип сооружений, а скорее демонстрируют существование у тюрков определенной формы обряда, не связанной с каким-то конкретным видом памятников.

Отличительной особенностью оградок комплекса Большой Курманак-II является нетипичная ориентировка балбалов, которые установлены к югу или юго-востоку от основных сооружений. Насколько нам известно, аналогичная ситуация отмечена только на комплексе Кок-Паш в ходе раскопок смежных оградок А-1–3 [Васютин, 1984: 193]. В целом же «нетрадиционная» ориентировка внеоградных объектов, отличная от «классического» для тюрков восточного направления, характерна для комплексов, сооруженных на ранних этапах существования культуры тюрков Алтая и сопредельных территорий [Серегин, Шелепова, 2015: 74].

Следовательно, оградки комплексов Большой Курманак-I и II по совокупности характеристик, несомненно, относятся к культуре раннесредневековых тюрков, отражая общие и особенные характеристики обрядовой практики кочевников данной общности. Анализ зафиксированных конструкций и единичных обнаруженных предметов позво-

ляет сделать заключение о датировке рассматриваемых объектов. Наиболее вероятное время сооружения оградок памятников Большой Курманак-I и II может быть определено в широких рамках второй половины V — первой половины VIII в. н.э.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Васютин А. С. Отчет о раскопках древнетюркских оградок на могильниках Кудыргэ и Кок-Паш Улаганского, Большой Курманак и Кер-Кечу Онгудайского районов Горно-Алтайской автономной области в 1982 году. Кемерово, 1983. 54 с. // Архив ИА РАН, р-1. № 9018.

Васютин А. С. Новые находки из древнетюркских оградок Горного Алтая // Археологические открытия 1982 года. М., 1984. С. 193.

Васютин А. С., Елин В. Н., Илюшин А. М. Новые находки предметов вооружения в древнетюркских оградках Горного Алтая // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 107–114.

Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л., 1965. 146 с.

Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.

Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961. 94 с.

Досымбаева А. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей. Алматы, 2006. 168 с.

Ермоленко Л. Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск, 2004. 132 с.

Кирюшин Ю. Ф., Горбунов В. В., Степанова Н. Ф., Тишкин А. А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень-VI // Древности Алтая. 1998. № 3. С. 165–175.

Кубарев В. Д. Древнетюркский поминальный комплекс на Дьер-Тебе // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 86–98.

Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. 230 с.

Кубарев Г. В. Оградки кудыргинского типа в урочище Ак-Кообы (Юго-Восточный Алтай) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 7: Археология и этнография. С. 219–235.

Матренин С. С., Сарафанов Д. Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 3–4. Горно-Алтайск, 2006. С. 203–218.

Могильников В. А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 175–212.

Могильников В. А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М., 2002. 362 с.

Могильников В. А., Елин В. Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск, 1983. С. 127–153.

Серегин Н. Н., Шелепова Е. В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н. э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул, 2015. 168 с.

Тишкин А. А., Горбунов В. В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М. П. Грязнова) // Древности Алтая. 2003. № 10. С. 107–117.

Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 268 с.

Худяков Ю. С. Кыргызы в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 186–201.

REFERENCES

Vasiutin A. S. Otchet o raskopkakh drevnetiurkskikh ogradok na mogil'nikakh Kudyрге i Kok-Pash Ulaganskogo, Bol'shoi Kurmanak i Ker-Kechu Ongudaiskogo raionov Gorno-Altai'skoi avtonomnoi oblasti v 1982 godu [Report on the excavations of the ancient Turkic enclosures on the burial grounds of Kudyрге and Kok-Pash of Ulagansky, Bolshoi Kurmanak and Ker-Kechu of Ongudaysky districts of the Gorno-Altai Autonomous Region in 1982]. Kemerovo, 1983. 54 s. (Arkhiv IA RAN, r-1. № 9018) (in Russian).

Vasiutin A. S. Novye nakhodki iz drevnetiurkskikh ogradok Gornogo Altaia [New finds from ancient Turkic enclosures of Gorny Altai]. *Arkheologicheskie otkrytiia 1982 goda* [Archaeological discoveries of 1982]. M., 1984. S. 193 (in Russian).

Vasiutin A. S., Elin V. N., Iliushin A. M. Novye nakhodki predmetov vooruzheniia v drevnetiurkskikh ogradkakh Gornogo Altaia [New finds of weapons in the ancient Turkic fences of the Mountain Altai]. *Voennoe delo drevnego naseleniia Severnoi Azii* [Military affairs of the ancient population of Northern Asia]. Novosibirsk, 1987. S. 107–114 (in Russian).

Gavrilova A. A. *Mogil'nik Kudyрге kak istochnik po istorii altaiskikh plemen* [Burial Kudyрге as a source on the history of the Altai tribes]. M.; L., 1965. 146 s. (in Russian).

Gorbunov V. V. *Voennoe delo naseleniia Altaia v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie)* [Military affairs of the Altai population in the III–XIV centuries. Part II: Offensive armament (weapon)]. Barnaul, 2006. 232 s. (in Russian).

Grach A. D. *Drevnetiurkskie izvaianiia Tuvy* [Ancient Turkic statues of Tuva]. M., 1961. 94 s. (in Russian).

Dosymbaeva A. *Zapadni Tiurkskii kaganat. Kul'turnoe nasledie kazakhskikh stepei* [Western Turkic Kaganate. Cultural heritage of the Kazakh steppes]. Almaty, 2006. 168 s. (in Russian).

Ermolenko L. N. *Srednevekoveye kamennye izvaianiia kazakhstanskikh stepei (tipologiya, semantika v aspekte voennoi ideologii i traditsionnogo mirovozzreniia)* [Medieval stone sculptures of the Kazakh steppes (typology, semantics in the aspect of military ideology and traditional worldview)]. Novosibirsk, 2004. 132 s. (in Russian).

Kiriushin Iu. F., Gorbunov V. V., Stepanova N. F., Tishkin A. A. *Drevnetiurkskie kurgany mogil'nika Tytkesken' — VI* [Ancient Turkic mounds of the Tytkesken-VI burial ground]. *Drevnosti Altaia* [Antiquities of Altai]. 1998. № 3. S. 165–175 (in Russian).

Kubarev V. D. *Drevnetiurkskii pominal'nyi kompleks na D'er-Tebe* [Old Turkic memorial complex on Dyer-Tebe]. *Drevnie kul'tury Altaia i Zapadnoi Sibiri* [Ancient cultures of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk, 1978. S. 86–98 (in Russian).

Kubarev V. D. *Drevnetiurkskie izvaianiia Altaia* [Ancient Turkic sculptures of Altai]. Novosibirsk, 1984. 230 s. (in Russian).

Kubarev G. V. Ogradki kudyrginskogo tipa v urochishche Ak-Kooby (Iugo-Vostochnyi Altai) [Kudyrginsky type of fences in Ak-Kooba place (Southeast Altai)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii, filologiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2011, T. 10, V. 7: Arkheologiya i etnografiya. S. 219–235 (in Russian).

Matrenin S. S., Sarafanov D. E. Klassifikatsiya ogradok tiurkskoi kul'tury Gornogo Altaia [Classification fences Turkic culture of the Gorny Altai]. *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Iuzhnoi Sibiri* [The study of the historical and cultural heritage of the peoples of Southern Siberia]. Gorno-Altaysk, 2006. V. 3–4. S. 203–218 (in Russian).

Mogil'nikov V. A. Drevnetiurkskie ogradki Kara-Koba-I [Ancient Turkic fences Kara-Koba-I]. *Materialy k izucheniiu proshlogo Gornogo Altaia* [Materials to the study of the past of Gorny Altai]. Gorno-Altaysk, 1992. S. 175–212 (in Russian).

Mogil'nikov V. A. *Kochevniki severo-zapadnykh predgorii Altaia v IX–XI vekakh* [Nomads of the northwestern foothills of the Altai in the 9th — 11th centuries]. M., 2002. 362 s. (in Russian).

Mogil'nikov V. A., Elin V. N. Kurgany Taldura [Taldura Mounds]. *Arkheologicheskie issledovaniia v Gornom Altae v 1980–1982 gg.* [Archaeological research in the Gorny Altai in 1980–1982]. Gorno-Altaysk, 1983. S. 127–153 (in Russian).

Seregin N. N., Shelepova E. V. *Tiurkskie ritual'nye komplekсы Altaia (2-ia polovina I tys. n.e.): sistematizatsiya, analiz, interpretatsiya* [Turkic ritual complexes of Altai (2nd half of the 1st millennium AD): systematization, analysis, interpretation]. Barnaul, 2015. 168 s. (in Russian).

Tishkin A. A., Gorbunov V. V. Rannetiurkskoe pogrebenie na mogil'nike Iakonur (po materialam raskopok M. P. Griaznova) [Ranneturk burial on the Yakonur burial ground (based on the excavations of M. P. Gryaznov)]. *Drevnosti Altaia* [Antiquities of Altai]. 2003. № 10. S. 107–117 (in Russian).

Khudiakov Iu. S. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii* [Armament of medieval nomads of South Siberia and Central Asia]. Novosibirsk, 1986. 268 s. (in Russian).

Khudiakov Iu. S. *Kyrgyzy v Gornom Altae* [Kyrgyz in Altai Mountains]. *Problemy izucheniia drevnei i srednevekovoii istorii Gornogo Altaia* [Problems of studying the ancient and medieval history of Gorny Altai]. Gorno-Altaysk, 1990. S. 186–201 (in Russian).

Цитирование статьи:

Серегин Н. Н., Васютин С. А. Тюркские оградки комплексов Большой Курманак-I и II (Центральный Алтай): по материалам раскопок А. С. Васютина // Народы и религии Евразии. 2019. № 1 (18). С. 37–49.

Citation:

Seregin N. N., Vasyutin S. A. Turkic enclosures of complexes Bolshoi Kurmanak-I and II (Central Altai): based on excavations by A. S. Vasyutin. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 1 (18). P. 37–49.

УДК 39:008 (5) +902 (5)
DOI: 10.14258/nreur (2019) 1–05

Г. Г. Пиков

Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия)

ЗАПАДНОЕ ЛЯО (1125–1218) КАК РЕЗУЛЬТАТ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА*

В истории киданьской элиты одним из самых замечательных является период существования западнокиданьского государства Западное (Си) Ляо (1125–1218), когда представители киданьской элиты во главе с членом императорского рода Елюй Даши осуществили уникальный эксперимент переноса политического центра империи на запад. Эта история стала результатом этнокультурного трансфера, одного из механизмов переноса культуры в иное пространство. Понятие «культурный трансфер» ввели в 1980-е гг. М. Эспань и М. Вернер в ходе изучения влияния немецкой философии и литературы на интеллектуальную мысль Франции XVIII–XIX вв. Исторический материал свидетельствует, что данный термин не только возможен, но и необходим. Разного рода перемещения происходили в период цивилизаций если и не регулярно, то часто, следовательно, должны быть осмыслены системно как проявление действия общецивилизационных закономерностей. В статье это понятие используется для осмысления истории возникновения государства Си Ляо. Новая «страна», по выражению самого Елюй Даши, возникла как клон империи Ляо (907–1125) и стала местом, где шел сложный синтез различных культурных потоков.

Ключевые слова: кидани, кара-китаи, элита, кочевники, гурхан, император, Западное Ляо, Восточный Туркестан.

G. G. Pikov

Novosibirsk state University, Novosibirsk (Russia)

WESTERN LIAO (1125–1218) AS A RESULT OF ETHNO-CULTURAL TRANSFER

In the history of the Chitan elite one of the most remarkable is the period of existence of the west-chitan state Western (Hsi) Liao (1125–1218), when representatives of the Chitan elite led by a member of the Imperial family Yelü Dashi carried out a unique experiment of

* Данная статья является третьей из серии статей, посвященных судьбе киданьской элиты после крушения империи Ляо [Пиков, 2018а; 2018б].

transferring the political center of the Empire to the West. This act was the result of ethno-cultural transfer, one of the mechanisms of transfer of culture to another space. The concept of “cultural transfer” was introduced in the 1980s by M. Espan and M. Werner in the course of studying the influence of German philosophy and literature in the intellectual thought of French XVIII–XIX centuries. Historical material shows that this term is not only possible, but necessary. All sorts of movements occurred during the period of civilizations, if not regularly, then often, and, therefore, should be understood systematically, as a manifestation of the action of General civilizational laws. In the article this concept is used to understand the history of the Hsi Liao state. The new “country”, in the words of Yelü Dashi himself, arose as a clone of the Liao Empire (907–1125) and became a place where there was a complex synthesis of different cultural flows.

Key words: Chitans, Kara-Kitai, elite, nomads, gurkhan, the Emperor, West Liao, East Turkestan.

Пиков Геннадий Геннадьевич, доктор исторических наук, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории гуманитарного института Новосибирского государственного университета. Адрес для контактов: gennadij-pikov@yandex.ru.

В истории киданьской элиты одним из самых замечательных является период существования западнокиданьского государства Западное (Си) Ляо (1125–1218), когда представители киданьской элиты во главе с членом императорского рода Елюй Даши осуществили уникальный эксперимент переноса политического центра империи на запад. Эта история стала результатом этнокультурного трансфера, своего рода «чистой» горизонтальной трансляции модели на окраину цивилизационной зоны.

Этнические передвижения всегда были в центре внимания культур и народов. На протяжении тысячелетий все культуры достаточно жестко отделяли себя от «чужих» и «иных», находя «культуру» лишь у себя.

В последние десятилетия научную общественность взбудоражила концепция М. Эспана, который пытается осмыслить взаимодействие соседних культур под новым углом зрения. Центральным у него и его последователей является понятие «трансфера» как формы динамичного культурного обмена. М. Эспань и М. Вернер ввели понятие «культурный трансфер» в 1980-е гг. в ходе изучения влияния немецкой философии и литературы на интеллектуальную мысль Франции XVIII–XIX вв. Слово почти бытового происхождения (от английского *переносить, перемещать*) оказалось удачной находкой сначала для лингвистов, а потом и для всех исследователей, занимающихся компаративистскими исследованиями. Исторический материал свидетельствует, что данный термин не только возможен, но и необходим. Разного рода перемещения происходили в период цивилизаций, если и не регулярно, то часто, следовательно, должны быть осмыслены системно как проявление действия общецивилизационных закономерностей. Применительно к истории киданей и их элиты можно отметить, что слово «трансфер» применяется в значении более близком первоначальному смыслу: «перемещение» целого или его части, а не просто отдельных идей, мода на них.

Этнокультурный трансфер — уникальный и неповторимый вариант развития. Для него обязателен ряд элементов.

Характерно наличие длительной предистории как самоопределения и оформления этноса, культуры и парадигмы развития. Сначала идет формирование народа, который может долго искать «родину» (древние евреи до Ханаана, готы до создания своего царства в Крыму, кидани в додинастический период). Народ может всю жизнь провести на этой сцене и потом сойти с нее — такова судьба многих народов древности. Однако возможен, чаще всего вынужденно, и переход (по горизонтали) на другую территорию: евреи переходят в состояние рассеянного этноса, готы бегут от гуннов и в конечном итоге оказываются в Галлии и Испании. Кара-китаи как осколок этноса вытесняются чжурчжэнями в Центральную Азию. Осколки больших этносов превращаются в своего рода «этнический мусор», который вытесняется за пределы родной зоны. В истории Ляо тоже встречались такие осколки. Так, например, после знаменитой экспедиции 924 г. в западные регионы часть местного населения ушла в районы Центральной Азии. Такая же участь постигла в свое время хунну.

Начало этому трансферу дает политическая катастрофа, и в поисках механизма ликвидации ее последствий используются различные идеи: движение в «землю обетованную», просто поиски пригодной для проживания земли (готы), возрождение своего прежнего государства (кидани). Трансфер — вынужденная мера. Евреи «бегут» из Египта, готы были выдвинуты сначала с территории современной Польши, а потом и из Причерноморья. У готов и древних евреев не было «большой» зоны обитания до начала скитаний, тогда как у киданей она была. Основателю западнокиданьского государства Елюй Даши нужна была какая-либо территория в качестве плацдарма для накопления сил сопротивления. Не сумев создать такой плацдарм на севере империи, Елюй Даши отправился на западную границу, затем попытался опереться на земли киргизов и только после этого отправился для пополнения своих сил в те районы Восточного Туркестана, которые контролировались киданьскими родами, ранее ушедшими из Ляо.

Этнокультурный трансфер в той или иной степени связан с военными перемещениями, но не может быть сведен только к ним, иначе говоря, не может быть обозначен как «завоевание». Древние евреи искали свободной земли для поселения, вестготы, спасаясь от нашествия гуннов, вошли в пределы Римской империи, надеясь на помощь ее правительства. Те и другие вскоре столкнулись с нежеланием местного населения иметь их в качестве соседей. Если евреям удалось закрепиться в «земле обетованной», то вестготы в конечном итоге вынуждены были уйти с территории Фракии и Мезии. Рюрик со своей дружиной дал начало новой династии, которая достаточно быстро трансформировалась в славянскую. Кидани поселились на свободных землях, стали еще одним компонентом в этнической мозаике региона, оказались востребованы в качестве управляющей прослойки и на всем протяжении своей центральноазиатской истории не вели захватнических войн. Основное внимание они уделили управлению регионом. Это дает основание именовать такой процесс именно этнокультурным, а не военно-политическим. Задействованы все сферы — политика, экономика, культура. Политика сама по себе имеет немалое значение, военные аспекты так или иначе

присутствуют, но процесс быстро выходит из сферы грубой политики, и начинается цивилизационное строительство.

Этнокультурный трансфер обязательно связан с большим пространственным перемещением — на сотни и даже на тысячи километров. В ходе его происходит перемещение довольно больших групп, к тому же уже оформленных в той или иной степени институционально. У древних евреев уже был «Моисеев закон», у готов и киданей — опыт государственного строительства. «Вернуться в первобытное состояние» они уже не могли и потому на новом месте возводили уже привычную для них идеологическую или этатическую конструкцию. Более мелкие или случайно образовавшиеся группы, отдельные люди просто входили в состав местного населения и максимально растворялись в нем. Если новая конструкция по каким-то причинам исчезала или распадалась, ее строители или их потомки очень долго помнили этот опыт, более того, часто с него начинали новый этап своего исторического развития. Так, после киданей до сих пор существуют многочисленные группы «кытай» или «ктай» во многих регионах Центральной Азии и Восточной Европы. Формально они входят в состав киргизов, казахов, узбеков, поволжских народов, но позиционируют себя как особую «кость».

Этнокультурный трансфер — один из механизмов переноса культуры в иное пространство, своего рода «прививка к другому дереву». Тем не менее обязательно одно условие — наличие диаспоры, т. е. среды, где уже проживали «свои» или этногенетически близкие люди или роды. До «хиджры» Елюй Даши в Восточном Туркестане уже бывали китайцы, селились выходцы из Восточной Азии — чаще всего турки, но было много и монголов, в том числе киданей. Этот регион охотно поддерживал экономические связи с Восточной Азией. В Самарканде даже были особые «киданьские» ворота. В то же время эта территория была своего рода «серой зоной», т. е. минимально освоенной с обеих сторон — со стороны Восточной Азии и коренных мусульманских территорий.

Этнокультурный трансфер — не слепое копирование прежней культуры, а начало новой, «брачный союз» пришлого и местного субстратов. В результате «ребенок» не будет похож ни на «отца», ни на «мать». У западных киданей «ребенок» просто не успел вырасти.

История киданьского трансфера интересна не только как малоисследованная страница центральноазиатской истории, но и как своего рода модель этой операции. Цельность этой операции по переселению на запад, ее частный характер, когда практически никакого значения не имели иные внешнеполитические факторы, дают возможность лучше увидеть ее суть и специфику строительства метарегиональной или, как минимум, региональной модели.

Елюй Даши вынужден был увести с трудом собранные остатки киданьских племен по проторенной дороге на Запад. Пришедшие с континента под названием Восточная Азия на остров под названием Восточный Туркестан кидани фактически не вышли за пределы прежней цивилизационной зоны. Связь Ляо и Запада Монголии нашла отражение и в существовавшем в империи бицефализме двух правящих родов — киданьского Елюй и уйгурского Сяо. Непосредственно перед приходом Елюй Даши на службе у Караханидов находилось более 16 тысяч шатров киданей. И. Э. Фишер считает, что эти

кидани и были сначала названы «черными» (кара): «не так для черноты старинных жителей, как наипаче, что они, яко побежденные, должны были платить некоторую дань своим победителям» [Фишер, 1774: 11].

На первых порах кидани поселились в районе, где, как указывают мусульманские источники, проживали киргизские племена. По словам Рашид ад-Дина, войско киданей «подошло к границе киргиз: они напали на племена, которые были в тех пределах, а то племя (кыргызы) также оказывало им противодействие» [D'Ohsson, 1834: 441]. Встретив это сопротивление, Елюй Даши решил изменить направление удара. Совершив походы против Хотана и других владений, к 1127 г. кидани появились у границ Мавераннахра. Даши от баласагунского правителя получил титул хана, а того стал именовать «илиг-туркмен» («илиг тюрков») [Чингисхан, 2004: 249, 617]. Поскольку этот правитель был потомком легендарного Афрасиаба, то киданьский правитель фактически стал тройным правителем с титулами киданьского императора, монгольского гурхана и тюркского хана. Много тюрков осело на бывшей границе с Ляо, и они присоединялись целыми племенами или отдельными изгоями. В результате Даши шел на запад не только как киданьский император и глава конфедерации монгольских племен, но и во главе тюрков. Кидани преобладали и командовали, потому его воспринимали прежде всего «китаем».

Особого внимания заслуживает так называемая восточная экспедиция киданей. В третьем месяце 1134 г., как указывает «Ляо ши», Елюй Даши отправил 70-тысячную армию под командованием Сяо Валила на восток, через пустыню, чтобы восстановить империю Ляо. Возможно, что на самом деле это был поход с целью отмщения киргизам «за беспокойство, причиненное ими», о котором сообщает Джувейни [Рашид ад-Дин, 1952: 189, 190].

Таким образом, Елюй Даши не только сумел основать обширное государство на развалинах Восточно-Караханидского каганата, но и подступил вплотную к владениям Сельджукидов. Облегчил его победы целый ряд факторов, в том числе сложная этнополитическая и социальная ситуация в регионе, упадок земледелия, значительное сокращение посевных (поливных) площадей, междоусобная борьба караханидских правителей. «Они завладели страной Туркестан. Когда они занимали город, то для жителей его ничего не меняли, только брали с каждого дома по динару — с жителей городов и, кроме того, с деревень. Что касается посевов и тому подобного, то они предоставлялись населению. Каждый из царей, кто подчинился им, прикреплял на своей груди подобие серебряной дощечки: таков знак того, кто им подчиняется» [Материалы..., 1973: 66].

Махмуд Самаркандский запросил помощи у сельджукского правителя султана Санджара. Санджар в течение шести месяцев готовился к войне с Елюй Даши. Под его знамена были привлечены почти все вассалы султана из Хорасана, Седжестана и горных областей Гура, Газны и Мазандерана.

Решающее сражение между киданями и армией «последнего великого Сельджука» Санджара состоялось 5 сафара 536 года хиджры (9 сентября 1141 г.) в Самаркандской области, на Катванской равнине, расположенной между Ходжентом и Самаркандом. По сообщению Ибн ал-Асира, «не было в исламе битвы крупнее этой, и не было в Хорасане больше убитых, чем в ней. Государство хитаев и тюрков-неверных утвер-

дилось в Мавераннахре» [Материалы..., 1973: 67]. Развивая успех, Елюй Даши без особого труда овладел Самаркандом и Бухарой, распространив свою власть на всю территорию Мавераннахра.

Однако победы на востоке были связаны не только с военным талантом Елюй Даши, но и с его дальновидностью во внешней политике. Он понимал, что Катванская битва была лишь военной победой, и видел неустойчивость политической ситуации в регионе. Выдержать новое сражение, особенно если мусульмане реально соберут все возможные силы, кидани были бы не в состоянии. Елюй Даши делает все, чтобы убедить мусульман в своем нежелании выходить за пределы диаспоры и, наоборот, стремлении отвоевать территорию Ляо. Из Самарканда Даши отправился в город Цзи-жи-мань, находившийся на полпути между Самаркандом и Бухарой. Здесь, судя по «Ляо ши», «все его командиры, гражданские и военные чиновники, собрались и провозгласили Даши императором... Даши подарил также почетные титулы своим предкам и своей жене». Затем он даровал посмертные титулы предкам принца Сяо Валила и остальных 49 выдающихся командиров. Таким образом, Елюй Даши вторично был провозглашен императором, на сей раз уже не Ляо, а нового государства, которое именно тогда, скорее всего, и получило наименование Си Ляо (Западное Ляо). Даши не просто имел на это право, но и обязан был это сделать в соответствии с восточноазиатскими этатическими традициями. Государство было создано киданями, и в его названии должно было быть указание на это, но создано не на территории империи, а на ее периферии.

Территория государства не сводилась только к местам обитания собственно киданей. По Ибн ал-Асиру, каракитаи «обитали в Узкенде, Баласагуне, Кашгаре и их окрестностях», хотя гарнизоны их были «в стране Туркестан и в Мавераннахре и тяжело попирали их народы» [Материалы..., 1973: 73]. Елюй Чуцай, посетивший Центральную Азию в 1219 г., писал, что государство занимало территорию в «несколько десятков тысяч ли»; его современник Чан Чунь сообщал о «десяти тысячах ли в каждом направлении» [Bretschneider, 1888: 232]. В итоге, в состав государства входили территории современных Синьцзяна, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана, южного Казахстана, западной Монголии (по крайней мере, до 1175 г.). Таким образом, по размерам Западное Ляо не уступало Золотой империи чжурчжэней и Южносунскому государству.

Борьба с чжурчжэнями более десяти лет, суровый переход в Центральную Азию и отсутствие явных перспектив мирного развития неизбежно вызывали усиление милитаризма в общественной конструкции и сознании. На первых порах кидани на западе жили как в окруженной врагами крепости, пытались отгородиться своим «железным занавесом» (поселились в отдельном «войлочном городе», ввели особые порядки в своем домене, даже особую одежду), присвоили своему государству восточноазиатское название (Си Ляо). Преемники Елюй Даши не изменили название государства, а оно обязывало проводить определенную политику и преследовать определенные цели.

Легко можно предположить, что не только Елюй Даши, но и его изрядно инертные преемники все же надеялись на реставрацию Ляо. Почему? Не только их современники, но и многие исследователи нашего времени считают их недалекими, идеалистами, упрекают в отсутствии рационализма и профессионализма. Так ли это?

Конечно, упорство в достижении своей цели можно и нужно объяснять такими личностными качествами элиты, мало что говорящими простым людям, как честь, верность, доблесть, преданность императору, любовь к родине и т. п. Уже одно это явственно прослеживается в характере Елюй Даши, объясняет его «идеализм».

Но было и другое. Елюй Даши видел историческую перспективность киданьской парадигмы. Ее элементы охотно перенимали отдельные монгольские племена в период Ляо и даже правители Монгольской империи и пришедшие к власти в Китае в XVII в. маньчжуры. Именно ее, чуть ли не в полном виде, пытаются возродить отдельные «мятежники» против власти чжурчжэней, например, Елюй Люгэ в XIII в. Во многом на нее опирался находившийся на службе у монгольских ханов Елюй Чуцай.

Даши видел и недовольство чжурчжэнями и китайцами, их политикой и алгоритмом развития у монгольских племен. Он в то время еще не мог предположить, что эти племена окажутся способны на собственный цивилизационный эксперимент, и думал, что рано или поздно они придут к поддержке близкого им по духу ляоского варианта развития. На опыте своего многолетнего военного сотрудничества с ними он убедился, что цзиньский и сунский варианты не подходят монголам, которые ни за что не станут чжурчжэнями или китайцами.

Одновременно Елюй Даши понимал, что объединение всех оппозиционных сил под знаменами киданьской империи потребует очень много времени. По этой причине он и отказался от проекта Бэй Ляо, перейдя к новому проекту — Си Ляо. Необходим был новый политический центр, довольно крупный и реальный, а не «правительство в изгнании» или «посольство». Он должен находиться в относительной безопасности, вдали от чжурчжэньского, китайского или тангутского государств. А это значит, что возрождение ляоского могущества пойдет не с востока, а с запада. В итоге он отказался от идеи немедленного военного реванша, а наметил долгосрочную программу привлечения на свою сторону не только монгольских племен, но и всех недовольных ситуацией, сложившейся в Восточной Азии. Елюй Даши не разочаровался в своих планах, не смирился со своей участью, а создал новый проект, уже третий, после проекта использования военных отрядов северных племен и проекта Бэй Ляо.

Этот проект, несомненно, развивался и корректировался. Видимо, Даши всерьез подумывал о том, чтобы сделать земли киргизов центром сопротивления, но у киргизов были не только понятные опасения в отношении чжурчжэней, но и свои, далеко идущие планы развития собственной государственности. Это изрядно обескуражило гурхана, к тому же он недостаточно хорошо знал ситуацию в Восточном Туркестане и поэтому, возможно, решил просто пополнить свои силы за счет семиреченских киданей. Однако именно в Центральной Азии он смог максимально реализовать свои планы.

Вся империя была разделена на две неравные части: внутренние районы с центром в Баласагуне, которые управлялись непосредственно центральным правительством империи, и зависимые территории. Существовало три степени зависимости этих территорий от центральной власти (посылка наместника, посылка сборщиков дани и разрешение местному правителю или феодалу самому привозить дань в столицу) [Vasary, 1978]. Как правило, вассальные территории были независимы в своих внутренних делах. К тому же они были разделены на «фактически самостоятельные уделы, управляе-

мые членами или родственниками», воевавшими между собой, что привело к их ослаблению и «послужило одной из причин падения государства Караханидов» в будущем [Караев, 1983: 164, 262].

Разгромленная чжурчжэнями киданьская элита, вернее, та ее часть, которая объединилась вокруг члена императорского рода Елюй Даши, попыталась перенести на запад именно ляоский вариант «мироустроительной» парадигмы. На это указывает сама «Ляо ши», называющая западную династию законной китайской династией и считающая, что ее исторические анналы прямо следуют киданьским образцам.

В то же время киданьская имперская культура на востоке была предельно политизированной и максимально отличалась в этом смысле от ментальных культур собственно киданей и других народов. Именно в этом качестве она была востребована и на западе. В результате и в западном государстве наблюдается ситуация не только мультикультурности, но и противостояния элитарной политической культуры и бытовых традиций. Здесь не могла быть навязана собственно киданьская культура, но только имперская. Это свидетельствует о том, что здесь существовала особая необходимость не в аристократии, а в киданьской элите.

Главной целью политики Даши было восстановление киданьской империи или хотя бы сохранение нового киданьского «острова». Однако восточноазиатская, в основе своей киданьская, культурная экспансия на восток была резко свернута. Си Ляо оказалась «Австралией», т. е. государством, которое должно было выживать самостоятельно.

Любое средневековое государство не имело четко оформленных границ, как это практикуется в Новое и Новейшее время. Есть центр государства. В империи Ляо — это «киданьская земля». Вокруг него располагались земли подвластных племен и народов, отношения которых с династией Елюй оформлялись разными договорами. На самом краю империи, на севере и западе, располагались земли, на которых, в принципе, могли селиться любые племена или даже уходить с них. Ряд так называемых киданьских родов, попавших на территорию Восточного Туркестана, был чаще всего именно такими. Это была своего рода «серая зона», т. е. по сути ничейная земля, жители которой должны были платить «дань», участвовать по мере необходимости в каких-либо общеимперских мероприятиях, скажем, военных походах, а в остальном вели фактически свободную жизнь.

Аналогичные ситуации наблюдались и в других регионах Евразии. В «земле обетованной», куда стремились попасть древние евреи, проживали разные «племена», т. е. эта территория не была в центре влияния хеттов, финикийцев, египтян. Даже в средневековой Франции домен был связан с другими территориями страны так называемыми вассально-ленными отношениями.

Если для восточных киданей «серой зоной» был в большей степени север, то для западных — это запад, восточнотуркестанские земли. Во время собственной коронации в Цзижимани (Керман) именно эту территорию Елюй Даши назвал «страной». Это не синоним «родины», но обозначение своей, т. е. киданьской территории, западная часть «родины». Ни «страна», ни западная «серая зона» абсолютно не годились в качестве плацдарма для реванша, но вполне подходили для основания *легитимного киданьского* государства. Появилась своего рода Малая Кидания. Аналоги этого встре-

чаются в истории. Рюрик пришел к славянам, и территория, которой он был приглашен управлять, тоже стала «Русью», только уже не скандинавской. Бритты, перешедшие с Британских островов на полуостров Арморика, называли его Бретанью, т. е. Малой Британией, в отличие от Великобритании, откуда пришли.

Мусульмане упорно не называли территорию западных киданей государством, вступая с ними лишь во временные соглашения и признавая лишь верховенство киданьской власти. После крушения Си Ляо мусульмане постарались смыть позор подчинения им, с удовольствием называя их лишь кара-китаями (черными киданями, в отличие от имперских белых). Это именно мусульманское обозначение. Восток называл их киданями, а монголы в «Ляо ши» используют собственно западнокиданьское название Си Ляо.

Принципиальное отличие зоны расположения Си Ляо от зоны Ляо в том, что первая была одной из древнейших и классических территорий взаимодействия чужеродных народов и культур, тогда как вторая была областью, тоже древнейшей и классической, обитания близких и родственных в этногенетическом, историко-культурном и хозяйственно-экономических отношениях этнических групп. Если на востоке кидань были своими, то на западе они стали чуждыми практически для всех и любых народов. В результате это станет одной из основных причин смены стратегии существования — от строительства перспективной социокультурной модели к элементарному выживанию.

Елюй Даши пытался сделать «родиной» северные регионы (проект Бэй Ляо), хотел закрепиться в «земле киргизов» и лишь после Катванской битвы получил возможность жить на определенной территории, а не быть степным перекати-полем. «Киданьская земля» была потеряна на востоке, но возродилась на западе.

Елюй Даши назвал новую территорию своей страной, и имел на это, по представлениям того времени, право, ибо он завоевал ее, вошел в союз с местными жителями, в том числе с карлуками, был признан соседями, даже сельджукидами, объявил о мирном варианте развития, а не экспансии как цели дальнейшего существования, причем, не только в сторону Запада, но и Востока, произвел коронацию с полным на то правом, что давали ему одержанные победы, полученные в Восточной и Центральной Азии титулы, признание местного населения. Это не могли сделать в свое время вожди киданьских «шестнадцати тысяч шатров». Они были беглецами в глазах всех народов, поэтому и лишь проживали на данной территории.

Принятое киданями название для своего государства «Западная» (Си) не случайно. Объявлять о создании принципиально нового государства у них не было никаких оснований и прав. Практически все средневековые государства говорят о своем происхождении от какого-либо великого государства или от великого «предка»: слово «король» происходит от имени Карла Великого, «августейшие особы» ведут свое происхождение от Октавиана Августа, основателем Рима считают Энея из Трои. Елюй Даши тоже свое государство считал киданьским и взшел на трон с помощью традиционной киданьской процедуры инвеституры.

Данное название также ясно говорило всем последователям Елюй Даши и соседним народам о намерении возродить Ляо. Одновременно это было вполне четкое предупреждение западным и восточным народам, что территория Си Ляо — киданьская земля,

а не чья-либо еще, тем более, что это государство осталось в пределах зоны реального или потенциального влияния киданей.

Иероглифы Си (Западное) и Ляо резко повышали статус созданного пришельцами с востока государственного образования («го»): это уже не квазигосударство кочевников, а государство, вполне сопоставимое с тангутским Западным (Си) Ся или китайскими пятью династиями.

Западнокиданьские правители отнюдь не идеалисты, хотя и мечтали о реставрации Ляо, пусть и не так горячо, как Даши. Их устраивало в целом положение пограничного государства, своего рода защитной стены со стороны исламского мира по отношению к Монголии. К тому же они обладали верховной властью в регионе, регулировали торговлю между Западом и Востоком. В целом, они как бы находились на службе не у какого-то конкретного правителя, скажем, даже султана Санджара, а у всего восточно-туркестанского региона. Им всего этого вполне хватало для спокойного существования — каракитайская династия «благополучно и счастливо правила в течение трех карнов и пяти лет^{*}, в течение которых никакая беда не коснулась подола их удачи» [Чингисхан, 2004: 254]. Устраивала такая ситуация и чжурчжэней.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Березин И. Н. Рашид-Эддин. История Чингиз-хана от восшествия его на престол до кончины // Труды Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Ч. XV. СПб., 1888.

Караев О. К. История Караханидского каганата. Фрунзе, 1983. 301 с.

Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973. 280 с.

Пиков Г. Г. Судьба элиты кочевой империи после крушения государства (на примере восточноазиатской империи Ляо, 90–1125) // Народы и религии Евразии. 2018а. № 3(16). С. 39–47.

Пиков Г. Г. Проект Бэй Ляо (Северная Ляо, 1122–1141) // Народы и религии Евразии. 2018б. № 4 (17). С. 32–43.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1, кн. 2. 281 с.

Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. 631 с.

Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни / пер. с англ. Е. Е. Харитоновой. М., 2004. 688 с.

Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to 17th century. Vol.1. London, 1888. 324 p. (на англ. яз.).

D'Ohsson. Histoire des Mongols. La haye. Amsterdam, 1834. Т. I. 626 p. (на фр. яз.).

Vasary I. The origin of the institution of Basqaqs // Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae. Т. XXXII. Fasc. 2. Budapest, 1978. P. 201–206 (на венгр. яз.).

---

* Современное значение слова «карн» — «столетие». Отсюда в переводе текста Рашид ад-Дина Березиным ошибочно указывается «триста пять лет» [Березин, 1888: 80]. В то время это слово означало тридцатилетний период. Следовательно, кара-китаи правили меньше столетия, точнее, 89 солнечных лет [Чингисхан, 2004: 618].

REFERENCES

Berezin I. N. *Rashid-Eddin. Istoriia Chingiz-khana ot vosshestviia ego na prestol do konchiny* [The history of Genghis Khan from his accession to the throne to his death]. *Trudy Vostochnogo otdeleniia Imp. Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [Proceedings of the Eastern branch of the Imp. Russian archaeological society]. SPb., 1888. Ch. XV. 498 s. (in Russian).

Karaev O. K. *Istoriia Karakhanidskogo kaganata* [History of the Karakhanid state]. Frunze, 1983. 301 s. (in Russian).

Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii [Materials on history of Kyrgyz and Kyrgyzstan.]. M., 1973. Vyp. 1. 280 s. (in Russian).

Pikov G. G. Sud'ba elity kochevoi imperii posle krusheniia gosudarstva (na primere vostochnoaziatskoi imperii Liao, 90–1125) [The Fate of the elite of the nomadic Empire after the collapse of the state (on the example of the East Asian Empire Liao, 90–1125)]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2018a. № 3 (16). S. 39–47 (in Russian).

Pikov G. G. Proekt Bei Liao (Severnaia Liao, 1122–1141) [A project of the Bay of Liao (Liao North, 1122–1141)]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2018b. № 4 (17). S. 32–43 (in Russian).

Rashid ad-Din. *Sbornik letopise* [Collection of Chronicles]. M.; L., 1952. T. 1, kn. 2. 281 s. (in Russian).

Fisher I. E. *Sibirskaiia istoriia s samogo otkrytiia Sibiri do zavoevaniia sei zemli rossiiskim oruzhiem* [Siberian history from the discovery of Siberia to the conquest of this land by Russian weapons]. SPb., 1774. 631 s. (in Russian).

Chingiskhan. *Istoriia zavoevatelia mira, zapisannaia Ala-ad-Dinom Ata-Melikom Dzhuveini* [The history of the world conqueror, written Ala-ad-DIN ATA-Melik Juwayni]. Per. na russkii iazyk s angl. E. E. Kharitonovoi. M., 2004. 688 s. (in Russian).

Bretschneider E. *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to 17th century*. Vol. 1. London, 1888. 324 p. (in English).

D'Ohsson. *The history of the Mongols* [Histoire des Mongols]. La haye, Amsterdam: Freres Van Cleef, 1834. T. I. 626 p. (in French).

Vasary I. *The origin of the institution of Basqaqs* [Proiskhozhdenie instituta Basqaqs]. *Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae*. T. XXXII. Fasc. 2. Budapest, 1978. S. 201–206 (in Hungarian).

Цитирование статьи:

Пиков Г. Г. Западное Ляо (1125–1218) как результат этнокультурного трансфера // Народы и религии Евразии. 2019. № 1 (18). С. 50–60.

Citation:

Pikov G. G. Western Liao (1125–1218) as a result of ethno-cultural transfer. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 1 (18). P. 50–60.

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 39: 94 (575.4)

DOI: 10.14258/nreur (2019) 1–06

С. Дж. Атаев

Институт Археологии и этнографии АНТ, Ашхабад (Туркменистан)

РУСАЛКИ И ВОДЯНЫЕ ДЕВЫ — СУВ-ПЕРИСИ В ТРАДИЦИОННОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ТУРКМЕН

В представлениях туркмен сохранились, правда, в небольшом объеме, различные рассказы об обитающих в водных просторах морей и рек различных человекоподобных существ. Особую группу повествований составляют водяные девы и русалки. Истории о них обычно отрывочны и фрагментарны.

Попытки освещения этой тематики в научной среде были предприняты рядом исследователей еще в XX в. Обобщение накопленного материала и анализ этнографических данных позволяют воссоздать образ исследуемого объекта и придать ему более четкие очертания. Работа в этой области дает возможность произвести предварительную классификацию русалок и водяных девиц, обитающих в Каспийском море и реках Туркменистана. Обитающие в Амударье русалки имеют традиционные среднеазиатские стандарты: они нежны, сладкоголосы и загадочны. Водяные девы же Каспийского моря и рек южных районов Туркменистана наделены коварством, опасны и имеют устрашающий темный окрас.

Обитавшие в морских и речных глубинах мифические водные хозяйки — сув-эеси, русалки — сув-периси и водные девы — сув-гызы наводили неописуемый ужас на людей. Устрашающая роль водных хозяек, прочно закрепленная в сознании человека, объяснима их природоохранной значимостью, где им отведен статус сторожей водных богатств. Они могли разрешить или запретить людям выходить в море и ловить рыбу. Созданный в сознании человека их мифический образ и поведение сводились

к тому, что они были способны ограничить безмерную деятельность человека на водных просторах.

Ключевые слова: русалки, водяные девы, сув-эеси, сув-периси, гара-гырнак, адам-оби, сув-гызы.

S. J. Atdaev

Institute of Archeology and Ethnography of ANT, Ashgabat (Turkmenistan)

MERMAIDS AND WATER VIRGES — SUV-PERISI IN THE TRADITIONAL REPRESENTATION OF TURKMEN

In the views of Turkmens, there are preserved, though in a small volume, various stories about the various human-like creatures inhabiting the water spaces of the seas and rivers. Special groups of narratives are water maidens and mermaids. The stories about them are usually sketchy and fragmentary.

Attempts to highlight this subject in the scientific community were undertaken by a number of researchers in the XX century. The generalization of the accumulated material and the analysis of ethnographic data make it possible to reconstruct the image of the object under study and to give it a clearer outline.

Work in this area makes it possible to make a preliminary classification of mermaids and water maidens living in the Caspian Sea and the rivers of Turkmenistan. The mermaids living in the Amu Darya have traditional Central Asian standards: they are tender, sweet and mysterious. The water maidens of the Caspian Sea and the rivers of the southern regions of Turkmenistan are cunning, dangerous and have a frightening dark color.

Living in the sea and river depths mythical water hostesses — suw-eyesi, mermaids — suw-perisi and water maidens — suw-gyzy, induced indescribable fear and horror at people. The dire role of water hosts, firmly fixed in the mind of a person, is explained by their environmental importance, where they are assigned the status of watchdogs of water wealth. They could allow or forbid people to go out to sea and fish. Created in the minds of man their mythical image and behavior, boiled down to the fact that they were able to limit the immeasurable activity of man on the water expanses.

Key words: mermaids, water maidens, suw-eyesi, suw-perisi, gara-gyrnak, adam-obi, suw-gyzy.

Атдаев Сердар Джумаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии Академии наук Туркменистана, Ашхабад (Туркменистан). Адрес для контактов: serdar63atdayev@gmail.com

---

Представления туркмен о русалках и водяных девах весьма скудны и незначительны. В XX в. ряд исследователей делали попытки приоткрыть завесу этого таинственного образа.

Первым исследователем данного вопроса можно назвать российского и советского востоковеда, академика, одного из крупнейших российских тюркологов — Александра Николаевича Самойловича (1880–1938). Статья А. Н. Самойловича «Вопрос о русалках — «су-гызы» в Туркменистане» была опубликована в 1961 г. в научном журнале «Известия Академии наук Туркменской ССР». Работа была посвящена исследованию «Газели» поэта XV в. Атаи, основанному на единственной рукописи Азиатского музея Российской Академии наук. Описанная в поэтическом произведении русалка была названа *су-кызы*.

Далее эта тема была затронута знаменитым историком-востоковедом, академиком Михаилом Евгеньевичем Массоном. Его статья под названием «Отголоски языческих представлений о человекоподобных существах, обитаемых в Мургабе» была также опубликована в журнале «Известия Академии наук Туркменской ССР» за 1978 г. Исследование начинается с анализа упомянутой выше статьи А. Н. Самойловича и описания тех трудностей и перипетий, которые встретились на пути публикации работы. В 1922 г. Народный комиссариат просвещения Туркменской Республики выпустил в Ташкенте журнал «Наука и просвещение», две статьи в который представил А. Н. Самойлович. Они не были в свое время опубликованы, так как журнал после выхода двух номеров прекратил свое существование. Это было связано с наметившимся национальным размежеванием Средней Азии. Рукописи обеих статей А. Н. Самойловича оказались направленными в Туркестанский отдел Русского географического общества и пролежали без движения несколько десятков лет. Лишь в 1961 г. по инициативе и содействию Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции они были опубликованы в «Известиях АН Туркменской ССР». В одной из них А. Н. Самойлович обратил внимание на стихотворение среднеазиатского поэта XV в. Атаи, воспевающее его возлюбленную, где кроме стандартных сравнений с *пери* и *хури*, использовалось нигде ранее не встречавшееся сравнение с *су-кызы* — водяной девушкой, русалкой.

В научной литературе А. Н. Самойловичу не попадалось упоминаний о бытовании у коренных народов Средней и Передней Азии представлений о русалках. Поэтому ответить на поднятый известным тюркологом вопрос должны были краеведы Туркмении и знатоки среднеазиатской старины. М. Е. Массон отмечает, что участники ЮТАКЭ (Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция) отчасти попытались осуществить это исследование попутно с основной археологической тематикой XVIII отряда, изучавшего район Старого Мерва. За время экспедиции был собран интересный материал об обитавших некогда в реке Мургаб антропоморфных существ *адам* и *оби* или *дарья-оби*, что позволило немного обогатить общее представление о водяных девах данного региона.

Определенный шаг в изучении данного вопроса сделал этнограф С. М. Демидов. Его статья «О пережитках верований, связанных с водной стихией и рыболовством у туркмен» была опубликована в 1963 г. в научном сборнике «Труды Института истории, археологии и этнографии». Статья посвящена рыболовным традициям туркмен, в кото-

рой также описывались представления и суеверия местных рыбаков, связанных с водной стихией. Определенное место в исследовании отведено водным духам и антропоморфным водяным существам, обитавшим в глубинах вод Каспийского моря, а также рек и водоемов. Свое исследование С. М. Демидов продолжил рядом статей: «Гара Гырнак», «Сув-периси», «Сув адам», «Ювха» и других, опубликованных в 2000 г. в энциклопедическом словаре «Историко-культурное наследие Туркменистана».

Для более широкого рассмотрения данного вопроса мы решили привлечь всю последнюю информацию и полевые этнографические данные, обобщить полученный материал, проанализировать и по возможности систематизировать его. Все это, возможно, позволит нам воссоздать облик водяных дев и дать этому расплывчатому образу конкретные очертания.

В первую очередь рассмотрим водяную деву — *сув-периси*. Обитала она в глубинах Каспийского моря. Местное население различает два основных вида этих существ: *сув-периси* (водяная пери) и *гыр-периси* (наземная пери). Надо отметить, что в общем понимании населения пери подразделяются на *мусульман-периси* (мусульманскую пери) и *капыр-периси* (языческую пери). Интересно отметить, что представления о языческой капыр-периси в определенной мере совпадают с поверьями о сув-периси [Демидов, 1963: 120].

Водяную пери иногда называют также *сув-эеси*, т. е. водная хозяйка. Хотя, надо отметить, что так чаще называют хозяина морской стихии. Сув-эеси в ряде случаев отождествляют с древним персонажем водяной демонологии *дэря-эеси* (хозяином реки, моря). Водяная пери нередко обозначается также термином *джин* [Демидов, 1963: 120].

Сув-периси имела супруга — водяного *сув-адам*, который считался безвредным духом воды. Сув-адам упоминается как у прикаспийских туркмен [Donovan, 1883: 252], так и у жителей Амударьи [Демидов, 1963: 121]. Сув-адам также наделен антропоморфными чертами: это мужчина, имеющий волосы на голове и чистое, безо всякой растительности тело. В отличие от сув-периси характеризуется как безвредный водяной дух. Этот персонаж нередко помогал людям, доставая драгоценности с речного дна и выбрасывая их на берег. Чтобы его задобрить и добиться его расположения, в реку бросали различные лакомства.

Если говорить о внешнем облике морской сув-периси, то надо заметить, что он никак не стыкуется с общепринятым образом среднеазиатских водяных пери. По представлениям народов Средней Азии русалки были сказочными красавицами. Они обладали белой кожей, имели голубые глаза, изогнутые брови, круглые подбородки и золотые косы. Такое описание мы находим у среднеазиатского поэта XV в. Атаи.

*Она не моет в воде рук, которые чище воды,
А моет руками воду, чтобы она стала чище.
Теперь я убедился, что правильно говорят: своими
глазами видел.*

*Ту, которую зовут «су-кызы» и которая иногда
на глаза показывается.*

[Самойлович, 1961: 94].

В туркменском же варианте морская сув-периси выступает в образе коварной женщины, обманом и лестью заманивающей путников в воду. Обладая большой вредоносной силой, сув-периси может сделать человека, переночевавшего на берегу моря, сумасшедшим, парализовать его конечности, искривить рот. Эти суеверия основаны на том, что на некоторых людей, не отличающихся крепким здоровьем, подобная ночевка в холодное время года могла подействовать неблагоприятно. Подобные черты можно увидеть у гагаузских *русалий*, которые могут сделать человека сумасшедшим или парализовать его [Квилинкова, 2002: 295].

Речная сув-периси, обитающая в среднем течении Амударьи, внешним обликом больше походила на среднеазиатскую русалку. Встретить ее было очень сложно. Однако те, кому удавалось ее увидеть, а еще реже те, кто мог сохранить свой разум и остаться в живых, описывали ее удивительную красоту. Все ее прелести служили одному коварному замыслу: завлечь человека в водную пучину и унести на дно. В ее невидимые сети чаще попадали люди, страдающие нервными расстройствами и имеющие необузданную фантазию. Известно, что люди такого типа сильно боятся воды и часто тонут даже в самых простых, не вызывающих опасения, ситуациях [Бурханов, Атдаев, 2017: 45].

По данным информаторов, водяную деву, обитающую в среднем течении Амударьи, было практически невозможно встретить. Можно было только слышать ее таинственное пение. Пение это больше напоминало легкую колыбельную песню в перемешку с легким гортанным придыханием водяной девы на фоне шелеста камышовых зарослей*. Такое жуткое завывание, усиливающееся в ветреную погоду, становилось причиной различного рода суеверий и предрассудков.

Согласно воззрениям туркмен, проживающих в нижнем течении Амударьи, сув-периси также завлекали людей в воду своим сладкими голосами**. Многочисленные байки о русалках зомбировали особо впечатлительных людей. Стоило им оказаться поблизости у реки, они начинали слышать какие-то звуки, напоминающие напевы русалок, и даже их кокетливый смех. Этим людей влекло в водную стихию. Позже они рассказывали, что находились в каком-то странном состоянии, близком к помешательству.

С образом водной девы сув-периси отдаленно связана и такая загадочная, до конца не изученная фигура, как *ювха*. По легенде змея после сорока лет жизни превращается в дракона — *аждарха*. И только спустя следующие сорок лет она обретает свой окончательный образ. Ювхой становится змея, не видевшая человека и не слышавшая его голоса восемьдесят лет. Затем ювха приобретает способность превращаться во что угодно. Чаще всего эта змея-оборотень принимает облик красивой девушки — *пери*. *Ювха-пери*, привлекающая своей красотой многих мужчин, в том числе и героев туркменских эпосов, может выходить замуж, но больше сорока дней обычно с мужем не живет — съедает его. С этим представлением, несомненно, связано и само тюркское название данного персонажа как производное от глагола ювутмак — «глотать, проглатывать; поглощать, втягивать в себя».

* Информация Реимова Акмырата, 1962 г. р., жителя этрапа (района) Сакар Лебапского вelaya (области).

** Информация Нургельдыевой Акчагюль, 1975 г. р., сотрудницы института Археологии и этнографии АН Туркменистана.

Выходя замуж, ювха-пэри, боясь разоблачения, ставит несколько условий: не смотреть, когда она расчесывает волосы (так как для этого она снимает голову), не гладить по спине (где скрыты остатки змеиной чешуи), не смотреть ей вслед (так как она ходит на вывернутых ступнях). И главное требование — всегда иметь рядом воду. Эта деталь дает ключ к пониманию данного образа как тесно связанного с водной стихией. Ведь покровителями-хозяевами ручьев и малых речек у туркмен выступают сув-периси. От наличия воды зависит возвращение прежней силы ювхи, истраченной ею во время близости, которую можно истолковать как символический акт плодородия. Плодородие же в условиях жаркого климата Средней Азии невозможно без достаточного количества воды. Поэтому и избавиться от ювхи-пэри, убить ее, как считается, можно лишь во время близости или сразу после нее, находясь в безводном месте [Демидов, 2000: 375, 376].

Другой представительницей водной стихии являлась *гара-гырнак* (черная рабыня). Гара-гырнак, так же, как и сув-периси, подразделяется на водяную и сухопутную. Водяную гара-гырнак иногда также называют *сув-эеси* (хозяйка воды) или *сув-джини* (водяной джин).

Представление о водяной гара-гырнак сохранилось в юго-западных районах Туркменистана, а именно в районе рек Гюрген и Этрек. Гара-гырнак живет лишь в проточной воде, однако в святых источниках ее быть не может.

По описанию, водяная гара-гырнак имеет рост в полтора и более метра, представляется в виде женщины с длинной свисающей грудью и гибким телом, покрытым темной шерстью. Гара-гырнак теряет свою силу на суше, хотя в воде будто бы может перевернуть всадника вместе с конем. Однако она боится любого оружия, будь то холодное или огнестрельное, о чем сохранился ряд рассказов [Демидов, 1963: 121, 122].

Задавшись вопросом, что именно лежит в основе образа гара-гырнак, С. М. Демидов отмечает: «Несомненно одно: персонаж этот по своему характеру синкретичен, т. е. включает в себя целый ряд разнообразных элементов» [Демидов, 2000: 91]. С. М. Демидов отмечает, что народная версия пытается объяснить название гырнак — «рабыня», с тем, что так обычно называли персиянок, захватываемых в плен во время набегов на приграничные селения. Некоторым из них удавалось бежать из плена и долгое время скрываться в прибрежных зарослях. Случайная встреча в пустынном месте в сумерках с темной от солнца и грязи, с распущенными и всклокоченными черными волосами и в изодранной одежде женщиной не могла не произвести впечатления на суверенного человека. Однако эта более поздняя версия является лишь дополнительным штрихом к данному образу.

Потом предпринимается попытка смешения образа речной русалки с чертами, характерными для каких-либо представителей местной фауны. Выбор падает на выдру — сильное и быстрое хищное речное животное, часто выходящее и на сушу. По рассказам местных жителей, на руках у убитой гара-гырнак между пальцами виднелись перепонки. Далее исследуется образ бобра. У древней среднеазиатской богини плодородия Анахиты, местожителство которой обычно связывали с источниками, реками, постоянными спутниками были бобры — «самые чистые из собак, водяные собаки», как характеризуются они зороастрийской традицией. Их густой мех и ме-

ста обитания соответствуют рассматриваемому образу, хотя величина и сила этого животного не так велики.

При раскрытии образа *гырнак* рассматривается и каспийский тюлень. Возникновение этого термина объясняется тем, что взрослые тюлени имели густую темную шерсть. Гырناق в применении к тюленю имел в прошлом значение табуированного слова. По словам туркмен-рыбаков, тюлень, который, по легенде, был когда-то человеком, очень не любит слова гырناق. Существует поверье, что это слово, обращенное к тюленям, приводит их в бешенство, причем некоторые из них при этом якобы бросаются на лодку (кулас), и от них приходится отбиваться веслом. Взрослые особи тюленя достигают значительных размеров и имеют густой темный мех. В южной части Каспия, где расположены устья Этрека и Гургена, тюлени встречаются крайне редко, но могут, тем не менее, в погоне за рыбой заходить и в пресные воды этих рек. Для человека, жившего вдали от моря, обитавшего на берегах Этрека или Гургена, неожиданное появление в реке странного существа могло показаться чем-то сверхъестественным и добавить новый штрих к местным верованиям и представлениям, связанным с рекой [Демидов, 2000: 91, 92].

В редких случаях тюлень выступал под именем *сув-адам* (водяной). Сув-адам имеет облик человека и любит зимой лежать на льдинах. Поэтому туркмены тюленя называют *дювлен* (*düwlen*), что означает «свернувшийся в клубок» [Демидов, 1963: 129].

Материал, достойный внимания, был собран в 70-х гг. XX в. в районе Старого Мерва участниками XVIII отряда Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Попутно с основной археологической тематикой они осуществили ряд опросов этнографического характера. Эти данные позже были изложены в научной статье М. Е. Массона [Массон, 1978: 85]. Согласно информации одного местного старика, который в свою очередь ссылался на рассказ своего покойного отца, в некоторых местах по Мургабу водится особая порода водяных людей *адам-оби* (водяные), или *дарья-оби*.

Адам-оби всегда жили в воде и на берег никогда не выходили. Для отдыха избирали тихие заводи. Люди часто пытались их поймать, для чего использовали металлические сетки. Обладающие мощной силой взрослые адам-оби мужского и женского пола вырывались из нее. Однако их малые дети застревали и часто становились добычей любопытных рыбаков. При сытном кормлении и хорошем обращении они быстро вырастали, выучивались говорить и даже работали. В воду их после этого не тянуло.

Адам-оби отличались худобой, очень темной кожей, их черные курчавые волосы напоминали шкурки каракулевых овец. Глаза у них, как у собак, а хорошие блестящие зубы имели исключительную белизну.

Живя в воде, адам-оби питаются сырой рыбой и травой. Попадая же в детском возрасте на сушу, легко привыкают к человеческой пище и выучиваются говорить. После этого их трудно отличить от остальных людей. Они жили с людьми и имели от них вполне нормальных детей. М. Е. Массон сообщает, что им приводили в пример одного совершенно очеловечившегося дарья-оби, который был женат на местной женщине и имел от нее вполне нормальных детей. Такие полностью очеловечившиеся дарья-оби среди людей именовались *гулям* [Массон, 1978: 86].

Рассказы о водяных девах и их семьях, хотя крайне редко, но все же продолжают бытовать среди местного населения Мургаба*. Ссылаясь на показания своих покойных дедов, рассказы, которые слышали еще в детстве, информаторы описывают примерно ту же самую картину. Водяные девы имели темную кожу и темные волосы. Своим видом они наводили на людей ужас. Рассказы о том, что водяные появляются в сумерках, удерживала ребят и даже взрослых людей от мысли искупаться в реке в сумеречное время. Если в реке находили утопленников, в особенности ночью, то это событие непременно связывалось с кознями водяных девиц.

Как мы видим, водяные девы в традиционных представлениях туркмен отмечены несколькими видами и группами. Это типовое разнообразие указывает на древность данного образа, отдельные виды которого возникли еще на раннем этапе развития человеческого общества. Происходящие на длительном историческом отрезке времени разнообразные ландшафтные изменения окружающей среды или же миграционные переселения племен на новые места проживания явились теми причинами, которые позволили зарождению или заимствованию новых объектов богатого пантеона духов и покровителей, в том числе водяных дев и русалок, отвечающих новым требованиям времени.

Вода как неизменная часть огромного окружающего пространства была неразрывно связана с жизнью человека, его бытом и духовным миром. Человек зависел от воды, жил ее дарами и в то же время опасался ее. Вода могла накормить его, но могла и погубить. Эта двойкость проявлялась во всех сферах бытовой деятельности человека. Земледельцы перед забором воды из реки для полива своих участков непременно обращались к водным духам, прося разрешения на пользование ее дарами. В прежние времена это могла быть упомянутая выше хозяйка воды — сув-эеси, которая управляла водой вместе со своим мужем — сув-адам. Позднее роль водного хозяина единолично переходит к мужскому образу — сув-ага. Даже в наши дни сельчане сохраняют традицию уважительного обращения к водному хозяину:

Эссалавмалейким, сув-ага!

Мана бир бедре сув бер ага.

...

Мана сува душмәге ругсат бер ага.

Мана сувдан гечмяге ругсат бер ага**.

Здравствуй водный господин!

Позволь мне взять ведро воды.

...

Позволь мне искупаться.

Позволь мне пересечь реку.

(Вольный перевод автора)

* Информация Таджова Мурада, 1962 г. р., жителя этрапа (района) Мургаб Марыйского велаята (области).

** Информация Аманмырадова Амана, 1964 г. р., жителя этрапа (района) Сакарчяге Марыйского велаята (области).

Однако образ водной хозяйки продолжает прочно удерживаться в представлении рыбаков. Обитавшие в морских и речных глубинах водные хозяйки — сув-эеси, русалки — сув-периси и водные девы — сув-гызы — наводили неописуемый ужас на рыбаков. А все потому, что они стерегли свои водные богатства. Получалось, что эти мифологические существа ограничивали безмерную деятельность человека. Только они могли разрешить или запретить людям выходить в море и ловить рыбу [Атдаев, 2017: 65].

В начале сезона ловли рыбаки перед выходом в море обязательно делали жертвоприношения (садака). В надежде на дальнейшую удачу они устраивали угощение из первого улова рыбы, на которое приглашали своих соседей и близких. Подобного рода жертвоприношения устраивались по нескольку раз в году, в начале каждого из сезонов рыбной ловли. Угощения устраивались также по случаю первого выхода молодого рыбака в море на самостоятельный лов. На таких трапезах — аджами — читались молитвы для того, чтобы это жертвоприношение достигало своей цели (ёл ачар).

Подобная традиция прослеживается у многих тюркских народов. В тюркской мифологии хозяйка воды сув-эеси предстает в образе огромной чёрной рыбы Нижнего мира — как предвестник воздаяния и смерти жадного до рыбы, потерявшего всякую осторожность и почтение человека. Дух брал рыбака себе как некую заместительную жертву за взятую из реки в большом количестве рыбу. Всякий рыбак, желающий остаться в живых и получить удачу в промысле, обязательно оставляет что-то реке, отдаёт взамен добычи [Акпашева, 2005: 110].

Тюркские народы Сибири считают, что у рыб есть свой — волосатый покровитель, который пасет рыбные отары и помогает рыболовам. Он не только бог реки, но и распорядитель рыбными богатствами [Козлов, 1999: 4]. Эти духи могли помочь или помешать рыбалке [Алексеев, 1992: 89]. Из боязни сув-эеси люди боялись даже купаться [Каруновская, 1935: 167]. Чтобы получить хороший улов, рыбаки в песнях и рассказах восхваляли хозяйку воды [Дыренкова, 1940: 403].

Изложенный выше материал позволяет нам произвести предварительную классификацию водяных девиц и русалок.

Первый тип — это водяная дева — сув-гызы. Обитала она в водах Каспийского моря. Её образ — это коварная женщина.

Второй тип, это русалка — сув-периси. Обитала она в среднем и нижнем течении Амударьи. Образ ее более мягкий, схож со стандартами среднеазиатских русалок. Эти русалки нежны, загадочны и таинственны.

Третий тип водяных дев имеет два варианта:

Вариант-а обитал в юго-западных районах Туркменистана, в районе рек Гюрген и Этрек. Здешняя водяная дева именовалась *гара-гырнак*. Походила она больше на зловещую албасты и представлялись в виде женщины с длинной свисающей грудью и гибким телом, покрытым темной шерстью. Сюда же можно отнести и *ювха*.

Вариант-б обитал в южных районах Туркменистана, в устье реки Мургаб. Эта водяная дева именовалась *адам-оби* и также имели темный окрас: темную кожу и черные курчавые волосы. Была она очень худой, с собачьими глазами и большими зубами исключительной белизны. Выходила она из воды обычно в ночное время.

В данной статье мы попытались приоткрыть завесу этого интересного и малоизученного явления, в скромной надежде воссоздать его общую картину. С признанием отмечаем, что для полного освящения данной темы потребуются дополнительный материал и более глубокий анализ. Поэтому этот вопрос, поставленный еще в начале XX в. известным тюркологом А. Н. Самойловичем перед краеведами и знатоками прошлого Туркменистана, еще ждет своего дальнейшего изучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Акпашева У. А. Вода в традициях чалканцев. Этноэкология: сборник материалов / под ред. О. А. Захаровой. М., 2005. 140 с.
- Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1992. 242 с.
- Атдаев С. Д., Бурханов А. А. Традиции рыбной ловли у прикаспийских и приамударьинских туркмен (экологический аспект) // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий. Абакан, 2017. С. 65–67.
- Бурханов А., Атдаев С. Термин «кут» («гут») и его место в тюркской традиции // Проблемы истории и культуры Волго-Уральского региона и Евразии. Казань, 2017. № 6. С. 40–44.
- Демидов С. М. О пережитках верований, связанных с водной стихией и рыболовством у туркмен // Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР. Серия этнографическая. Т. VII. Ашхабад, 1963. С. 119–134.
- Демидов С. М. Гара Гырнак // Историко-культурное наследие Туркменистана: энциклопедический словарь / сост. О. А. Гундогдыев, Р. Г. Мурадов. Стамбул, 2000. С. 91–92.
- Демидов С. М. Ювха // Историко-культурное наследие Туркменистана: энциклопедический словарь / сост. О. А. Гундогдыев, Р. Г. Мурадов. Стамбул, 2000. С. 375–376.
- Дыренкова Н. П. Шорский фольклор. М.; Л., 1940. 446 с.
- Каруновская Л. Э. Представления алтайцев о вселенной // Советская этнография. 1935. № 4–5. С. 160–175.
- Квилинкова Е. Н. Русали — русалки-пери // Музей. Традиции. Этничность XX–XXI вв.: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Российского этнографического музея. СПб.; Кишинев, 2002. С. 294–297.
- Козлов В. И. Рыбы в сказаниях народов мира // Гуманитарный экологический журнал. Т. 1, вып. 2. 1999. С. 3–11.
- Массон М. Е. Отголоски языческих представлений о человекоподобных существах, обитаемых в Мургабе // Известия АН ТССР. Серия: Общественные науки. 1978. № 5. С. 85–86.
- Самойлович А. Н. Вопрос о русалках — «су-гызы» в Туркменистане // Известия АН ТССР. Серия: Общественные науки. 1961. № 3. С. 94–95.
- Donovan. The Merv Oasis travels and adventures east of the Caspian during the years 1879–80–81, including five months' residence among the Tekkés of Merv by Edmond O'Donovan special correspondent of the "Daily news". Vol. I. G. P. Putnam's Sons, New York, 1883. 502 p. (на англ. яз.)

REFERENCES

Akpasheva U. A. Voda v traditsiyakh chalkantsev [Water in the traditions of the Chalcans]. *Etnoekologiya: Sbornik materialov* [Ethnoecology: A collection of materials]. Pod red. O. A. Zakharovoy. M., 2005. 140 s. (in Russian).

Alekseyev N. A. *Traditsionnyye religioznyye verovaniya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri* [Traditional religious beliefs of the Turkic-speaking peoples of Siberia]. Novosibirsk, 1992. 242 s. (in Russian).

Atdayev S. D., Burkhanov A. A. Traditsii rybnoy lovli u prikaspiyskikh i priamudariniskikh turkmen (ekologicheskiy aspekt) [Traditions of fishing in the Caspian and Priamudarya Turkmen (ecological aspect)]. *Narody i kultury Yuzhnoy Sibiri i soprodelnykh territoriy* [Peoples and cultures of Southern Siberia and adjacent territories]. Abakan, 2017. S. 65–67 (in Russian).

Burkhanov A., Atdayev S. Termin “kut” (“gut”) i yego mesto v tyurkskoy traditsii [The term «kut» («gut») and its place in the Turkic tradition]. *Problemy istorii i kultury Volgo-Uralskogo regiona i Yevrazii*. [Problems of history and culture of the Volga-Ural region and Eurasia]. Kazan', 2017. № 6. S. 40–44 (in Russian).

Demidov S. M. O perezhitkakh verovaniy, svyazannykh s vodnoy stikhiyey i rybolovstvom u Turkmen [On the remnants of beliefs related to the water element and fishery of Turkmen]. *Trudy Instituta Istorii, Arkheologii i Etnografii. Seriya etnograficheskaya* [Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography. Ethnographic series]. AN TSSR, T. VII. Ashkhabad, 1963. S. 119–134 (in Russian).

Demidov S. M. Gara Gyrnak [black slave]. *Istoriko-kul'turnoye naslediyе Turkmenistana. Entsiklopedicheskiy slovar* [Historical and cultural heritage of Turkmenistan. Encyclopedic Dictionary] / Sost. O. A. Gundogdyev, R. G. Muradov. Stambul, 2000. S. 91–92 (in Russian).

Demidov S. M. Yuvkha [Yuvkha]. *Istoriko-kul'turnoye naslediyе Turkmenistana. Entsiklopedicheskiy slovar* [Historical and cultural heritage of Turkmenistan. Encyclopedic Dictionary] / Sost. O. A. Gundogdyev, R. G. Muradov. Stambul, 2000. S. 375–376 (in Russian).

Dyrenkova N. P. *Shorskiy folklore* [Shor folklore]. M. ; L., 1940. 446 s. (in Russian).

Karunovskaya L. E. Predstavleniya altaytsev o vselennoy [Representations of the Altaians about the universe]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1935. №. 4–5. S. 160–175 (in Russian).

Kozlov V. I. Ryby v skazaniyakh narodov mira [Pisces in the legends of the peoples of the world]. *Gumanitarnyy ekologicheskiy zhurnal* [Humanitarian environmental journal]. Tom 1. Vyp. 2. 1999. S. 3–11 (in Russian).

Kvilinkova Ye. N. Rusali — rusalki-peri / Muzey, Traditsii, Etnichnost XX–XXI vv. [Mermaid — mermaid — peri / Museum, Traditions, Ethnicity of the XX–XXI centuries]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya* [Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the Russian Ethnographic Museum]. Sankt-Peterburg; Kishinev, 2002. S. 294–297 (in Russian).

Masson M. Ye. Otgoloski yazycheskikh predstavleniy o chelovekopodobnykh sushchestvakh, obitayemykh v Murgabe [Echoes of pagan ideas about humanoid creatures inhabited in Murgab]. *Izvestiya AN TSSR. Ser. Obshchestv. Nauk* [Izvestia AN TSSR. Ser. Societies Science]. 1978. № 5. S. 85–86 (in Russian).

Samoylovich A. N. Vopros o rusalkakh — “su-gyzy” v Turkmenistane [The question of mermaids — “su-gyzy” in Turkmenistan]. *Izvestiya AN TSSR. Ser. Obshchestv. Nauk* [Izvestia AN TSSR. Ser. Societies Science]. 1961. № 3. S. 94–95 (in Russian).

Donovan. The Merv Oasis travels and adventures east of the Caspian during the years 1879–80–81, including five months’ residence among the Tekkés of Merv by Edmond O’Donovan special correspondent of the «Daily news». Vol. I. G. P. Putnam’s Sons, New York, 1883. 502 p. (in English).

Цитирование статьи:

Атдаев С. Дж. Русалки и водяные девы сув-периси в традиционном представлении туркмен // Народы и религии Евразии. 2019. № 1 (18). С. 61–72.

Citation:

Atdaev S. J. Mermaids and water virges — Suv-perisi in the traditional representation of turkmen. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 1 (18). P. 61–72.

УДК 39:902

DOI: 10.14258/nreur (2019) 1–07

Е. Г. Сакович*Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)*

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЭТНОНИМА «ПЕЧЕНЕГИ»: СВЕДЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ И МНЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Проблема происхождения этнонима «печенег» рассматривается на основе данных русских летописей, византийских и арабских источников. Приводятся мнения историков относительно вопроса локализации печенегов, следовательно, появления названия этого народа. В русской летописной традиции печенеги известны под этим же именем, в византийских источниках они называются «пачинакиты» и «кангары», в сведениях арабских авторов в наименовании этого народа можно также встретить два термина — «банджак» и «печенеги».

Мнения историков в вопросе о происхождении этнонима «печенег» также расходятся. Одни исследователи отождествляют термины «печенег» и «кангар», объясняя появление этих имен в соответствии с названием одноименной реки в долине средней Сырдарьи. Другие авторы в терминах «печенег» и «кангар» видят связь печенегов и других тюркских племен. Третьи утверждают, что эти два термина идентичны и намекают на факт особого статуса печенегов в качестве привилегированной части кочевого объединения огузов. Четвертые также рассматривают эти термины как родственные и на этой основе делают вывод об индийском происхождении наименования «канг», получившее свое название от священной реки Ганг.

Ключевые слова: этноним, источник, печенег, тюрк, локализация, географ, путешественник, летопись, имя.

E. G. Sakovich*Belarusian State University, Minsk (Belarus)*

THE ORIGIN OF THE ETHNONYM “PECHENEGS”: INFORMATION OF SOURCES AND OPINIONS OF RESEARCHERS

The article devoted to the problem of the origin of the ethnonym “Pecheneg” on the basis of Russian Chronicles, Byzantine and Arab sources. There are opinions of historians on the localization of the Pechenegs, and, consequently, the appearance of the name of this people. In Russian Chronicles Pechenegs are known under the same name, in Byzantine sources they are

called “Pachinakites” and “Kangars”, according to the Arab authors in the name of the people you can meet two of the term — “Banjak” and “Pechenegs”.

The opinions of historians on the origin of the ethnonym “Pecheneg” are differ. Some researchers identify the terms “Pecheneg” and “Kangar”, explaining the appearance of these names according to the name of the river of the same name in the valley of the middle Syr Darya. Other authors in terms of “Pecheneg” and “Kangar” see the connection of Pechenegs and other Turkic tribes. Still others argue that these two terms are identical and hint at the special status of the Pechenegs as a privileged part of the nomadic Association of Oguzs. The fourth also consider these terms related and on this basis draw a conclusion about the Indian origin of the name “Kang”, received its name from the sacred river Ganges.

Key words: ethnonym, source, Pecheneg, Turkoman, localization, geographer, traveler, chronicle, name.

Сакович Екатерина Георгиевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Белорусского государственного университета, Минск (Беларусь). Адрес для контактов: ekaterina-sakovich@yandex.ru.

Проблема появления этнонима «печенег» в среде историков по сей день остается весьма актуальной. Существуют различные мнения и предположения, касающиеся его происхождения. Данные источников, в которых упоминается этноним «печенег», также содержат противоречивую информацию, и только рассмотренные в комплексе они помогают немного пролить свет на этот вопрос.

Русские летописи именуют печенегов «печенези». Именно под таким названием летописцы впервые упоминают их в 915 г.: «Приидоша печенези первое на Русскую землю, и сотворише миръ со Игоремъ и приидоша к Дунаю» [Повесть временных лет, 1991: 33]. П. В. Голубовский, исследующий историю кочевых народов, предположил, что на Руси могли иметь определенную информацию о печенегах еще до непосредственного столкновения с ними, которую они получили от венгров [Голубовский, 2013: 16–17].

Латинские источники упоминали печенегов под двумя именами — «пачинакиты» и «кангары». Византийский император Константин Багрянородный в X в. завещал сыну Роману престол и трактат «Об управлении империей» — своего рода обобщение военно-дипломатического опыта константинопольского двора в делах, касающихся беспокойных соседей Византии [Кляшторный, 1964: 163]. В сочинении византийский император именует печенегов двояко — «пачинакитами» и «кангарами». О пачинакитах он сообщал, что они «стали соседними и сопредельными также росам, и частенько, когда у них нет мира друг с другом, они грабят Росию, наносят ей значительный вред и причиняют ущерб» [Константин Багрянородный, 1989: 5–6]. В другом месте трактата он уточнил, что «пачинакиты называются также кангар, но не все, а народ трех фем: Иавдиирти, Куарцицур и Хавуксингила, как более мужественные и благородные, чем прочие, ибо это и означает прозвище кангар» [Константин Багрянородный, 1989: 36].

Очевидно, название «пачинакит» представляет собой несколько видоизмененное имя «печенег». Что касается наименования этого народа «кангар», то в передаче Константина

Багрянородного, как следует из сообщения, оно означает «знатный», «благородный». Исследователь-востоковед Г. А. Федоров-Давыдов, комментируя данное сообщение византийского императора, утверждал, что, принимая во внимание тот факт, что он называл печенегов «кангар», т. е. «свояк», следовательно, «печенег» очень близко к значению слова «свояк». Автор пришел к выводу, что именно на этой основе в историографии возникла гипотеза о связи печенегов и тюркоязычных племен тюргеши [Федоров-Давыдов, 1966: 135–136].

Проследившая далее этимологию названия «кангар», Г. А. Федоров-Давыдов отмечал, что тюркский филолог X в. Махмуд Кашгарский писал, что слово «канглы» у кипчаков — это наименование знатного человека. Это созвучно сообщению Константина Багрянородного о значении имени «кангар». Исследователь предположил, что с большей вероятностью имя «кангар» и его варианты являлось распространенным названием печенегов или их части в ту пору, когда они кочевали в Азии. В Восточной Европе по неизвестным причинам наименование «кангар» уступило место наименованию «печенег» [Федоров-Давыдов, 1966: 135].

С. Н. Толстов, рассматривая соотношение имен «канглы» и «кангар», утверждал, что процесс переименования «кангар» в «канглы» проходил под влиянием кипчаков, так как имя «канглы» соответствует печенежскому «кангар» [Толстов, 1947: 101]. С. Н. Толстов видел в имени «кангар» тюркское происхождение, а имя «канглы» относил к более позднему переоформлению тюркским суффиксом более древнего «кангар» [Толстов, 1948: 24].

О. Щербак также утверждал, что «наименование «кангар» некогда имело то же этнические содержание, что и наименование «печенег». Ни в одном из древнетюркских текстов рунического, манихейского и уйгурского письма наименование «печенег» не встречается. Очевидно, оно появилось сравнительно поздно и получило распространение, как можно предположить, во время пребывания печенегов в Средней Азии» [Щербак, 1959: 369].

В целом, стоит отметить, что этноним «кангар» постоянно привлекал внимание исследователей. Многие авторы пытались рассмотреть появление этого наименования в историческом, этнографическом и лингвистическом контекстах.

Наиболее интересная гипотеза о происхождении этого термина принадлежит камергеру и королевскому датскому историографу Петру Фридриху Суму, который еще в середине XIX в. в сочинении «Исторические рассуждения о происхождении народов, населявших в средние века Польшу, Россию и земли между Каспийским и Черным морем, а также Европейскую Турцию на север от Дуная» связывал этот термин с названием индийской реки Ганг. В разделе «О пацинаках» автор пишет следующее: «Сверх всего был народ и в Индии, называвшийся Гангаридами от реки Гангеса, который некоторые древние писатели... смешали с Гандариями. Если же некоторые Пацинакские племена назывались Кангар, потому что они были сильнее и благороднее других, а Гандарии, жившие близ Индии, назывались тем же именем, потому что они были сильны и мужественны, как быки, то мне можно, кажется, из этого сделать заключение, что Кангар и Гандарин были один и тот же народ» [Сум, 1846: 7].

С точки зрения ученого, этноним «кангар» перешел из Индии в Персию и сохранился в персидском языке в слове «кандавар», что означает «сильный», «мужествен-

ный». При этом он отсылает к мнению Константина Багрянородного, который утверждал, что кангар — храбрейшие и благороднейшие из всех печенегов, что, по мнению П. Ф. Сума, полностью подтверждает его гипотезу [Щербак, 1959: 370].

С научной точки зрения интересна позиция историка И. Маркварта, который утверждал о связи наименований «кангар» и «кенгерес» рунических надписей Орхона. Из этого следует, как писал автор, что «чисто тюркское происхождение печенегов и в языковом и в этнографическом смысле не вызывает никакого сомнения» [Щербак, 1959: 370].

С. Г. Кляшторный, специалист в изучении памятников древнетюркской письменности, на основе анализа стихотворного памятника таджикско-персидской литературы «Шахнаме» Фирдоуси сделал предположение о прямой связи этнонима «кангар» с топонимом «Канг» и их локализации на средней Сырдарье. Исследователь в итоге сделал вывод, что «Река Канг» у Фирдоуси — та же самая часть Сырдарьи, которая у арабского географа Ибн Хордадбеха носит название «Реки Кангар», и на ее берегах были расположены земли кенгересов рунических текстов [Кляшторный, 1964: 167].

Мнение С. Г. Кляшторного разделял А. В. Марей, который писал, что «печенеги — кочевой тюркоязычный народ, родственник огузам, в VI–VIII вв. кочевал в долине средней Сырдарьи, в области, именуемой Канг. Предположительно отсюда и появилось их самоназвание — кангар» [Марей, 2000: 337].

Особый интерес представляет собой также этимология слова «печенег». Обращаясь к анализу данной проблематики, О. Щербак приводит весьма распространенные гипотезы о происхождении этого этнонима. Так, исследователь писал, что пленный шведский офицер И. Страленберг выводил это имя от несуществующего в русском языке слова «печ», что означает «собака». Для Г. Вамбери первичной основой образования слова «печенег» является «обезьяна». Д. П. Европеус производил название «печенег» от угорского «сосновые», т. е. «сосноволесные люди». З. Гомбоц видел в нем не что иное, как уменьшительную тюркскую форму от собственного имени Бече [Щербак, 1959: 369].

Специалист в изучении истории хазар С. А. Плетнева также поддерживает версию о происхождении этнонима «печенег» от имени собственного. Автор утверждает, что «о появлении слова «печенег» («беченег») существует несколько мнений. Одно из них представляется весьма вероятным: оно произведено от тюркского имени Бече — так звали, видимо, первого вождя печенежского племенного союза. В степях известно несколько примеров именно такого происхождения этнического наименования — по имени первого главы правящего в союзе рода. Как и все кочевнические объединения, печенеги были разноликим и разноязыким союзом: в него, помимо тюркоязычных орд, могли входить и какие-то угорские группировки» [Плетнева, 1990: 9].

Д. Айтмуратов в исследовании, посвященном проблеме появления и трансформации некоторых тюркских этнонимов, писал, что при рассмотрении происхождения наименования «печенег» нельзя обойти вниманием русские слова «бич», «бечевка». В этой связи автор особо подчеркивал, что слово «бич» в славянском языке имеет диалектное значение «коса» из женских волос. А бичёвка/бечёвка является однокоренным со словом «бич». Рассматривая происхождение термина «печенег» не только в лингвистическом, но и в этнографическом контексте, Д. Айтмуратов писал, что впол-

не вероятным представляется происхождение его в значении «косоплеты», «косоносцы», что связано с обычаем ношения кос аварами. При этом автор ссылается на описание внешнего вида аваров Иоанном Эфесским и Феофаном Византийским, которые отмечали, что этот народ по волосам своим называются «аварами», и что авары имели обычай носить длинные волосы, откиннутые назад, связанные бечевками и заплетенные в косу [Айтмуратов, 1986: 163].

Итог многолетней научной дискуссии о происхождении этого этнонима подвел историк П. П. Толочко, который утверждал, что «этимология русского термина „печенег“ не имеет единого объяснения. Одни исследователи связывают его с именем печенежского вождя Бече, другие усматривают в этом слове значение „шурин“ или „свояк“ и полагают, что это имя отразило факт особого статуса печенегов — как привилегированной части кочевого объединения огузов. В пользу такой этимологии говорит и то, что слово „кангар“ также означало „знатный“, „благородный“» [Толочко, 2003: 45].

Арабские путешественники в основном знали печенегов под именем «банджак». Но некоторые арабские авторы для наименования этого народа употребляли и другие термины в зависимости от того, что они в целом хотели рассказать о происхождении кочевников.

Арабский путешественник XII в. Абу Хамид ал-Гарнати, побывавший на территории Восточной Европы, о печенегах писал следующее: «По прибытии в Куйав (Киев), то увидел там тысячи магрибинцев, по виду тюрков, говорящих на тюрском языке и стрелы мечущих как тюрки. Известны они в этой стране под именем беджнак» [Хамид ал-Гарнати, 1971: 77]. А. Л. Монгайт, комментируя настоящее сообщение Абу Хамида ал-Гарнати, утверждал, что название печенегов «магрибинцами» у арабского путешественника, под которыми он понимал тюрков, это скорее всего попытка Абу Хамида ал-Гарнати примирить противоречивое предположение о существовании у печенегов Южной Руси и Венгрии легенды об их западном происхождении [Хамид ал-Гарнати, 1971: 122].

Ал-Балхи в X в. также именовал печенегов «банджак» и считал их тюрками: «Тюрка выселились из страны своей и заняли пространство между Хазаромъ и Румомъ — их зовут Баджнаками; въ древния времена они не занимали настоящихъ своихъ жилищъ, а лишь впоследствии они раздѣлили и завоевали эти владѣния» [Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, 1870: 275].

Некоторые арабские путешественники, например Ибн-Даства, называли этот народ «печенеги»: «От земли Печенеговъ до земли Хозаръ дѣсять дней пути по степнымъ и лѣсистымъ мѣстам» [Ибн-Даства, 2015: 15].

Арабский автор X в. Ибн-Фадлан в сочинении «Путешествие на реку Итиль и принятие в Булгарии ислама» также употребляет наименование «печенеги»: «Далее мы прибыли к печенегам. Они стояли у воды, напоминающей настоящее море. Печенеги — темные брюнеты с бритыми бородами, в противоположность гузам, очень бледны» [Ибн-Фадлан, 1992: 26].

В итоге, следует отметить, что вопрос о происхождении этнонима «печенег» в историографии по сей день остается весьма спорным и по-прежнему актуальным. Сведения источников зачастую предоставляют неполную информацию о появлении этого наименования. Полную картину о возникновении этого этнонима можно будет уви-

деть только при комплексном рассмотрении исторических источников и анализу этого этнонима в историческом, этнографическом и лингвистическом контекстах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Айтмуратов Д. Тюркские этнонимы: каракалпак, черные клобуки, черкес, башкурт, кыргыз, уйгур, тюрк, печенег, сак, массагет, скиф. Нукус, 1986. 231 [2] с.

Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы: Русь и Степь до нашествия татар. М., 2013. 300 [2] с.

Ибн-Фадлан. Путешествие Ахмеда Ибн-Фадлана на реку Итиль и принятие в Булгарии ислама. М., 1992. 93 с.

Ибн-Даста Абу Али Ахмед ибн Омар. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах. М., 2015. 199 с.

Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. 215 с.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. 493 [2] с.

Марей А. В. Особенности социально-политической организации печенегов // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 337–349.

Плетнева С. А. Половцы. М., 1990. 204 [2] с.

Повесть временных лет. Петрозаводск, 1991. 188 [2] с.

Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. 308 с.

Сум П. Ф. Исторические рассуждения о происхождении народов, населявших в средние века Польшу, Россию и земли между Каспийским и Черным морем, также Европейскую Турцию на север от Дуная, сочиненные Петром Фридрихом Сумом, камергером и королевским датским историографом. М., 1846. 48 с.

Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2003. 160 с.

Толстов С. П. Город гузов (Историко-этнографические этюды) // Советская этнография. 1947. № 3. С. 55–103.

Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. 352 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: археологические памятники. М., 1966. 274 с.

Хамид ал-Гарнати А. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153). М., 1971. 136 с.

Щербак А. М. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела-Белой Вежи (к вопросу о языке и письменности печенегов) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 75. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 11. М.; Л., 1959. С. 362–415.

REFERENCES

Aitmuratov D. *Tiurkskie etnonimy: karakalpak, chernye klobuki, cherkes, bashkurt, kyrgyz, uigur, tiurk, pecheneg, sak, massaget, skif* [Turkic ethnonyms: the Karakalpak, black hoods, the Circassian, the bashkurt, the Kyrgyz, the Uyghur, the Turkoman, the Pecheneg, Saky, massagt, the Scythian]. Nukus, 1986. 231 [2] s. (in Russian).

Golubovskii P. V. *Pechenegi, torki i polovtsy: Rus' i Step' do nashestviia tatar* [Pechenegs, Torquay and Cumans: Russia and Steppe before invasion of Tatars]. M., 2013. 300 [2] s. (in Russian).

Ibn-Fadlan *Puteshestvie Akhmeda Ibn-Fadlana na reku Itil' i priniatie v Bulgarii islama* [Ahmed Ibn-Fadlan's travel on the Itil River and acceptance in Bulgaria Islam]. M., 1992. 93 s. (in Russian).

Ibn-Dasta Abu Ali Akhmed Ibn Omar *Izvestiia o khazarakh, burtasakh, bolgarakh, mad'iarakh, slavianakh i russakh* [News of Khazars, Burtasa, Bulgarians, Magyars, Slavs and Russa]. M., 2015. 199 s. (in Russian).

Konstantin Bagriyanorodnyi. *Ob upravlenii imperiei* [About management of the empire]. M., 1989. 493 [2] s. (in Russian).

Kliashturnyi S. G. *Drevnetiurkskie runicheskie pamiatniki kak istochnik po istorii Srednei Azii* [Old Turkic runic monuments as a source on the history of Central Asia]. M., 1964. 215 s. (in Russian).

Marei A. V. *Osobennosti sotsial'no-politicheskoi organizatsii pechenegov* [Features of the socio-political organization of Pechenegs]. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative ways to a civilization]. M., 2000. S. 337–349 (in Russian).

Pletneva S. A. *Polovtsy* [Cumans]. M., 1990. 204 [2] s. (in Russian).

Povest' vremennykh let [The Story of temporary years]. Petrozavodsk, 1991. 188 [2] s. (in Russian).

Skazaniia musul'manskikh pisatelei o slavianakh i russkikh: [Legends by Muslim writers on Slavs and Russians]. SPb., 1870. 308 s. (in Russian).

Sum P. F. *Istoricheskie rassuzhdeniia o proiskhozhdenii narodov, naseliavshikh v srednie veka Pol'shu. Rossiiu i zemli mezhdru Kaspiiskim i Chernym morem, takzhe Evropeiskuiu Turtsiiu na sever ot Dunaia, sochinennye Petrom Fridrikhom Sumom, kamergerom i korolevskim datskim istoriografom* [Historical reasonings on origin of the people inhabiting Poland in the Middle Ages. Russia and lands between the Caspian and Black Sea, also European Turkey to the north from Danube composed by Piotr Friedrich Sum, the chamberlain and the royal Danish historiographer]. M., 1846. 48 s. (in Russian).

Tolochko P. P. *Kochevye narody stepei i Kievskaiia Rus'* [Nomadic people of steppes and Kievan Russia]. SPb., 2003. 160 s. (in Russian).

Tolstov S. P. *Gorod guzov. (Istoriko-etnograficheskie etiudy)* [City of State Healthcare Institutions] // *Sovetskaia etnografiia* [Soviet ethnography]. 1947. № 3. S. 55–103 (in Russian).

Tolstov S. P. *Drevnii Khorezm. Opyt istoriko-arkheologicheskogo issledovaniia* [Ancient Khwarezm. Experience of a historical and archaeological research]. M., 1948. 352 s. (in Russian).

Fedorov-Davydov G. A. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: arkheologicheskie pamiatniki* [Nomads of Eastern Europe under the power of zolotoordynsky khans: archeological sites]. M., 1966. 274 s. (in Russian).

Khamid al-Garnati A. *Puteshestvie Abu Khamida al-Garnati v Vostochnuiu i Tsentral'nuiu Evropu (1131–1153)* [Abu Hamid's travel al-Garnati to Eastern and Central Europe (1131–1153)]. M., 1971. 136 s. (in Russian).

Shcherbak A. M. Znaki na keramike i kirpichakh iz Sarkela-Beloi Vezhi (k voprosu o iazyke i pis'mennosti pechenegov) [Signs on ceramics and bricks from Sarkela-Béla Vezhi (to a question of language and writing of Pechenegs)]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR № 75. Trudy Volgo-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii. Vol. 11.* [Materials and researches on archeology of the USSR No. 75. Works of the Volga-Don archaeological expedition. Volume 11]. M.; L., 1959. S. 362–415 (in Russian).

Цитирование статьи:

Сакович Е. Г. Происхождение этнонима «печенеги»: сведения источников и мнения исследователей // Народы и религии Евразии. 2019. № 1 (18). С. 73–80.

Citation:

Sakovich E. G. The origin of the ethnonym “pechenegs”: information of sources and opinions of researchers. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 1 (18). P. 73–80.

УДК 903.5 (574)

DOI: 10.14258/nreur (2019) 1–08

М. Б. Кожа, М. К. Амантуров*Международный Казахско-Турецкий университет им Ахмеда Ясави, Туркестан (Казахстан)*

О ЗАХОРОНЕНИЯХ В СКЛЕПАХ КАЗАХСТАНА

Впервые описывается казахский мавзолей Торгайулы Жупарбая, возведенный из современных материалов в конце XX в. Объект располагается на кладбище села Сунак-Ата (Жанакорганский район Кызылординской области Казахстана). Особенностью погребального сооружения является наличие склепа. Опросные данные и этнографические, археологические материалы о склепных погребениях Средней Азии и Казахстана позволяют отнести указанный мавзолей к распространенному в период Средневековья типу могильных сооружений. Фиксируемая здесь форма погребения относится к мусульманскому обряду захоронения, которая известна в Среднеазиатском регионе с XI в. В погребальном обряде как казахов, так и других народов Средней Азии, с эпохи Средневековья до начала XX в. устройства подземных сооружений для группового захоронения предназначались главным образом для лиц знатного происхождения. В XX в., скорее всего, с установлением советской власти и ликвидацией местной элиты склепные захоронения становятся реликтовыми. На сегодняшний день сагана Торгайулы Жупарбай является, возможно, единственным и последним мазаром со склепом — сагана, который сооружен в конце XX в.

Ключевые слова: склеп, мусульманские захоронения, некрополь, надмогильное сооружение, мавзолей, Сунак Ата, Сыгнак, Казахстан, Кыргызстан.

М. В. Khozha, M. K. Amanturov*International Kazakh-Turkish University named by A. Yasavi, Turkestan (Kazakhstan)*

ABOUT CRYPT BURIALS OF KAZAKHSTAN

The article describes the Kazakh mausoleum of Torgayuly Zhuparbai, built of modern materials at the end of the 20th century for the first time. The object is located in the cemetery of the village of Sunak-Ata (Zhanakorgan region, Kyzylorda oblast of Kazakhstan). The peculiarity of the burial is the presence of a crypt. Survey data, ethnographic and archaeological materials about the crypt burials of Central Asia and Kazakhstan make it possible to attribute this mausoleum to the type of grave structures which were common during the middle Ages. The form of burial fixed here is undoubtedly a Muslim burial rite, which is known in the Central Asian region from the 11th century. In the burial rite of the

Kazakhs and other peoples of Central Asia, from the middle Ages to the beginning of the 20th century the device of underground structures for the group burial was mainly intended for the persons of noble origin. In the 20th century, most likely, with the establishment of Soviet power and the elimination of the local elite, the crypt burials become relict. Today, the Torgayuly Zhuparbay funerary structure is perhaps the only and the last mazar with a crypt — the sagana, which was built at the end of the 20th century.

Key words: crypt, Muslim graves, necropolis, gravestone, mausoleum, Sunak Ata, Sygnak, Kazakhstan, Kyrgyzstan.

Кожа Мухтар Бакадырулы, доктор исторических наук, профессор Международного Казахско-Турецкого университета им. Ахмеда Ясави, Туркестан (Казахстан). Адрес для контактов: kozha_mukhtar@mail.ru;

Амантуров Маралбек Касымбекович, научный сотрудник института археологии Международного Казахско-Турецкого университета им. Ахмеда Ясави, Туркестан (Казахстан). Адрес для контактов: amanturov1971@mail.ru.

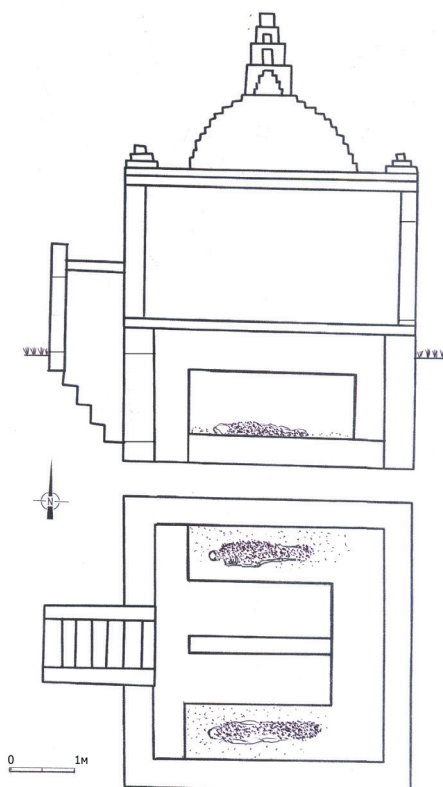
Летом 2015 г. при посещении современного кладбища села Сунак-Ата, что находится на северо-востоке от центральных развалин средневекового города Сыгнанак (Жанакорганский район Кызылординской области Казахстана), мы увидели неординарное сооружение — сагана Торгайулы Жупарбая, возведенное из современных материалов в конце XX в. (рис. 1, 2). Главной особенностью памятника является наличие подземной камеры — склепа с двумя погребениями. Следует отметить, что это единственное сооружение со склепом на территории современного кладбища Сунак Ата.

Рис. 1. Местонахождение саганы Торгайулы Жупарбая вблизи городища Сыганак

Рис. 2. Сагана Торгайулы Жупарбая. Вид с запада

Рис. 3. Сагана Торгайулы Жупарбая. План склепа. Разрез сооружения

Здание ориентировано по сторонам света (см. рис. 3). Надземная часть мазара возведена из силикатного кирпича и перекрыта куполом. Общая высота здания превышает 6 м. Размеры гробницы 5 x 5 м. Вход в наземную часть закрыт решетчатой железной дверью, которая располагается в середине восточной стороны сооружения. На противоположной, западной стороне сооружения расположен вход в склеп, который оформлен выступающим за линию стен своеобразным коридором, сложенным из обожженного кирпича. За железной дверью начинаются ступеньки, ведущие в подземный склеп. Высота подземной части сооружения около 2,5 м.

Судя по надписям на каменных плитах, вмороженных в стены мазара, первым в склеп в 1994 г. поместили тело Торгайулы Жупарбая (Асанбай), прожившего 70 лет. В 2006 г. в подземную камеру положили тело жены покойного — Аширқызы Зензайп, которая прожила 76 лет. Оба тела обернуты в белую материю — саван и располагаются на специальных возвышениях, сооруженных вдоль стен. Камера разделена на две части перегородкой высотой примерно 1,5 м. Мужское погребение располагается в северной части, а женское — в южной. Погребенные головами ориентированы на запад.

По рассказу родственников погребенных, проживающих в с. Сунак Ата, Торгайулы Жупарбай — казах из рода Найман-Туки. Покойный в молодости был чабаном, позже до пенсионного возраста проработал водителем. Его отец был мастером по изготовлению юрт. С 56 лет выполнял все предписания ислама. По желанию Торгайулы Жупарбая при его жизни был возведен склеп — подземная часть мавзолея. После смерти погребальный обряд был выполнен согласно требованиям ислама. Надземная часть мавзолея была сооружена после смерти («Жұпарбай науқастанып жатқанда-ақ өзінің айтуымен, жер астындағы қабаты салынған. Жұпарбай қайтыс болғаннан кейін, жерлеу рәсімі біткеннен кейін барып үстіңгі қабаты салынған. Жерлеу рәсімі, жаназа шығарылып толықтай мұсылманша өткен»). До данного случая никто из родственников не прибегал к подобной форме захоронения. Однако покойный завещал похоронить себя в склепе — сағана («ата-бабаларында мұндай жерлеу дәстүрі болмаса да, өлмей тұрып сағана тұрғызу арманы болған»). По предположению родственников покойного он мог увидеть подобное сооружение где-то на стороне, возможно, на земле киргизов («бәлкім жас күнінде қырғыз жерінде жүргенде көрген болар»).

Однако захоронения в подземной камере в районе средневекового городища Сыгнак были зафиксированы еще в 1899 г. В. Каллаур описал склеп под гробницей Сунак-Ата, где им было обнаружено 19 человеческих черепов. Также им отмечен склеп под другим монументальным сооружением Сыгнака [Каллаур, 2011: 204–205]. И. А. Кастанье, посетивший через семь лет после В. Каллаура упомянутую сыгнакскую гробницу, обнаружил в склепе 7 захоронений [Кастанье, 2007: 285–286].

Родственники погребенных в современном склепе на кладбище с. Сунак Ата называют неординарное сооружение словом *сағана*. В исторической литературе существуют различные версии этимологии понятия *сағана*. Отдельные исследователи возводят основу слова к тюркским корням [Муратов, Ерзакович, 1967: 77–78]. По мнению С. Ажигали, оно имеет персидское происхождение, «в период исламизации Средней Азии слово «сағона», «сағана» (вар.: «сахана») закрепилось за понятиями «[сводчатый

фамильный] склеп», «сводчатое надгробие», «надгробие с перекрытием», откуда, очевидно, проникло в среду казахских кочевников» [Ажигали, 2002: 295].

Согласно исследованиям казахских этнографов захоронения в подземных камерах встречаются в основном в Центральном Казахстане. Одним из первых обратил внимание на данную форму погребения С. Н. Акатаев, который писал, что сагана у казахов — костехранилище умерших членов одной семьи, представляет собой подземное помещение с отдельными площадками или полками. Стены выявленного исследователем подземного помещения были прочно облицованы жженым кирпичом и сланцевыми плитами, потолок сложен из мощных бревен, сверху покрытых утрамбованным гравием. Над склепом возвышалось надземное куполовидное сооружение [Акатаев, 1973: 43–49].

Подземный склеп с двумя камерами зафиксирован У. Джанибековым в 1973 г. в некрополе Макат с. Шенбер Улытауского района Джезказганской области. Этнограф именует памятник «*сахана* — фамильный склеп» и описывает его подземную часть, куда «ведет лестница с узким проходом, сделаны две камеры, разделенные стеной, для погребения отдельно мужчин и женщин. В склепе покойник не закапывался как обычно в землю, а помещался в камеру. При новом погребении останки предыдущего покойника соответствующего пола спускали в колодец, расположенный рядом» [Джанибеков, 1982: 11–13].

В последующем этнографы А. Толеубаев и М. Семби описали два вида такого вида погребения — захоронения в склепах. Первый вид: останки человека не тревожат, а очередное трупоположение не нарушает порядок расположения костей предыдущего покойника; второй вид: склепные погребения, где кости покойника либо сгребают в угол склепа, либо сталкивают в специальное костехранилище [Толеубаев, 1991: 102–103; Семби, 2001: 391–398]. В этнографической литературе последним по времени захоронением в склепе (1984 г.) считалась сагана Рамазана, расположенная в Жанаракинском районе Джезказганской области. В указанном склепе умерших помещали открыто в один ряд. У передней стены лежали останки шести покойников разной сохранности, с обеих сторон лестницы располагались еще два покойника. Во всех сагана умерших хоронили завернутыми в белую материю — саван. Сооружения сагана известны и в районе Сарысу, в западных и южных районах Казахстана [Сейдімбек, 2006: 33].

Так называемый поселковый склеп был выявлен архитектором А. Н. Проскуриным в с. Чайн (Южно-Казахстанская область Казахстана). Склеп представляет собой подземную прямоугольную в плане постройку глубиной около трех метров от поверхности земли, сложенную из жженого кирпича. Состоит из четырех небольших низких помещений, соединенных между собой проходами. Помещения перекрыты коробовыми сводами [Проскурин, 1994: 70].

Склепы этнографического времени известны и на территории Киргизии. Примечательно, что у киргизов склепы назывались *сакана* или *сагана*. В склепе мавзолея известных киргизских вождей племени саяк Атантая и Тайляка было захоронено в разное время около 10 человек. По опросным данным С. М. Абрамзона в таких склепах раньше погребали только особо знатных людей, принадлежавших к кочевой феодальной знати, а также выдающихся героев (баатыр). В данной камере каждый труп отделяла от другого кирпичная стенка высотой примерно 0,5–0,6 м, в соответствии с мусульман-

ским обычаем, который требовал, чтобы покойники не могли видеть друг друга [Абрамзон, 1971: 321–323; Табалдиев, 1996: 163].

Вопрос генезиса подобных склепов в Казахстане с захоронениями трактуется различными исследователями по-разному. По мнению А. Н. Проскурина, «поселковые» склепы получили распространение на юге Казахстана в XVIII–XIX вв. и предназначались для временного массового захоронения людей, погибших во время военных действий, голода, эпидемий и др. [Проскурин, 1994: 70]. Однако автор не приводит никаких доказательств в пользу своих утверждений.

Ряд казахских этнографов предполагают связь склепных захоронений с древними доисламскими верованиями казахов [Акатаев, 1973: 43–49; Толеубаев, 1991: 102–103; Семби, 2001: 391–398]. Есть и противоположное мнение. По утверждению С. Ажигали, распространение сагана связано с исламизацией казахов и проникло в среду казахских кочевников из районов Средней Азии [Ажигали, 2002: 295].

Судя по материалам археологии и средневековой архитектуры сагана-склепы на территории современной Средней Азии появились в средневековый период. Склепы как специальное подпольное погребальное помещение известны в мавзолеях Средней Азии с XI в. [Армарчук, 2001: 122]. В домонгольских мавзолеях Ходжа Дурбад, Шабурган-ата (Южный Таджикистан), в «башенных» мавзолеях на кладбище Машад у Дахистана (Южный Туркменистан) выявлены подземные камеры [Хмельницкий, 1996: 222, 229, 231]. Археологи зафиксировали их во многих мусульманских гробницах монгольского и тимуридского времени. Только в ансамбле Шахи-Зинда Самарканда обследовано 18 склепов XIV–XV вв. Выявлена подземная погребальная камера в сооружении Ишрат-хана в Самарканде, склеп Тимура в комплексе Дорус-Сиадат в Шахрисябзе [Немцева, 1969: 45–50].

Основной вид погребений, зафиксированных в склепах XIII–XV вв., — положение покойника на спине, непосредственно на полу склепа или в деревянном гробу. Во всех склепах положение костных останков обуславливалось ритуалом, но было нарушено еще в Средние века. При очередном погребении в фамильном склепе все костные останки предшествующих захоронений, в том числе полуистлевшие деревянные гробы, сдвигали в сторону (в угол) и слегка присыпали землей. По мнению Н. Б. Немцевой и Ю. З. Шваб, обычай этот определялся небольшой площадью склепов, но главным образом старой традицией, уходящей в Средней Азии еще в доисламские времена и связанной с курганными и катакомбными погребениями [Немцева, Шваб, 1979: 62].

Наиболее ранние средневековые склепы-сагана на территории Казахстана выявлены при раскопках городища Сарайчик (Западный Казахстан), где они датируются XIV–XV вв. Археологи, раскапывающие указанное городище, часто называют эти склепы словом «корхана». Они были семейными усыпальницами, в которых хоронили членов семьи или рода в течение длительного времени [Тасмагамбетов, Самашев, 2001: 72]. На дне раскопанного в 2006 г. в Сарайчике захоронения № 1 выявлены кости мужчины и женщины. В кирпичном склепе № 2 обнаружено 9 захоронений [Самашев, Кожа, 2007: 240–241]. Таким образом, склепы на территории Казахстана появляются еще до образования казахского народа.

Археологические исследования в городе Туркестане (Южный Казахстан) выявили группу позднесредневековых мавзолеев со склепами рядом с ханаккой Ходжа Ахмеда Ясави. На полу склепа «Безымянного» мавзолея XVI — первой половины XVII в. обнаружены семь взрослых и одно детское погребение, в склепе мавзолея Рабии Султан-бегим — костные останки шести человек [Ерзакович, Нурмуханбетов, 1977: 59–72; Смагулов, Григорьев, Итенов, 1999: 123–134]. В ходе реставрационных и дренажных работ вокруг ханакки были выявлены и другие склепы [Тұяқбаев, 2000: 52–55].

Есть косвенные материалы, свидетельствующие о строительстве склепов в домонгольский период. Нам известен рассказ М. Нарымбетова, смотрителя святого места Арыстанбаба, расположенного в предместье средневекового Отрара, о погребении одного из своих предков в подземной камере, на которую наткнулись при рытье могильной ямы прямо у стены указанного мавзолея, что свидетельствует, на наш взгляд, на наличии у мавзолея Арыстанбаба склепа. Ранние строительные конструкции мавзолея Арыстанбаб датируются XII в. Есть определенные признаки, указывающие на наличие подземной камеры и под средневековой усыпальницей ханакки Ходжа Ахмеда Ясави в Туркестане, ранний мавзолей которого датируется последней третью XII в. Приходилось слышать и о склепе под мавзолеем Баба-ата, что находится в Сузакском районе Южно-Казахстанской области. Баба-ата, известный в источниках как Иссахбаб, являлся одним из предводителей мусульманских войск, которые в VIII в. захватили район Средней Сырдарьи.

Таким образом, изложенные выше материалы о захоронениях в склепах Средней Азии и Казахстана позволяют отнести надмогильное сооружение Торгайұлы Жұпарбай в кладбище Сунак-Ата к относительно редкому, но традиционному типу мусульманских погребальных памятников. Фиксируемая здесь форма погребения известна в среднеазиатском регионе с XI в. С эпохи Средневековья вплоть до установления советской власти на территории Казахстана устройство подземных сооружений для группового захоронения предназначались главным образом для лиц знатного происхождения. В начале XX в. с ликвидацией местной элиты склепные захоронения становятся редкими. На сегодняшний день сагана Торгайұлы Жұпарбая является, возможно, последним мазаром со склепом в Казахстане, сооруженным в конце XX в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. 403 с.

Ажигали С. Е. Архитектура кочевников — феномен истории и культуры Евразии. Алматы, 2002. 652 с.

Акатаев С. Н. Культ предков у казахов в прошлом и зороастризм // Известия АН Каз. ССР. Серия общественных наук. 1973. № 2. С. 43–49.

Армарчук Е. Мавзолей Тюрабек-ханым в Старом Ургенче: форма, функция и возраст // Татарская археология. 2001. № 1–2 (8–9). С.120–168.

Джанибеков У. Культура казахского ремесла. Алма-Ата, 1982. 144 с.

Ерзакович Л. Б., Нурмуханбетов Б., Ордабаев А. Подземное погребальное сооружение в Туркестане // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977. С. 59–72.

Каллаур В. Древние города Саганак (Сунак), Ашнас или Эшнас (Асанас) и другие в Перовском уезде, разрушенные Чингис-ханом в 1219 году // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Историко-культурные памятники Казахстана. Туркестан, 2011. С. 204–211.

Кастанье И. А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Алматы, 2007. 514 с.

Муратов С. Н., Ерзакович Л. Б. Лопатка коровы с тюркскими письменами на арабском алфавите из городища Аспара (Чуйская долина) // Эпиграфика Востока. Вып. XVIII. Л., 1967. С. 71–79.

Немцева Н. Б. Малоизученный мавзолей из ансамбля Шахи-Зинда // Общественные науки в Узбекистане. 1969. № 8–9. С. 43–50.

Немцева Н. Б., Шваб Ю. З. Ансамбль Шах-и Зинда. Историко-архитектурный очерк. Ташкент, 1979. 168 с.

Проскурин А. Склеп поселковый // Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы, 1994. С. 70.

Самашев З., Кожа М. Элитный культовый комплекс Сарайчика // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 1. С. 236–257.

Сейдімбек А. Сүйек қосу // Мәдениет. 2006. № 1. С. 20–41 (на каз. яз.).

Семби М. К. Реликты архаических ритуалов в памятниках казахской архитектуры Сарыарки // Обычаи и обряды казахов в прошлом и настоящем. Алматы, 2001. С. 387–398.

Смагулов Е., Григорьев Ф. П., Итенов К. Очерки по истории и археологии средневекового Туркестана. Алматы, 1999. 232 с.

Табалдиев К. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек, 1996, 256 с.

Тасмагамбетов И., Самашев З. Сарайчик. Алматы, 2001. 320 с.

Толеубаев А. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. Алма-Ата, 1991. 214 с.

Тұяқбаев М. Түркістан сырлары. Алматы, 2000. 96 с. (на каз. яз.).

Хмельницкий С. Между саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии. XI — начала XIII вв. Берлин ; Рига, 1996. Ч. 1. 336 с.

REFERENCES

Abramzon S. M. *Kirgizy i ikh etnogeneticheskie i istoriko-kulturnye sviazi*. [Kyrgyz and their ethnogenetic, historical and cultural ties]. Leningrad, 1971. 403 s. (in Russian).

Akataev S. N. Kul't predkov u kazakhov v proshlom i zoroastrizm [The cult of the ancestors of the Kazakhs in the past and Zoroastrianism]. *Izvestiia AN Kaz. SSR*. [Izvestia an KAZ SSR] Seriiia obshchestvennykh nauk. 1973. № 2. S. 43–49 (in Russian).

Armarchuk E. Mavzolei Tiurabek-khanym v Starom Urgenche: forma, funktsiia i vozrast [The mausoleum of Tyurabek Khanum, Old Urgench in: form, function and age]. *Tatarskaia arkheologiia* [Tatar archaeology]. 2001. № 1–2 (8–9). S. 120–168 (in Russian).

Azhigali S. E. *Arkhitektura kochevnikov — fenomen istorii i kul'tury Evrazii* [The architecture of nomads is a phenomenon of history and culture of Eurasia]. Almaty, 2002. 652 s. (in Russian).

Dzhanibekov U. *Kul'tura kazakhskogo remesla* [Culture of the Kazakh crafts]. Alma-Ata, 1982. 144 s. (in Russian).

Erzakovich L. B., Nurmukhanbetov B., Ordabaev A. Podzemnoe pogrebal'noe sooruzhenie v Turkestane [Underground burial structure in Turkestan]. *Arkheologicheskie issledovaniia v Otrare*. [Archaeological research in Otrar]. Alma-Ata, 1977. S. 59–72 (in Russian).

Kallaur V. Drevnie goroda Saganak (Sunak), Ashnas ili Eshnas (Asanas) i drugie v Perovskom uezde, razrushennye Chingis-khanom v 1219 godu [The ancient city Saganaki (Sunak), Asnas or Asnas (Asanas) and others in the Perovsk district, destroyed by Genghis Khan in 1219 y]. *Protokoly zasedanii i soobshchenii chlenov Turkestanskogo kruzhka liubiteli arkheologii. Istoriko-kul'turnye pamiatniki Kazakhstana* [Minutes of meetings and reports of members of the Turkestan circle of archeology lovers. Historical and cultural monuments of Kazakhstan]. Turkestan, 2011. S. 204–211 (in Russian).

Kastanè I. A. *Drevnosti Kirgizskoi stepi i Orenburgskogo kraia* [Antiquities of the Kirghiz steppe and the Orenburg region]. Almaty, 2007. 514 s. (in Russian).

Khmel'nitskii S. *Mezhdú samanidami i mongolami. Arkhitektura Srednei Azii XI — nachala XIII vv.* [Between the Samanids and the Mongols. The Architecture of Central Asia. XI-beginning of XIII centuries]. Chast' 1. Berlin ; Riga, 1996. 336 s. (in Russian).

Muratov S. N., Erzakovich L. B. Lopatka korovy s tiurkskimi pis'menami na arabskom alfavite iz gorodishcha Aspara (Chuiskaia dolina) [The shovel of a cow with Turkic writings in the Arabic alphabet from the settlement of Aspara]. *Epigrafika Vostoka* [Epigraphy Of The East]. Vyp. XVIII. L., 1967. S. 71–79 (in Russian).

Nemtseva N. B. Maloizuchennyi mavzolei iz ansambliia Shakhi-Zinda [Little-known mausoleum from Shahi-Zinda ensemble]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane* [Social Sciences in Uzbekistan]. 1969. № 8–9. S. 43–50 (in Russian).

Nemtseva N. B., Shvab Iu. Z. *Ansaml' Shakh-i Zinda. Istoriko-arkhitekturnyi ocherk* [Shah-I Zinda ensemble. Historical and architectural essay]. Tashkent, 1979. 168 s. (in Russian).

Proskurin A. Sklep poselkovyi [The crypt of the village]. *Svod pamiatnikov istorii i kul'tury Kazakhstana* [Set of historical and cultural monuments of Kazakhstan]. Iuzhno-Kazakhstanskaia oblast'. Almaty, 1994. S. 70 (in Russian).

Samashev Z., Kozha M. Elitnyi kul'tovyi kompleks Saraichika [Elite cult complex of the Saraichik]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana* [History and archeology of Western Kazakhstan]. 2007. № 1. S. 236–257 (in Russian).

Seidimbek A. Syiek kosu [Burial in the crypt]. *Madeniet*. [Culture]. 2006. № 1. S. 20–41 (in Kazakh).

Sembi M. K. Relikty arkhaischikh ritualov v pamiatnikakh kazakhskoi arkhitektury Saryarki [Relics of archaic rituals in monuments of Kazakh architecture Saryarka]. *Obychai i obriady kazakhov v proshlom i nastoiashchem*. [Customs and rituals of the Kazakhs in the past and present]. Almaty, 2001. S. 387–398 (in Russian).

Smagulov E., Grigor'ev F. P., Itenov K. *Ocherki po istorii i arkheologii srednevekovogo Turkestana* [Essays on the history and archeology of medieval Turkestan]. Almaty, 1999. 232 s. (in Russian).

Tabaldiev K. *Kurgany srednevekovykh kochevykh plemen Tian' — Shania* [Mounds of medieval nomadic tribes of the Tien Shan]. Bishkek, 1996. 256 s. (in Russian).

Tasmagambetov I., Samashev Z. *Saraichik* [About the monument Saraichik]. Almaty, 2001. 320 s. (in Russian).

Toleubaev A. *Relikty doislamskikh verovaniy v semeinoi obriadnosti kazakhov* [Relics of pre-Islamic beliefs in the family rites of Kazakhs]. Alma-Ata, 1991. 214 s. (in Russian).

Tuiakbaev M. *Turkistan syrlary* [Secrets of Turkestan]. Almaty, 2000. 96 s. (in Kazakh).

Цитирование статьи:

Кожя М. Б., Амантуров М. К. О захоронениях в склепах Казахстана // Народы и религии Евразии. 2019. № 1 (18). С. 81–90.

Citation:

Khozha M. B., Amanturov M. K. About crypt burials of Kazakhstan. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 1 (18). P. 81–90.

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 94:2 (571.150)

DOI: 10.14258/nreur (2019) 1–09

К. С. Матыцин

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ СПИСОК «ПУТЕШЕСТВЕННИКА» ИЗ КОЛЛЕКЦИИ СОЛОНЕШЕНСКОГО МУЗЕЯ (АЛТАЙ)*

Автор статьи анализирует фотокопию старообрядческой рукописи № 423 из Солонешенского районного краевого музея. Рукопись создана в среде беглопоповцев Алтая во второй половине XIX в. В процессе анализа рукописи в ее составе выявлено два списка. В обоих списках указаны маршруты к местам, где сохранено старообрядческое священство.

Первый список в составе рукописи имеет название «Путешественник» — популярный среди старообрядцев путеводитель до легендарной страны Беловодье, располагающейся на островах Японского архипелага. «Путешественник» является новым, 17-м списком, выявленным среди обнаруженных ранее. Произведены анализ и классификация текста «Путешественника».

Второй список, входящий в рукопись, не имеет названия. Благодаря сравнительному анализу удалось установить, что он является неполной копией текста «Дорога за границу». В тексте говорится о существовании старообрядческого священства за пределами Российской империи в середине XIX столетия. Кроме того, установлено, что в данном списке речь идет о Белокриницкой иерархии. При сравнении двух списков в составе «Путешественника» были выявлены их общие аспекты. Автор статьи пришел к выво-

---

* Работа выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект № 33.2177.2017/4.6).

ду о хождении подобных рукописей среди старообрядцев, принадлежащих к часовенному согласию и приемлющих священство.

Ключевые слова: Беловодье, часовенное согласие, стариковцы, Белокриницкое согласие, «Путешественник», Марк Топозерский, старообрядчество, Алтай.

K. S. Matytsin

Altai State University, Barnaul (Russia)

THE OLD BELIEVERS' MANUSCRIPT "PUTESHESTVENNIK" FROM THE MUSEUM OF SOLONESHNOE VILLAGE (ALTAI)

The author of the article analyzes a photocopy of the Old Believers' manuscript No. 423 from the regional ethnographic museum of Soloneshnoe village. The manuscript was created in the environment of the Altai Old Believers — "beglopopovtsy" in the second half of the XIX century. During the process of analyzing the manuscript, two lists were found in composition of it. Both lists show routes to places where the Old Believer priesthood is preserved.

The first list in the manuscript is entitled "Puteshestvennik" — a popular guide among the Old Believers to the legendary country Belovodye, located in the Sea of Japan. The "Puteshestvennik" is a new, 17th identified list among those found earlier. The analysis and classification of the text "Puteshestvennik" have been done.

The second list included in the manuscript has no name. Through a comparative analysis, it was possible to establish that it is an incomplete copy of the text "Road abroad". The text refers to the existence of the Old Believer priesthood outside the borders of the Russian Empire in the middle of the XIX century. In addition, it has been established that this list refers to the Belokrinitsky hierarchy. When comparing the two lists in the composition of the "Puteshestvennik", their common aspects were revealed. The author of the article concluded that such manuscripts circulated among Old Believers belonging to Chasovennoe soglasie, who accepted the priesthood.

Key words: Belovodye, Chasovennoe soglasie, "starikovtsy", Belokrinitskoe soglasie, "Puteshestvennik" Marka Topozerskogo, Old Believers, Altai.

Матыцин Кирилл Сергеевич, лаборант Лаборатории этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: cyril.matytsin@gmail.com.

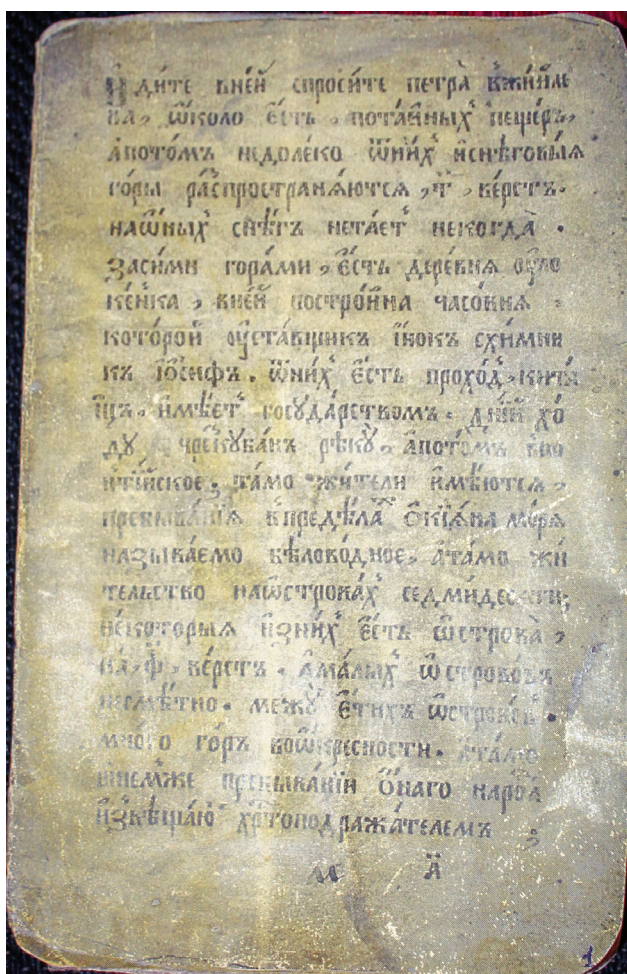

В июле 2018 г. нами была совершена поездка в краеведческий музей села Солонешное Алтайского края с целью исследовать старообрядческую рукопись под названием «Путешественник». В музее выяснилось, что в нем находится ксерокопия старообрядческой рукописи, снятая с оригинала. Оригинал, по словам директора

музея Т.Г. Беликовой, принадлежит туристу, проживающему в Бийске, который, путешествуя по горам близ Солонешного, нашел рукопись в одном из заброшенных домов. Возвращаясь в Бийск, турист зашел в музей села Солонешное и показал найденную рукопись, с которой впоследствии сотрудники музея сделали ксерокопию (рис.).

В журнале музея ксерокопия рукописи имеет инвентаризационный номер (№ 423), указана дата поступления в музей (ноябрь 2009 г.). В нашем исследовании нумерацию страниц мы будем указывать по рукописи, а не по ксерокопии.

Рукопись написана полууставом, формат в четвертую долю листа. Содержание имеет два раздела, в каждом из которых указано географическое место, где, по мнению автора списка, сохранилось легитимное старообрядческое священничество. В первом разделе говорится о Беловодье, которое располагается на островах Японского архипелага. Во втором разделе указана Сербская земля. В каждом разделе автор рукописи прокладывает путь до указанных мест.

Ксерокопия первой страницы «Путешественника» из Солонешенского музея (СРКМ. № 423)

Автор списка и место его создания, датировка «Путешественника»

В «Путешественнике» из районного краеведческого музея села Солонешного указан автор списка, некий Григорий Иванович из Бийска. Установить более детальных подробностей об авторе списка нам, к сожалению, не удалось.

Указанная в списке дата создания рукописи — 7395 год от сотворения мира. На первый взгляд вычислить датировку «Путешественника» из Солонешенского районного краевого музея по общепринятому времясчислению не представляется сложным. Для этого от даты создания рукописи 7395 лет от сотворения мира необходимо отнять 5508 лет [Климишин, 1985: 64]. В результате мы получим 1887 г. нашей эры, или от Рождества Христова. Но здесь есть ряд нюансов. Исходя из нашего исследования мы предполагаем, что автор рукописи, по которой сделана фотокопия, принадлежал к часовенному согласию. Среди некоторых представителей часовенного согласия бытовало представление о том, что между сотворением мира и Рождеством Христовым следует считать не 5508, а 5500 лет [Покровский, Зольникова, 2002: 207]. Таким образом, список мог быть создан либо в 1887 г., либо в 1895 г.

Аргументацией в пользу последней даты может служить указание датировки создания текста, приводимого во втором разделе Солонешенского списка. В нем говорится, что некий инок Аларий 7350-го года от сотворения мира записал сведения о присутствии старообрядческого священства за границей Российской империи. Сведения в Солонешенской рукописи представлены не в полном объеме. В аналогичном списке из Российской государственной библиотеки (Собрание Барсова. № 184) дополнительно указывается Белая Криница с перечислением имен священнослужителей: Амвросий, Кирилл (Майносский?), Аркадий (Славский?) [РГБ, Ф. 17. № 184: 21–23]. Вычислим дату сведений о старообрядческом священстве, полученных иноком Аларием: $7350 - 5508 = 1842$ г. н. э. Нам известно, что Белокриницкая иерархия была образована в 1846 г., т. е. на четыре года позже записей Алария. Если мы применим «часовенный» подход, то Аларий сделал свою запись в 1850 г., что вполне согласуется с тем, что иноку было известно о существовании Белокриницкого согласия.

«Путешественник». Первый раздел является старообрядческим текстом «Путешественника». Данное произведение являлось популярным среди старообрядцев, искавших Беловодье с православными поселениями, не затронутыми реформами по греческому образцу, которые были проведены патриархом Никоном. Предположительно вся рукопись, с которой была сделана ксерокопия, была названа по первому разделу.

Согласно С. И. Гуляеву, изначально под Беловодьем понималась вся территория Алтая, а затем с продвижением демидовских заводов границы Беловодья сузились до предгорных районов [Гуляев, 1854]. Представление о Беловодье, располагающемся в пределах Бухтармы, также фиксировали А. Принтц [1867], Е. Шмурло [1898], Д. Н. Беликов [1901], Б. Г. Герасимов [1911].

В первой половине XIX столетия у старообрядцев Юго-Западного Алтая возникает новое представление о Беловодье. Теперь под Беловодьем понималась исключительно гористая местность, недоступная для правительственных властей и официальной церкви. Так, согласно материалам из Государственного архива Алтайского края [Ф. 2. Оп. 2. Д. 14], в 20-х гг. XIX в. на поиски Беловодья отправились крестьяне из Малого и Боль-

шого Бащелака. Основной аргументацией их побега было то, что только в горах возможно спасение. Свою убежденность они черпали, толкуя книги Ефрема Сирина и Ипполита, папы Римского. Конфессиональный состав крестьян был представлен в основном беспоповцами — поморцами и стариковцами (беспоповским направлением часовенного согласия) [ГААК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 14]. Пользовались ли старообрядцы какой-нибудь письменной картой, в следственном деле указано не было.

Старообрядческое сочинение «Путешественник» возникло также в XIX в. Несмотря на то, что в нем указывались горы, но такого большого значения они уже не имели. Беловодье переместилось на острова Японского моря. В XIX в., помимо старообрядцев, списки «Путешественника» были известны представителям властей и официальной церкви, например Д. Н. Беликову [1901] и П. И. Мельникову [1864]. До настоящего времени рукописи со списком «Путешественника» были найдены и рассмотрены советскими и российскими учеными М. Н. Сперанским [1930], В. И. Малышевым [1960], К. В. Чистовым [1962], И. М. Кудрявцевым [1974], В. Ф. Лобановым [1980], Е. М. Сморгуновой [1999], В. А. Трусовым [2007], А. А. Чувьуровым [2011], Ю. Д. Рыковым [2015] и др.

А. А. Чувьуров в своей статье отметил, что ему известно о 14-ти списках «Путешественника» [2011: 225]. Ю. Д. Рыков добавил к этому числу 15-й список «Путешественника» из Ярославля [2015: 38]. Известно также, что в Екатеринбурге хранится 16-й список [Бабаева, 2017: 83–85]. Таким образом, в Солонешенском краеведческом музее Алтайского края нами был обнаружен 17-й список «Путешественника».

В середине XX в. К. В. Чистов предложил классифицировать список «Путешественника» согласно трем редакциям, две из которых обозначены как северорусская и сибирская [1962: 134–135]. По замечанию К. В. Чистова, три редакции имеют между собой ряд отличий. Основное отличие заключается в том, что в северорусской редакции в качестве автора «Путешественника» мы встречаем инок Марка Топозерского, тогда как в двух других автором выступает Михаил [Чистов, 1962: 140]. «Путешественник» из Солонешенского музея относится к северорусской редакции [СРКМ. № 423: 1об.].

В первом разделе списка указан поиск и принятие антиохийского священства. Здесь будет интересна мысль Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринковой о том, что старообрядцам было известно о распространении несторианства в Азии [Бломквист, Гринкова, 1930: 36]. В «Путешественнике» говорится о гонениях на антиохийцев со стороны некоего римского еретика, из-за которого антиохийцы удалились в восточные страны [СРКМ. № 423: 1об.–2].

Среди ученых, исследовавших списки «Путешественника», существует разногласие по поводу идентификации старообрядческого согласия, в котором возник текст. К. В. Чистов связывал старообрядцев, искавших Беловодье, со странническим толком, беспоповским направлением [Чистов, 1962: 121]. Такого же мнения придерживаются и другие ученые, в частности Е. Е. Дутчак [2007]. Она отмечает, что возникновение «Путешественника» в беспоповской среде можно объяснить рядом факторов, например необходимостью в обряде повторного крещения, описанного в тексте «Путешественника» [Дутчак, 2007: 170]. На наш взгляд, повторное крещение не связано с беспоповством, так как принятие несторианства могло также совершаться через повторный обряд крещения.

В отличие от К. В. Чистова и Е. Е. Дутчак, Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова [1930], а вслед за ними и ряд других ученых (А. И. Мальцев [2002], А. А. Чувьуров [2011], Н. Н. Покровский [2012]) считали, что поиск священства в легендарном Беловодье не связан со странническим толком. А. И. Мальцев, подвергая критике К. В. Чистова, утверждал: «ни в одном из страннических сочинений XVIII–XX вв. нет упоминаний о Б [еловодье], ни в одной страннической рукописи не встречаются списки «Путешественника». Представление о существовании целой страны, где нет и не может быть Антихриста, где сохранилось во всей полноте «дониконовское» священство, в корне противоречит учению странников о всемирной и окончательной победе Антихриста и конечном истреблении им «истинного» священства. Возникновение и распространение легенды о Б [еловодье] не связано с деятельностью определенного старообрядческого согласия, она жила среди поморцев, часовенных, беглопоповцев и др.» [Мальцев, 2002: 534].

А. А. Чувьуров, соглашаясь с А. И. Мальцевым, уточняет: «Жители алтайских деревень, которые упоминаются в «Путешественнике» (Ай, Устюба, Уймонская (Димонская), согласно архивным документам, относились к беглопоповскому согласию (часовенные)» [Чувьуров, 2011: 225]. Кроме того, придерживаясь взгляда на распространение легенды о Беловодье преимущественно среди часовенного согласия, Н. Н. Покровский и Н. Д. Зольникова добавили: «Проблема поисков «истинного» священства наложит свой отпечаток на всю дальнейшую историю старообрядчества востока России, включая неоднократные в XIX — начале XX в. попытки обретения такового в легендарном Беловодье» [Покровский, Зольникова, 2002: 77–78].

Дополнительным фактом в пользу часовенных также может послужить то, что в «Путешественнике» в качестве одного из ориентиров в Беловодье мы встречаем часовню, в которой служит уставщик схимник Иосиф [СРКМ. № 423: 1]. Согласно архивным материалам, под Иосифом понимался крестьянин Иван Гудков. Он вместе со своим братом схимником Паисием (Прокопием Гудковым) был обнаружен полицейскими властями. Известно, что оба схимника скрывались в выдолбленных дуплах высохших кедровых деревьев. Такие дупла были обнаружены близ деревень Устюбы, Каличи и Тавды. Здесь для нас примечательно то, что у схимников Иосифа и Паисия имелись «запасные дары» — деревянный сосуд и причастие [РГИА. Ф. 1284. Оп. 198. Д. 59 (1840): 12–14об.]. Важно отметить, что для представителей часовенного согласия было важно иметь при себе пресуществленную (ранее освященную) просфору и вино (кровь Христова). Это связано с тем, что в отличие от представителей поморского согласия часовенные считали невозможным спасение без видимого причастия. Вино для таинства причастия у задержанных схимников найдено не было. Здесь мы можем сделать вывод о том, что либо его где-то брали, либо заменяли водой. Согласно собору часовенных, проходившему в Ирюме в 1723 г., допускалось заменять вино водой, освящаемой на Богоявление [Покровский, Зольникова, 2002: 80].

В. Ф. Лобанов считал, что первоначальный вариант текста «Путешественника» сложился 1810–1815 гг., так как инок Иосиф (Иван Гудков) появился на Алтае не ранее указанного времени [Лобанов, 1980: 207]. Однако другой исследователь, Ю. Д. Рыков, отметил, что часовня, указанная в «Путешественнике», была построена в 1823 г. Таким образом, текст появился позже, чем это представлял себе В. Ф. Лобанов [Рыков, 2015: 37].

«Путешественник» из Солонешенского музея начинается не с описания европейской части маршрута, а с указания информатора Петра и располагающихся рядом с его жилищем потаенных пещерах [СРКМ. № 423: 1]. Опускание описания традиционной части «Путешественника» гипотетически мы можем объяснить тем, что данный список был адресован жителю Алтая. Другими словами, описание маршрута до алтайских деревень не представляло собой ценной информации для старообрядца. О том, что листы с описанием европейской части маршрута не были утрачены, говорит нумерация страниц. Почерк, которым пронумерованы страницы «Путешественника» из Солонешенского краеведческого музея, совпадает с почерком всей рукописи.

Странноприимец Петр, так же, как и схимник Иосиф, является реальным лицом. Установлено, что он — Петр Кириллов по прозванию Машаров был судим за укрывательство беглых крестьян. Петр Кириллов проживал в деревне Устьяба [РГИА: Ф. 1284. Оп. 198. Д. 59 (1840): 12–14об.]. Согласно Солонешенскому «Путешественнику», путники, которые желают добраться до Беловодья, должны пройти от Петра вдоль снеговых гор 300 верст, пока не доберутся до деревни Улокенки, в которой есть часовня со служащим в ней иноком Иосифом [СРКМ. № 423: 1]. Деревня Улокенка является искаженным топонимом деревни Уймонской, или Уймона. Как отмечает Ю. Д. Рыков, во всех списках «Путешественника» название данной деревни искажено [Рыков, 2015: 49]. Так, в списках «Путешественника», обнаруженных П. И. Мельниковым (МП-1 и МП-2), Уймон назван деревней «Умьменской» и «Устьменской» соответственно. В других списках Уймон может встречаться под названиями деревня «Умайска», «Установска», «Умонка», «Умойска», «Димонска», «Дамасская деревня» [Рыков, 2015: 49–50].

Из деревни Уймон, как указано в Солонешенском списке «Путешественника», необходимо следовать в горы, в которых есть проход в государство «Китаиц» (Китай). Из Китая через Кубань-реку к Беловодскому морю-океану [СРКМ. № 423: 1]. Название реки Кубань или Кубань в «Путешественнике», помимо солонешенского списка, встречается только в рязанском (ИРЛИ-4) и пермском (Пермь-1) вариантах. В других списках реки обозначены как «Губань», «Бан», «Буран-река», «Бурат» и т. д. [Рыков, 2015: 50]. Появление в «Путешественнике» названия реки как Кубань Ю. Д. Рыков пытается пояснить следующими словами: «Название «Кубань» следует сразу же исключить из списка подозреваемых на достоверность алтайских топонимов. Это название возникло явно позднее по причине переосмысления незнакомого топонима «Губань» на созвучное название «Кубань», которое позднее было «творчески» переосмыслено писцами как название хорошо известной реки. Она течёт в горах Кавказа и впадает в Азовское море. Естественно, название р. Кубань жителям Европейской части территории Российской империи было более известно, чем жителям Сибири и Алтая, и поэтому можно полагать, что такое переосмысление неизвестного и малопонятного названия р. Губань на более известное и понятное гидронимическое название было осуществлено переписчиком, жившим, несомненно, в Европейской части России» [Рыков, 2015: 51].

С одной стороны, мы можем не согласиться с утверждением Ю. Д. Рыкова о том, что замена неизвестного гидронима на название «Кубань» произошла в пределах Европейской России, так как автор Солонешенского списка являлся жителем горо-

да Бийска. С другой стороны, он мог сделать свою копию с «европейского» варианта «Путешественника».

Интересное предположение о гидрониме Губань (Кубань) выдвигал П. И. Мельников. Его предположение строилось на том, что Губань — это не гидроним, а название пустыни Гоби [Мельников, 1864: 40]. С данной точкой зрения согласен Ю. Д. Рыков: «Мнение П. И. Мельникова, сблизившего название «Губань» с названием центрально-азиатской пустыни («степи») Гоби, представляется достаточно правдоподобным. Ведь пустыня Гоби начинается именно от предгорий Алтая и Тянь-Шаня и простирается на 1 600 км в длину и на 800 км в ширину по территории Южной Монголии и Северного Китая. Переход через это безводное пространство с довольно редкой растительностью действительно продолжителен и очень труден» [Рыков, 2015: 51].

Во время анализа «Путешественника» перед нами встал еще один вопрос. Почему среди одной части часовенных старообрядцев был актуален поиск священства, а для другой он не являлся необходимым (например, в том же «Путешественнике» схимники представлены как странноприимцы, а не как путники, снискавшие Беловодье)? Мы нашли два ответа. Первый ответ — это то, что указаны иноки, т. е. лица, ведущие монашескую жизнь, отдаленную от центра, в котором сохранилось священство, в данном случае Беловодья. Чтобы дать второй ответ, необходимо внимательнее посмотреть на историю часовенного согласия.

Представители часовенного согласия на протяжении всего периода его существования испытывали кризис в священстве. Отчасти он был связан с тем, что при принятии священника из господствующей церкви последнему требовалось доказать свое трехпогрузательное крещение. Другой фактор — это географическая отдаленность общин, нуждающихся в священниках, от старообрядческих центров. Таким образом, часовенное согласие встало перед выбором — осуществлять дальнейший поиск священников либо отказаться от них и принять беспоповское положение. Невьянский собор часовенных в 1777 г. закончился компромиссным вариантом — «ныне и впредь вопрос о том, нужны или нет священники для церковных таинств, остается для каждого „на ево воле“» [Покровский, Зольникова, 2002: 77].

Оказавшись в двояком положении, часть часовенных, особенно среди крестьян, вероятно, допускала два варианта существования: как в беглопоповском, так и беспоповском положении. Отсюда мы видим, что схимники могли и не нуждаться в священниках, но при этом признавали их существование. Аналогично поступали и другие часовенные — стариковцы, придерживавшиеся беспоповства. Другая же часть старообрядцев-часовенных, стоящих на позиции беглопоповства, все же предпринимала попытки поиска священства, одним из центров которого являлась, по их представлению, страна Беловодье.

«*Дорога заграницу*». Второй раздел рукописи посвящен поселениям старообрядцев в Сербской земле. Повествование о них повторяется два раза. Автором сведений о поселениях выступает инок Аларий [СРКМ. № 423: 5об.]. Его описание ведется от 3 февраля 7350 г. от сотворения мира (1842 г. н.э.).

Рассказ о поселениях начинается с того, что в турецкой области в Сербской земле находятся две слободы, Ивановская и Димитриевская, в которых стоят старообрядче-

ские монастыри. О священстве в первой версии написано, что в Ивановской слободе имеются два епископа, священники и дьяконы, а в Димитриевской слободе один епископ, священники и дьяконы [СРКМ. № 423: 3]. Во второй версии инок Аларий указывает, что священство двух слобод представлено архиереями (без указания их числа и духовного сана), священниками и дьяконами [СРКМ. № 423: 4–4об.]. Добраться до поселений старообрядцев можно из барнаульской земли, по Дунаю, из Молдавии к реке Сава и вверх по ней [СРКМ. № 423: 4об.].

Данный текст второго раздела совпадает с текстом одной из рукописей собрания Е. В. Барсова, в которой также приводится текст «Путешественника» [РГБ. Ф. 17. № 184]. Но в рукописи из Барсовского собрания имеются дополнительные сведения. Так, в ней указано о четырех дорогах, ведущих, помимо Молдавии, в Турцию и Австрию, где сохранилось старообрядческое священство. Данный текст также имеет название «Дорога за границу» [РГБ. Ф. 17. № 184: 20об.]. Сравнивая второй раздел из Солонешенской рукописи и список № 184 из собрания Барсова, отметим, что в последнем также указаны место — Белая Криница и имена некоторых архиереев: Амвросий, Кирилл, Аркадий [РГБ. Ф. 17. № 184: 21–23]. Таким образом, мы можем заключить, что во втором разделе Солонешенского списка речь идет о поиске священства среди старообрядцев юго-западной части Российской империи и за ее пределами — там, где концентрация старообрядческого духовенства была большой, где образовалась Белокриницкая иерархия.

Указание в тексте о признании Белокриницкого согласия беглопоповцами Алтая может служить также объединяющим фактором двух текстов в «Путешественнике» из села Солонешное. Согласно мнению Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринковой, внимание старообрядцев Алтая падает на Белую Криницу, так как «Белая Криница — на языке буковинских славян — есть то же Беловодье» [Бломквист, Гринкова, 1930: 36].

Кроме того, в двух разделах упоминается Русский Север: в первом разделе это Соловецкая обитель, Ледовитое море (вероятно, имелся в виду Ледовитый океан), во втором разделе — Белое море [СРКМ. № 423: 2, 5]. От Соловецкой обители ведут преемственность как поморское, так и часовенное согласия [Покровский, Зольникова, 2002: 183–204].

«Путешественник» из коллекции Солонешенского музея и подобные ему списки, на наш взгляд, отражают положение беглопоповцев в XIX в. Предположительно, автор рассматриваемого нами списка Григорий Иванович из Бийска принадлежал как раз к часовенному согласию, в котором на территории Алтая был отмечен затяжной кризис, связанный с отсутствием священства в XIX в. Стоит сказать, что вместо того, чтобы окончательно принять позицию беспоповства, алтайские старообрядцы-часовенные не теряли надежду обрести священство. В одном случае это привело к неудачным поискам Беловодья, в другом — присоединению части старообрядцев-часовенных к Белокриницкому согласию.

Исследование Солонешенского списка также пролило свет на проблему Беловодья, выделив несколько этапов существования представления о нем. Первый этап — это земли, на которых старообрядцы могли свободно совершать свои богослужения, где нет светской власти и официальной церкви. Белый цвет ассоциируется с цветом свободы.

Второй этап обозначился так: Беловодье — гористая местность. Только в ней возможно спасение. Третий этап представления о Беловодье — это зафиксированный на бумаге маршрут в страну, находящуюся под юрисдикцией Японии, в которой сохранено священство, служащее по антиохийскому обычаю. Четвертый этап — отождествление Беловодья с Белой Криницей и Белокриничским согласием.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бабаева М. Е. Социально-утопическая легенда о Беловодье в контексте исторического исследования // Многомерность общества: человек в социальном взаимодействии: сб. ст. Екатеринбург, 2017. С. 83–85.

Беликов Д. Н. Томский раскол: исторический очерк от 1834 по 1880 г. Томск, 1901. 247 с.

Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П. Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. 460 с.

Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы: краткий историко-этнографический очерк // Записки Семипалатинского подотдела ЗСОРГО. Вып. 5. Семипалатинск, 1911.

Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 2. Оп. 2. Д. 14.

Гуляев С. И. Алтайские каменщики // Санкт-Петербургские губернские ведомости. 1854. № 21.

Дутчак Е. Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX — начало XXI в.). Томск, 2007. 410 с.

Климишин И. А. Календарь и хронология. М., 1985. 478 с.

Кудрявцев И. М. Описание собрания Е. В. Барсова (ф. 17). М., 1974.

Лобанов В. Ф. Новый список «Путешественника» инока Михаила // Сибирское историко-этнографическое и археографическое исследование: сб. ст. / отв. ред. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 1980. С. 208–211.

Малышев В. И. Усть-цилемские рукописные сборники XVI–XVII вв. Сыктывкар, 1960. 214 с.

Мальцев А. И. Беловодье // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 4. С. 534–535.

Мельников П. И. Исторические очерки по истории поповщины. СПб., 1864. Ч. 1.

Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. 471 с.

Покровский Н. Н. Урало-сибирские староверы-часовенные // Дни в Романовке: Японские фотографии, запечатлевшие русское старообрядческое село в Маньчжурии на рубеже 1930–1940-х годов, из собрания Приморского государственного объединенного музея им. В. К. Арсеньева во Владивостоке. М., 2012. С. 44–53.

Принтц А. Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губернии и поездка в их селения и в Бухтарминский край в 1863 г. // Записки РГО по общей географии. СПб., 1867. Т. 1. С. 548–552.

Российская государственная библиотека. Собрание Е. В. Барсова (Ф. 17). № 184.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 198. Д. 59 (1840).

Рыков Ю. Д. Ярославский список «Путешественника» Марка Топозерского // Книжная культура Ярославского края — 2014: сб. статей и материалов. Ярославль, 2015. С. 11–57.

Сморгунова Е. М. Исход староверов вчера и сегодня: уход от мира и поиски земли обетованной // История церкви: изучение и преподавание : материалы науч. конф., посвящ. 2000-летию христианства (22–25 ноября 1999 г.). Екатеринбург, 1999. С. 211–219.

Солонешенский районный краеведческий музей. Путешественник. № 423.

Сперанский М. Н. Сказание об Индийском царстве // Известия АН СССР по русскому языку и словесности. М., 1930. Т. 3, кн. 2.

Трусов В. А. Три списка с рукописи Путешественника Марко Топозерского // Старообрядчество: история, культура, современность : материалы VIII Международной науч.-практ. конф. М., 2007. Т. 2. С. 234–241.

Чистов К. В. Легенда о Беловодье // Труды Карельского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1962. № 35. С. 116–181.

Чувьюров А. А. «Путешественник Марка Топозерского»: география бытования рукописных сборников // Фольклор и этнография. К девяностолетию со дня рождения К. В. Чистова : сб. науч. ст. СПб., 2011. С. 218–232.

Шмурло Е. Русские поселения за Южным Алтайским хребтом // Записки ЗСОРГО. Кн. 25. Омск, 1898. С. 1–64.

REFERENCES

Babaeva M. E. *Sotsial'no-utopicheskaia legenda o Belovod'e v kontekste istoricheskogo issledovaniia* [Socio-Utopian Legend of Belovode in the Context of Historical Research]. *Mnogomernost' obshchestva: chelovek v sotsial'nom vzaimodeistvii: sb. St* [Multidimensionality of Society: The Person in Social Interaction]. Ekateinburg, 2017. S. 83–85 (in Russian).

Belikov D. N. *Tomskii raskol: Istoricheskii ocherk ot 1834 po 1880 g.* [Tomsk Schism: The Historical Sketch from 1834 to 1880]. Tomsk, 1901. 247 s. (in Russian).

Blomkvist E. E., Grinkova N. P. *Bukhtarminskii staroobriadtsy* [Bukhtarma Old Believers]. L., 1930. 460 s. (in Russian).

Gerasimov B. G. *V doline Bukhtarmy: Kratkii istoriko-etnograficheskii ocherk* [In the Bukhtarma Valley: The Brief Historical and Ethnographic Essays]. *Zapiski Semipalatinskogo podotdela ZSORGO* [Notes of Semipalatinsk Section of ZSORGO]. Semipalatinsk, 1911. Vyp. 5 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia (GAAK) [State Archive of the Altai territory]. Fund 2. Inventory 2. File 14 (in Russian).

Guliaev S. I. *Altaiskie kamenshchiki* [Altai Old Believers-kamenshchiki]. *Sankt-Peterburgskie gub. Vedomosti* [St. Petersburg Province Statements]. SPb., 1854. № 21 (in Russian).

Dutchak E. E. *Iz "Vavilona" v "Belovod'e": adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraia polovina XIX — nachalo XXI v.)* [From "Babylon" in "Belovodye": The Adaptive Capabilities of the Taiga Communities of Old Believers-Stranniki (Second Half of the 19th — Early 21st Centuries)]. Tomsk, 2007. 410 s. (in Russian).

Klimishin I. A. *Kalendar' i khronologiya* [Calendar and Chronology]. M., 1985. 478 s. (in Russian).

Kudriavtsev I. M. *Opisanie sobraniia E. V. Barsova (F. 17)* [Description of the Collection of E. V. Barsov (F.17)]. M., 1974 (in Russian).

Lobanov V. F. Novyi spisok «Puteshestvennika» inoka Mikhaïla [The New List of “Puteshestvennik” by Monk Michael]. *Sibirskoe istochnikovedenie i arkhografîia: sb. st. otv. red. N. N. Pokrovskii, E. K. Romodanovskaia* [Siberian Source Study and Archeography]. Novosibirsk, 1980. S. 208–211 (in Russian).

Malyshev V. I. *Ust’ — tsilemskie rukopisnye sborniki XVI–XVII vv.* [Ust-Tsilem Manuscripts of XVI–XVII Centuries]. Syktyvkar, 1960. 214 s. (in Russian).

Mal’tsev A. I. Belovode [Belovodye]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia]. M., 2002. T. 4. S. 534–535 (in Russian).

Mel’nikov P. I. *Istoricheskie ocherki po istorii popovshchiny* [Historical Essays on the History of Popovshchina]. SPb., 1864. Ch. 1 (in Russian).

Pokrovskii N. N., Zol’nikova N. D. *Starovery-chasovennye na vostoке Rossii v XVIII–XX vv.: Problemy tvorchestva i obshchestvennogo soznaniia* [Old Believers — Chasovennye in the East of Russia in the XVIII–XX Centuries: Problems of Creativity and Public Consciousness]. M., 2002. 471 s. (in Russian).

Pokrovskii N. N. Uralo-sibirskie starovery-chasovennye [Ural-Siberian Old Believers-Chasovennye]. *Dni v Romanovke: Iaponskie fotografii, zapechatlevshie russkoe starobriadcheskoe selo v Man’chzhurii na rubezhe 1930–1940-kh godov, iz sobraniia Primorskogo gosudarstvennogo ob»edinennogo muzeia im. V. K. Arsen’eva vo Vladivostoke* [Romanovka Days: Japanese Photographs Depicting a Russian Old Believer Village in Manchuria at the Turn of the 1930s — 1940s]. M., 2012. S. 44–53 (in Russian).

Printts A. Kamenshchiki, iasachnye krest’iane Bukhtarminskoi volosti Tomskoi gubernii i poezdka v ikh seleniia i v Bukhtarminskii krai v 1863 g. [Kamenshchiki, Iasachnye of the Bukhtarma Volost of the Tomsk Province and an Expedition to Villages and to the Bukhtarma Region in 1863]. *Zapiski RGO po obshch. Geografii* [Notes of the Russian Geographical Society on General Geography]. SPb., 1867. T. 1. S. 548–552 (in Russian).

Rossiiskaia gosudarstvennaia biblioteka. Sobranie E. V. Barsova (F. 17) [Russian State Library. Collection E. V. Barsova (F. 17)]. № 184 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. Fund 1284. Inventory 198. File 59 (1840) (in Russian).

Rykov Iu. D. Iaroslavskii spisok “Puteshestvennika” Marka Topozerskogo [Yaroslavl list “Puteshestvennik” Mark Topozersky]. *Knizhnaia kul’tura Iaroslavskogo kraia — 2014 sbornik statei i materialov* [Book Culture of Yaroslavl Region — 2014 Collection of Articles and Materials]. Iaroslavl’, 2015. S. 11–57 (in Russian).

Smorgunova E. M. Iskhod staroverov vchera i segodnia: ukhod ot mira i poiski zemli obetovannoi [Exodus of the Old Believers Yesterday and Today: The Departure from the World and the Search for the Promised Land]. *Istoriia tserkvi: izuchenie i prepodavanie: materialy nauch. konf., posviashch. 2000-letiiu khristianstva (22–25 noiabria 1999 g.)* [Church History: Study and Teaching]. Ekaterinburg, 1999. S. 211–219 (in Russian).

Soloneshenskii raionnyi kraevedcheskii muzei. Puteshestvennik [Regional Ethnographic Museum of Soloneshnoe village. Puteshestvennik] № 423 (in Russian).

Speranskii M. N. Skazanie ob Indiiskom tsarstve [The Legend of the Indian Kingdom]. *Izvestiia AN SSSR po russkomu iazyku i slovesnosti* [Works of the Academy of Sciences of the USSR in the Russian Language and Literature]. M., 1930. T. 3, kn. 2 (in Russian).

Trusov V. A. *Tri spiska s rukopisi Puteshestvennika Marko Topozerskogo. Staroobriadchestvo: istoriia, kul'tura, sovremennost': materialy VIII mezhdunar. nauch. — prakt. konf., 13–15 noiabria* [Three Lists with the Manuscript of the Puteshestvennik Marco Topozersky. Old Believers: History, Culture, Modernity]. M., 2007. T. 2. S. 234–241 (in Russian).

Chistov K. V. *Legenda o Belovode* [The Legend of Belovodye]. *Trudy Karelskogo filiala AN SSSR* [Works of the Karelian Branch of the USSR Academy of Sciences]. Petrozavodsk, 1962. № 35. S. 116–181 (in Russian).

Chuv'urov A. A. “*Puteshestvennik Marka Topozerskogo*”: *geografiia bytovaniia rukopisnykh sbornikov. Fol'klor i etnografiia. K devianostoletiiu so dnia rozhdeniia K. V. Chistova: sb. nauch. st.* [“Puteshestvennik Marka Topozerskogo”: The Geography of the Manuscripts. Folklore and Ethnography]. SPb., 2011. S. 218–232 (in Russian).

Shmurlo E. *Russkie poseleniia za Iuzhnym Altaiskim khrebtom* [Russian Settlements Behind the Southern Altai Range]. *Zapiski ZSORGO* [Notes of ZSORGO]. Kn. 25. Omsk, 1898. S. 1–64 (in Russian).

Цитирование статьи:

Матыцин К. С. Старообрядческий список «Путешественника» из коллекции Солонешенского музея (Алтай) // Народы и религии Евразии. 2019. № 1 (18). С. 91–103.

Citation:

Matytsin K. S. The old believers' manuscript “Puteshestvennik” from the museum of Soloneshnoe village (Altai). *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 1 (18). P. 91–103.

УДК 256

DOI: 10.14258/nreur (2019) 1–10

Ю. В. Хвастунова*Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск (Россия)*

НОВЫЙ ТИП РЕЛИГИОЗНОГО ЛИДЕРА В НЕОЯЗЫЧЕСТВЕ НА ПРИМЕРЕ ГРУППЫ АЛТАЙ ЯНГ АК ЯНГ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ

Рассмотрены типы современного религиозного лидерства применительно к алтайским верованиям: шаманизм (потомственные шаманы/камы), неошаманизм (обучившиеся шаманы/камы, открывшие «дар», совмещающие различные техники), Ак Ян (ярлыхи, «немее билер киж»), харизматические лидеры с уникальным статусом (*Акай Кине* с алт. «Белый правитель» — С. К. Кыныев). На основе анализа религиозной культовой внутренней литературы: небесных диктовок (Судур бичиктер), статей, обращений, комментариев последователей — фиксируется современный тип неоязыческого лидера В. Б. Чекурашева. Данные характеристики отражают представления о характере, роли, отношении к последователям и значении религиозного духовного лидера в Алтай Ян Ак Ян. В. Б. Чекурашев как религиозный духовный лидер именуется «учитель», «пророк-посланник Бога на Земле», «Кудайдын ишчизи, возрождающий Веру предков Ак Ян», «одаренный Богом», «немее билер киж»). В целом В. Б. Чекурашева можно назвать лидером-модернизатором, активно включенным не только в процесс обучения основам алтайских верований, но и культовой практики, целительства и пророчества. В настоящий момент религиозная группа Ян Ак Ян, имея двадцатилетний стаж, продолжает развиваться, реформироваться и находить новые формы религиозной деятельности и миссионерства, и в этом, несомненно, есть заслуга как самого духовного лидера, так и его ближайшего окружения.

Ключевые слова: Ак Ян, Белая вера, бурханизм, небесные диктовки, язычество, шаманизм, религиозный опыт, религиозный лидер, прозелитизм, алтайцы.

J. V. Khvastunova

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai (Russia)

A NEW TYPE OF RELIGIOUS LEADER IN THE NEO-PAGANISM ON THE EXAMPLE OF ALTAY JANG AK JANG IN THE REPUBLIC OF ALTAI

The article describes the types of modern religious leadership in relation to the beliefs of the Altai: shamanism (hereditary shamans), neoshamanism (trained shamans/Камы, who opened “the gift”, combining various techniques), Ak Jang (arlıje, “neméa Biler Kizhi”), charismatic leaders with a unique status (Akay kinetics with Alt. “White ruler” — S. K. Kynyev). On the basis of the analysis of religious cult internal literature: heavenly dictations (Sudur bichikter), articles, addresses, comments of followers the modern type of the neo-pagan leader Chekurashev is fixed. These characteristics reflect the ideas about the character, role, attitude to the followers and the significance of the religious spiritual leader in Altai. V. B. Chekurashev as a religious spiritual leader called the “teacher,” “prophet-messenger of God on Earth”, “Kulagin iscsi, reviving the Faith of their ancestors Ak Jang”, “gifted by God”, “neméa Biler Kizhi”. In General, V. Chekurasheva can be called the leader of the modernizer, actively involved in the process of learning the basics of the Altai beliefs, but also the cult practice of healing and prophecy. Currently religious group Ak Jang, having twenty years of experience, continues to evolve, to reform itself and find new forms of religious activities and missionary work and this certainly has merit as the spiritual leader and his entourage.

Key words: Ak Jang “White Faith”, burkhanism, heavenly dictation, paganism, shamanism, religious experience, Altaians.

Хвастунова Юлия Викторовна, кандидат философских наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета, Горно-Алтайск (Россия). Адрес для контактов: hvastunovoy@mail.ru.

В свете развития и постоянного реформирования современного язычества (неоязычества) наиболее важным представляется изучение не только характера деятельности религиозных групп, особенностей культа и религиозного поведения, но и анализ роли и типа религиозного лидера (зачастую непосредственного источника религиозной информации и метода подачи вероучения) в современном социуме. О религиозном лидерстве написано немало, но вопрос остается актуальным в связи с высокой подвижностью, трансформацией самого характера и типа религиозности современного общества, глобального сетевого пространства и его влияния на религиозные процессы и воздействия местных локальных факторов на харизматичное лидерство с учетом национального колорита. Многие ученые пишут о «замещающем» характере современных религий, гражданской религиозности, символических кодах. Все вышеперечисленное по большей части касается религиозных традиций и организаций кон-

фессионального типа с долгой устоявшейся историей, государственно-конфессиональными отношениями, авторитетом, догматикой и местом в обществе. Относительно новых религиозных движений, в частности неоязычества, необходимо использовать несколько иные определения. В отличие от крупных конфессий, современные неоязыческие религиозные группы невероятно мобильны, они относительно легко встраиваются в рыночные отношения, в сетевой контент, быстро формируют, например New Age менеджмент, туристические услуги, терапевтическую помощь и пр. Необходимо подчеркнуть, что религиозность современных верующих действительно сильно трансформировалась, причем на всех уровнях: личностном, коллективном, лидерском (индивидуальная презентация харизматического лидера).

В данной статье мы используем термин «религиозность» как особый тип восприятия и презентации всего комплекса религиозных представлений человеком как на личном, так и на коллективном уровне.

Алтайское неоязычество трактуется по-разному, в зависимости от того, что полагается в основу или считается зарождением нового типа религиозности. Так, если это Ак Жан («Белая, или Молочная вера») — бурханизм, то его рождение датируется точно — 1904 г. Если под неоязычеством понимать процессы в современной России, то это возрождение, реконструкция Ак Жан в 90-е гг. XX в.

Анализируя современные процессы в неоязычестве и неошаманизме, невозможно игнорировать прошлое, религиозные традиции алтайцев в Горном Алтае. Даже самые современные и «далекие» или сильно модернизированные «авторские» версии обязательно опираются на определенный набор традиционных представлений, обрядов, ритуалов, религиозную терминологию. Здесь еще необходимо учитывать и ментальный азиатский, тюркский культурный формат алтайцев как этноса. При всех инновациях алтайцы всегда трепетно и с уважением относятся к прошлому, к истории алтайской веры, алтайских лидеров и алтайских преданий. Поэтому современные духовные лидеры обязательно включают, применяют и интерпретируют сакральный мир с учетом исторически сложившихся обрядов и традиций.

Что известно о характере духовного лидерства в Горном Алтае? На данный вопрос можно ответить путем полного описания/включения всех вариантов алтайского духовного лидерства в Республике Алтай (РА). Духовный религиозный лидер в традиционном этнографическом понимании — это прежде всего шаман, общающийся с духами, отвечающий за связь алтайского рода (сёок) с сакральным миром. На Алтае продолжается традиция шаманизма, но в связи с бурным развитием различных оккультных, нью эджеских течений уместно отличать его от неошаманизма. Сами потомственные шаманы обычно негативно описывают неошаманских лидеров как выскочек, как тех, кто «купили себе диплом», открыли дар экстрасенсорными технологиями, не придерживаются строгих правил и запретов, «торгуют» дарами, предоставляя услуги как туроператоры или бизнесмены.

Подлинный же шаман получает дар по наследственной линии, четко знает характер своего дара. Его шаманская практика также имеет четкие границы (обращение к верхним и нижним мирам или к конкретным духам). Шаман придерживается определенной диеты, он не ищет «дешевой» популярности, избегает публичности и трепетно со-

хранят всю религиозную практику (начиная с мировоззрения и заканчивая культом) в изначальной неизменной традиции. Неошаманы часто не могут подтвердить родовую преемственность, порой они легко модернизируют культ, требуют «приличный» гонорар и стремятся к публичности и популярности, а порой и к конкретной власти.

Следующий тип духовного лидера — это тярлыхи (ярлыкчы), или судурчи (священнослужители). Такие лидеры, выполняющие родовые культовые действия, стали известны с оформлением родо-племенных семейных обрядов и ритуалов, а также с выделением самобытной алтайской разновидности веры — Ак Ян («Белая вера», бурханизм). До сих пор в Онгудайском и Усть-Канском районах есть представители, продолжающие родовые семейные обряды, тярлыхи, помнящие заветы бурханизма. Они, как правило, избегают публичности, но не отказывают в случае обращения к ним за советом, исполнением обряда. Потомственные тярлыхи упрекают современных неоязычников в чрезмерной амбициозности и расколе алтайского народа.

Особняком стоит такой тип лидерства, как кайчи (с алт. «сказитель»). Кайчи — это прежде всего человек, обладающий даром музыкального выражения глубинных пластов этнической культуры. Это профессионал в области мифологии, фольклора, традиций и, конечно, религиозных знаний. На Алтае к такому кайчи могли обратиться как к мудрецу, обладающему природными знаниями и способному самому сливаться с окружающей природой и помогать собеседнику достигать гармоничного состояния сознания. В качестве примера такого мудрого кайчи упоминают Алексея Григорьевича Калкина. Среди современных кайчи известен Иван (Таныспай) Боксурович Шинжин.

И еще один алтайский тип лидерства — это башчи (или башчы) как неформальный духовный лидер определенного алтайского рода, а в случае с целым народом — это Эл Башчи. В задачи башчи входит забота об алтайских сёоках, соблюдении родных традиций и обычаев, выражении интересов и потребностей алтайцев, в том числе и религиозных.

Следующий тип духовного лидера — это люди, обладающие даром, мудрые проводники, пророки (или «знающие нечто» — «немее билер киж»). Например, последователи Алтай Ян Ак Ян (самоназвание в сети «ЯНЫ АЛТАЙ» — ДВИЖЕНИЕ) так называют своего наставника и учителя — В. Б. Чекурашева.

Современное движение Ак Ян разделилось на несколько направлений. Кроме вышеупомянутых продолжателей традиции бурханизма, служителей «молочного» культа — тярлыхов (преимущественно в Онгудайском и Усть-Канском районах) известны новые духовные лидеры, проповедующие Ак Ян как исконно алтайскую Белую веру с конца XX в. Это Д. Алексеева, а также продолжающий культовую практику и деятельность на уровне общественной организации С. К. Кыныев со статусом Акай Кине (с алт. «Белый правитель»). Шаманка З. Т. Тырысова инициировала создание программы по сакральным этнокартам в Республике Алтай. И, наконец, активная деятельность онгудайской инициативной группы последователей В. Б. Чекурашева Алтай Ян Ак Ян (название утвердилось совсем недавно, буквально полтора года назад и, возможно, еще будет модифицироваться) [Табаева, 2018: 7]. Проблема определения, самопрезентации и отношения в обществе к духовному (религиозному) лидерству осложняется не только наличием разнообразия типов и наименований того или иного носителя ре-

лигиозной традиции, но и современными процессами, стимулирующими публичный, сетевой активный характер демонстрации «даров» и авторитета того или иного лидера.

Также не следует забывать, что даже локальные, замкнутые в пределах конкретного этноса или этнической культуры типы религиозного лидерства в современных условиях порой вынуждены искать интернациональные формы выражения. Простой пример — это появление всевозможных рейтингов и конкурсов на звание лучшего шамана или «главного шамана». В Республике Алтай такая тенденция четко просматривалась на протяжении нескольких лет и, возможно, была обусловлена желанием власти иметь публичный, открытый и легальный формат взаимодействия с алтайцами-язычниками в лице конкретного лидера или его представителя на административном уровне.

Рассмотрим характер лидерства и представления о духовном лидере в религиозной группе Алтай Жаң Ак Жаң. Василий Багырович Чекурашев, с одной стороны, по описаниям посещающих его алтайцев, является шаманом с типичным шаманским даром. С другой стороны, последователи В. Б. Чекурашева и активисты группы настаивают на уникальном характере его дара и статуса, считают недопустимым сравнивать Ак Жаң с шаманизмом, следовательно, употреблять слова «шаман» применительно к своему учителю и пророку.

Одна из употребляемых характеристик «Учитель» — тот, кто преподает, обучает, несет знания и владеет технологией преподнесения информации. В религиозных традициях довольно типично называть лидера «учитель». Такой термин, например, использовали и в иудейской традиции — рабби/ребе/ раввин, а в христианской вследствие аргумента Христа (см. МФ 23:8) появились понятия: брат, отец/авва, старец (греч. «геронта»). Для классической языческой алтайской традиции в целом не типично называть духовного лидера учителем, но вследствие включения в новый формат религиозной жизни, разбавления собственной терминологии богатым набором теософских, восточных, ньюэджевских понятий подобное употребление допускается. Так, получательница небесных диктовок (Судур бичиктер) Н. Табаева написала:

Не препятствуйте им ставить тагылы,

Это их уклад жизни —

Жить в гармонии с Природой —

Учитель у них.

[Табаева, 2018: 11].

В этом же номере газеты «Амаду Алтай» опубликовано следующее: «Место, где должны стоять тагылы, видеть может только один-единственный человек на планете. Это посланец Всевышнего Создателя Чекурашев Василий Багырович, способности дарованы ему свыше. На третье тысячелетие человечеству послан Василий Багырович, так же, как на второе тысячелетие был послан Мохаммед, а на первое тысячелетие — Христос, еще раньше — Будда» [Абраимова, 2018: 20]. В данном фрагменте статьи Н. Абраимова фиксирует высокий статус духовного лидера, что согласно религиозно-научным классификациям приравнивается к лидеру-основателю учения. В. Б. Чекурашев для людей современного общества, по мнению последователей Алтай Жаң Ак Жаң, призван выполнять ту же миссию, которую выполнили основатели мировых религий Будда, Христос, Мохаммед.

Далее в газете «Амаду Алтай» подчеркивается базисная, первоочередная роль тагылов в культовой деятельности, отсюда аргументированная позиция по легализации роли В. Б. Чекурашева в деле построения тагылов. «Сохранить Алтай Жан Ак Жан можно только через Тагылы. Ставить тагылы поручено свыше только В. Б. Чекурашеву и его помощнику А. Н. Сайдутову и их группе, поддерживающей Алтай...» [Абраимова, 2018: 21].

Особый пророческий дар В. Б. Чекурашева подчеркивается в статье Л. Енчиновой: «Людей как Христос бывает очень мало... его сила в моем сыне Багырыче... Он от Христа ничем не отличается, с такой же силой. Бог с божественной стороны посылает таких людей. Такие люди бывают нужными своему времени» [Енчинова, 2012: 1].

На странице ВКонтакте религиозной группы (самоназвание «ЖАНЫ АЛТАЙ» — ДВИЖЕНИЕ) администратор Аржана Рыкова также пишет в комментариях о роли В. Б. Чекурашева: «Газету проверяет Чекурашев В. Б., Ярлыкчы, пророк-посланник Бога на Земле, Кудайдын ишчизи, возрождающий Веру наших предков Ак Жан. Дальше сам делай выводы. В газете только правда и ничего кроме правды... он одарен безмерно, он получает информацию напрямую от бога. Он Пророк. Хочешь — верь, не хочешь — не верь. Этот человек лечит людей. Он видит душу человека, сердце, знает прошлое, будущее. Такому человеку даже если соврешь, будешь притворяться, он все равно будет знать правду и видеть тебя насквозь. Василий Багырыч — мудрый человек... Его все любят и в то же время боятся» [ЖАНЫ АЛТАЙ-ДВИЖЕНИЕ, 2015].

В данной цитате Аржана Рыкова фиксирует такие характеристики В. Чекурашева, как «одарен безмерно», «знает правду», «лечит людей», «напрямую общается с Богом», «все видит... все будет знать». В этих словах проявляется четкая характеристика непогрешимости, исключительной святости, сверхспособностей и харизмы пророка и целителя в глазах его последователей.

Наряду с традиционными шаманистскими представлениями о роли духовного лидера в группе В. Б. Чекурашева фиксируются характеристики и термины, пришедшие из учения Нового века. Во-первых, это сама терминология Нового века: название главной духовной практики получения информации и признания даров — «диктовка» [Табаева, 2018: 7], что точно отражает в современных практиках — ченнелинг, контактерство, оккультизм. Слово «диктовка» предполагает пассивный формат принятия информации, получатель в данном случае является проводником воли духовных сущностей и не может проявлять собственной инициативы или включать собственные трактовки. Частое употребление слов: «Новый век», «огненный век... стабилизаторы... Милениум» [Табаева, 2018: 10–11]. Используется терминология, связанная с описанием духовного мира как энергетической системы, отсюда термины: «Энергетическая система (Энергия Луны, Энергия Солнца и Энергия Земли все это триедино). Энергетический баланс». Близкие по смыслу слова: «импульсы, биение, кровоток, спираль, Космос» [Табаева, 2018: 8]. Или упоминание о теософской теории рас: «...спасение людей шестой расы... с 2000 года... Квантовый переход» [Табаева, 2018: 15].

Пример из небесной диктовки апрельского номера газеты «Амаду Алтай»:

Принципы живой этики устарели.

Поговорите с алтайцами,

*Они укажут путь истины...
Урусвати в смятении.
Никто не слышит голос Елены Рерих.
Урусвати хочет спасти Россию через Алтай.
На Алтае совершается правильный обряд.
Поклонение Природе.
[Табаева, 2018: 14].*

Здесь далее есть уточнение о характере получения информации: «Среди ночи приняла диктовку» [Табаева, 2018: 14].

В текстах фиксируется имитация или мимикрия под известные монотеистические системы, применяются термины «Триединство, Триединый» — Триединый Бог — Триединая природа» [Табаева, 2018: 7]. В заметках этнографов конца XIX в. не встречались описания языческих практик в классических шаманских и алтайских верованиях языком, тождественным понятиям христианского богословия (не путать с описанием представлений о богах и духах у алтайцев, знакомых с русскими переселенцами).

Еще один момент — это уфологические компоненты в мировоззрении, вере Алтай Жаң Ак Жаң. «Ученые доказали. Что вся вселенная обитаема. ... питание энергетическое. Скорость их космических кораблей равна скорости света или звука, они отражают (видимо, опережают — Ю. Х.) в своем развитии нас на миллионы лет и т. д. ... Инопланетные корабли заряжаются энергией тагылов» [Табаева, 2018: 8, 13].

В. Б. Чекурашев наряду с современными трактовками духовного мира и современными экстатическими практиками, выраженными в «небесных диктовках», активно придерживается и поощряет алтайские компоненты в ритуалах: «...все обряды проводить только с восходом Солнца, в светлое время суток, в дни новой растущей Луны и по направлению движения Солнца, то есть по часовой стрелке... чтобы не нарушить... природно-энергетический баланс... законов Космоса, продиктованных свыше через Контактеров, названных в народе Дарлыками... в Природе циркулирует положительная энергия...» [Табаева, 2018: 9]. Данный фрагмент хорошо иллюстрирует смешение алтайских традиционных представлений с новыми интерпретациями из учения Нью Эдж.

В газете «Амаду Алтай» и диктовках встречается оценка собственных высказываний последователями В. Б. Чекурашева. Например, цитата: «В речи человека должна быть только голая правда. Наступивший Огненный век» [Табаева, 2018: 11].

Или цитата из статьи Г. М. Адуновой: «Газета «Амаду Алтай» является вестником Алтай Кудая! Она единственная в мире! Уникальная газета, которая передает человечеству Азбуку новых Знаний от Всевышнего Творца, Создателя Вселенной, уч Курбустан Кудая. Небесные диктовки (судур бичиктер), необходимые для сохранения жизни на Земле и в Космосе, для гармоничного сосуществования человека и Природы. Небесные послания... получают люди, которые контактируют с Высшим Разумом. Только алтайцы сохранили веру Алтай Дян... В отличие от других печатных изданий СМИ газета «Амаду Алтай» правдиво, без искажений, без фальсификации, без лжи освещает суть происходящего в Республике Алтай... Самая острая проблема — ущемление верований алтайцев в Алтае ... Насильственное внедрение буддизма...» [Адунова, 2018: 43].

Итак, по глубоким убеждениям последователей В. Б. Чекурашева, газета «Амаду Алтай» — самая правдивая. И верующие верят в это, поскольку одновременно провозглашают принцип говорить только «голую правду». Г. М. Адунова утверждает: «... знайте, только через алтайцев обращается Всевышний Творец к народам мира» [Адунова, 2018: 44].

Начало активной шаманской деятельности В. Б. Чекурашева можно датировать концом 90-х — началом 2000-х гг., когда были проведены первые моления на природе с соблюдением всех ритуалов, при большом собрании представителей алтайского народа. В эти же годы сформировался актив получателей небесных диктовок (преимущественно женщин), оформление культовых предметов (коврики «ширдеки», ленточки «кыйра» и другое с четкой орнаментикой и символикой).

В. Б. Чекурашев отличается от других алтайских лидеров, он не представляет персонально публично свои убеждения, политические предпочтения и требования алтайского народа. Он, скорее, близок к типу духовного лидера-аскета, проживающего уединенно в тихом месте, в «месте силы» на сакральной территории, принимающего людей и направляющего их в зависимости от увиденных способностей.

У последователей духовного лидера религиозной группы Алтай Ян Аг Ян есть четко закреплённые функции и статус. В качестве особого дара В. Б. Чекурашева следует отметить дар различения способностей и талантов человека, умение вдохновить его на конкретную работу и четкое следование основам веры. Только благодаря авторитету лидера и высокому уровню доверия ему среди адептов возможно проводить религиозные реформы, по-новому трактовать традиции и включать новые идеи в традиционные представления, например, определять значение сакральных мест, родовых гор, тагылов.

В последнее время наблюдается нарастание тревожности в пророческих посланиях В. Б. Чекурашева: «небесные диктовки», призывы к немедленному обращению в Алтай Ян Аг Ян, поскольку согласно пророчествам духовного лидера человечество ожидают катастрофы и переход в новое состояние, где выживут лишь верующие люди.

Завершая статью о религиозном лидерстве в неоязычестве в Республике Алтай, необходимо подчеркнуть главные характеристики, предписываемые лидерам: безусловный авторитет, гносеологическая непогрешимость, неприкасаемость, харизматичность. У последователей наблюдается благосклонность к новаторским идеям лидера, неприятие иных традиций и интерпретаций, активная работа с населением по привлечению его в культовую деятельность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абраимова Н. П. Наши предки // Амаду Алтай. 2018. 5 апр. С. 17–22.
Адунова Г. М. Газета «Амаду Алтай» // Амаду Алтай. 2018. 5 апр. С. 43–44.
Енчинова Л. А. Баш болзын Алтай Кудайым. Небесная диктовка от 07.05.2001 // Амаду Алтай. 2012. № 5. С. 1.
Табаева Н. Алтай Ян Аг Ян — для человечества // Амаду Алтай. 2018. 5 апр. С. 7–9.
Табаева Н. Окружающая нас природа // Амаду Алтай. 2018. 5 апр. С. 13–14.
ЯНГЫ АЛТАЙ-ДВИЖЕНИЕ, комментарий Аржаны Рыковой от 31 марта 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/club47031643> (дата обращения: 06.10.2018).

REFERENCES

Abraimova N. P. Nashi predki [Our ancestors] // *Amadu Altai* [Amadou Altai]. 2018. 5 апреля. S. 17–22 (in Russian).

Adunova G. M. Gazeta “Amadu Altai” [Newspapers “Amadou Altai”] // *Amadu Altai* [Amadou Altai]. 2018. 5 April. S. 43–44 (in Russian).

Enchinova L. A. Bash bolzyn Altai Kudaiym. Nebesnaia diktovka ot 07.05.2001 // *Amadu Altai* [Amadou Altai]. 2012. no 5. S. 1 (in Russian).

Tabaeva N. Altai Жаҥ Ак Жаҥ — dlia chelovechestva [Altay Жаҥ Ак Жаҥ — for humanity] // *Amadu Altai* [Amadou Altai]. 2018. 5 April. S. 7–9 (in Russian).

Tabaeva N. Okruzhaiushchaia nas priroda [Nature around us] // *Amadu Altai* [Amadou Altai] 2018. 5 April. S. 13–14 (in Russian).

ЖАНҢУ АЛТАЙ-ДВИЖЕНИЕ, kommentarii Arzhany Rykovoі [Jana-Altai movement review Ariany Rykov] ot 31 marta 2015g. /Stranitsa VKontakte Available at: <https://vk.com/club47031643> (accessed October 6, 2018) (in Russian).

Цитирование статьи:

Хвастунова Ю. В. Новый тип религиозного лидера в неоязычестве на примере группы Алтай Жаҥ Ак Жаҥ в Республике Алтай // Народы и религии Евразии. 2019. № 1 (18). С. 104–112.

Citation:

Khvastunova J. V. A new type of religious leader in the neo-paganism on the example of Altay Jang Ak Jang in the Republic of Altai. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 1 (18). P. 104–112.

УДК 392

DOI: 10.14258/nreur (2019) 1–11

Г. С. Вртанесян*Центр изучения религий Российского государственного гуманитарного университета, Москва (Россия)*

ЗМЕЕДЕРЖЕЦ: МИГРАЦИИ КАЛЕНДАРНОГО СИМВОЛА

Прослежено возникновение символа «змеедержец» в Передней Азии в V тыс. до н.э. на поселениях с северного берега р. Тигр (предгорья хребта Загрос) и затем его распространение на юг (Бахрейн, Дильмун) и восток. Через Южную Туркмению и Среднюю Азию (Бактрийско-Маргианский археологический комплекс) он попадает в Восточную и Южную Сибирь и обнаруживается в Приамурье в начале XX в. Выявлены редкие захоронения катакомбной и ямной культур в Юго-Восточной и Восточной Европе, а также кротовской культуры в Западной Сибири, моделирующие форму символа «змеедержец». Миграции трансформировали семантику исходной календарной модели и составляющих символа. Отличительная особенность символа «змеедержец» в археологических культурах окуневского круга — удвоение числа змей, которые симметрично фланкируют центральную фигуру. Это относится к изображению солнцеголового антропоморфа на аскизской стеле (Южная Сибирь, Хакасия), а также к парным костяным моделям змей на костяке в погребении кротовской культуры (Сопка-2). Образов змей и символа змеедержца нет в карасукской и тагарской археологических культурах постокуневской эпохи. Близкие по стилю сюжеты (центр, фланкированный змеями) фиксируется в Приамурье в таштыкскую эпоху (начало нашей эры), затем у чжурчженей (X в. н.э.). Змеедержец выявляется в культовых изображениях тунгусоязычных народов Приамурья в конце XIX — начала XX в.

Ключевые слова: змеедержец, культовая символика, период ранней бронзы Передней и Средней Азии, миграция календарного символа, Загрос, Маргиана, Восточная Европа, Сибирь, Приамурье.

G. S. Vrtanesjan*The Center for the study of religions, Russian state University for the Humanities, Moscow (Russia).*

SNAKEHOLDER: CALENDAR SYMBOL MIGRATION

Traced the emergence of the symbol Snakeholder in southwest Asia in the V century BC on the settlements on the North Bank of the river Tigris (foothills of the Zagros mountain range) and then it spread to the South (Kingdom of Bahrain, Dilmun) and to the East. Through southern Turkmenistan and Central Asia (Bactrian — Margian archaeological complex),

it enters Eastern and southern Siberia, and is found in the Amur region in the early 20th century. Rare burials of catacomb and pit cultures in South-Eastern and Eastern Europe and also Krotov culture in Western Siberia, modeling the shape of the symbol of Snakeholder. Migrations transformed the semantics of the original calendar model and the components of the symbol. A distinctive feature of the symbol Snakeholder in the archaeological cultures of the Okunevo circle is the doubling of the number of snakes that symmetrically flank the Central figure. This applies to the image of a sun-headed anthropomorph on the Askiz stele (southern Siberia, Khakassia), as well as to paired bone models of snakes on the bone in the burial of the Krotovo culture (Sopka-2). There are no images of snakes and the symbol of Snakeholder in the Karasuk and Tagar archaeological cultures of the post-Okunevo era. A similar style of plot is then recorded in the Amur region in the Tashtyk era (beginning of our era), and then in the Jurchen (X century ad). And then it is revealed in the cult images of the Tungus-speaking peoples of the Amur region in the late 19th and early 20th centuries.

Key word: Snakeholder, religious symbols, the period of early bronze of the Front and Central Asia, migration calendar symbol, Zagros, Margiana, Eastern Europe, Siberia, the Amur region.

Вртанесян Гарегин Суренович, кандидат технических наук, консультант Центра изучения религий Российского государственного гуманитарного университета, Москва (Россия). Адрес для контактов: veges2011@yandex.ru

---

Массовые миграции населения в Евразии всегда привлекали внимание антропологов. Повышение их интенсивности обычно связано с превышением порога антропогенного давления на окружающую среду (перенаселенность), например вследствие аридизации. Другой (в меньшей степени) причиной миграции являлись дальние торгово-обменные операции, в результате чего поселения городского типа возникали вдоль удобных торговых путей (см. [Антонова, 1998: 99]). К их числу в Передней Азии эпохи ранней бронзы могут быть отнесены Гавра, Гийян, Гиссар, Сузы, Сиалк, ставшие локальными торговыми центрами [Caldwall, 1976: 230; Lamberg-Karlovsky, 1973: 10–19], а некоторые затем и «суставами» лазуритового пути [Сарианиди, 1968: 4–7]. Исследования палеоклимата выявили относительно единый ритм колебаний увлажнения и осушения на территории Передней Азии. Пик увлажнения в VIII–VI тыс. до н. э., сопровождавшийся почвообразованием, сменяется осушением (максимум в середине V тыс. до н. э.). К началу IV тыс. до н. э. осушение вновь сменяется увлажнением с пиком в середине IV тыс. до н. э., которое завершается в середине III тыс. до н. э. [Амирханов, 1997: 156–158, 167]. Особо драматичной была ситуация на Ближнем Востоке в силу плотности населения, что привело к распространению культуры городов («городская революция»), основанных на технологии неполивного земледелия, возможной при годовой норме осадков выше 300 мм. Во многом это было связано со спецификой предгорий хребта Загроса, с достаточно ощутимыми колебаниями степени увлажненности и гарантией урожая лишь при норме осадков более 300 мм [Амиров, 2006: 48–59].

Исследования путей миграции носителей археологической культуры традиционно основываются на анализе компонентов материальной основы данной культуры. Однако культовые символы древних социумов являются, по-видимому, не менее характерным маркером идентичности и дополняют материальные признаки (утварь, одежда, оружие, жилища и др.) [Головнев, 1998: 67–72]). Время событий (сер. III тыс. до н.э.), связанных с осушением в Передней Азии, дает понятные основания для выбора в первую очередь календарной символики — самого выразительного маркера путей миграций населения в поисках стабильных источников водоснабжения. Путь из регионов Ближнего Востока в Восточную Сибирь через Монголию, Туву в Прибайкалье и Забайкалье был освоен ещё в конце палеолита (см.: [Васильев, 2002: 119]).

В конце III тыс. до н.э. на юге Туркмении, в Средней Азии существуют «культуры оазисов», в том числе и Маргиана, ставшие медиатором приема-передачи культурных импульсов между разными частями Азии, включая север долины Инда [Массон, 1999: 283]. Разным аспектам её взаимодействия с Малой Азией, Месопотамией, Ираном и Северо-Западной Индией посвящены сотни работ (см. библиографию в изданиях: [Сарианиди, 2001; Francfort, 2010: 65–67; Possehl, 2010: 120–128]). Но автору неизвестны работы по исследованию взаимодействия «культуры оазисов» с северо-востоком Азии. С конца третьей четверти III тыс. до н.э. этим мостом могли быть культуры Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК). По роли и функциям стеатитовые статуэтки в окуневских погребениях сравнивались с составными статуэтками Маргианы. Это касалось и палочек из кости с орнаментом в виде косых крестов [Кожин, 2004: 90]. В Гонуре они были сделаны из слоновой кости [Sarianidi, 2008: 303, fig. 41], а на Енисее, в могилах афанасьевской культуры, из кости [Киселев, 1951: 31, табл. III, VI; Кожин, 2010: 139].

Исход населения происходил в разных направлениях (об его особенностях см.: [Массон, 1999: 278–280]). В основу работы положен анализ календарной символики, составной части календарного мифа. Календарный миф (КМ) — совокупность мифологизированных представлений о циклическом ходе времени в природе, соотношенных с особенностями климата в период их формирования [Вртанесян, 2010: 412]. К календарной символике могут быть отнесены сезонные изменения облика и поведения фауны, особенности траектории и формы небесных тел (Луны, Солнца, некоторых созвездий) и связанные с ними числовые коды. В. И. Сарианиди выявил миграцию ряда символов (*хозяин животных, акробат и бык, коленопреклоненный* и др.) на протяжении III тыс. до н.э. с запада (Малая Азия, Иран) на восток, вплоть до северо-запада Индии [Sarianidi, 1993: 670, fig. 57.2]. Но символа *змеедержец* в них не было.

Змеедержец — это символ, состоящий из «битреугольной» фигуры (чаще антропоморфной), фланкированной (обрамленной) изображениями змей. Эффект достигался за счет широких плеч, подчеркнута узкой талии и широко расставленных ног. Такой профиль иногда достигался соответствующим покроем одежды. Его наиболее ранние изображения известны из глиптики Тепе Гийян [Caldwell, 1976: Fig. 116,125], Суз, Телль Асмара [Amiet, 1961: Pl. 6–118; Pl. 7–148,151; Hole, 2007: 176, Fig.a] (см. рис. 1), относящиеся к V–IV тыс. до н.э. (эпоха ранней бронзы). Эти памятники находятся на северном берегу Тигра. В самой Месопотамии этого периода изображения змеедержца не-

известны (см.: [Amiet, 1961: 10–79]). В археологических культурах сопредельных регионов (куро-араксинская, майкопская и др.) этого периода сюжеты со змеедержцем автору неизвестны, хотя мифы армян до Средневековья сохраняли образ Гишерамайрер (Матерей ночи), подстерегавших восход Солнца со змеями в руках [Мифы народов мира, 1980: 304].

Изображения змеедержца бывают включены и в сложные сюжеты, окруженные фантастическими существами «птицелюди», хищники, копытные, птицы и др. [Сарианиди, 2004: 327, рис. 5; Porada, 1993: Fig. 17]) (рис. 2).

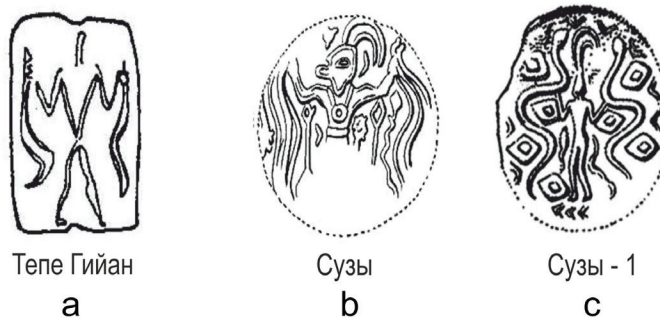

Рис. 1. Изображения змеедержца на глиптике эпохи ранней бронзы (V–IV тыс.): а – из Загроса (Тепе Гийян) [Caldwell, 1976: fig. 116]; б, с – Ирана (Сузы) [Amiet, 1961: l.6–118; Hole, 2007: 176, fig. A]

Рис. 2. Сложные композиции с изображением змеедержца в окружении: а – мифических зверей на печати из некрополя Гонура [Сарианиди, 2004: 27, рис. 5]; б – зверей и фантастических чудовищ, Хафаджа (Дийяла) [Porada, 1993, fig. 17]

Один из культовых символов БМАК — орел-змееед, прилет которого в начале апреля практически совпадал с весенним равноденствием, а отлет в конце сентября — с осенним [БЭС, 1986: 215]. Его изображение с двумя змеями по бокам встречается на печатях БМАК [Sarianidi, 1998: 81, 87] (рис. 3а).

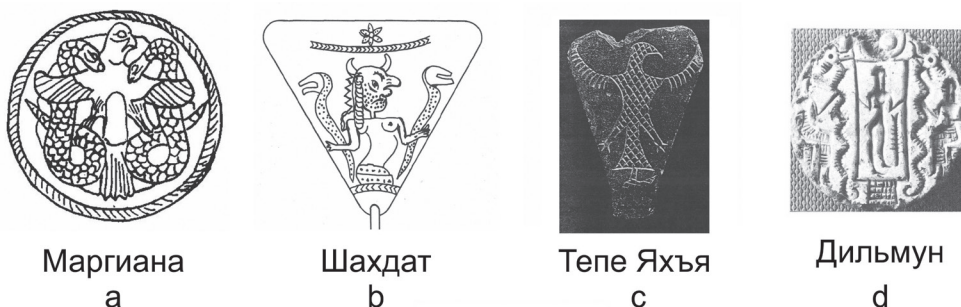

Рис. 3. Изображения на печатях: а — змееед (Маргиана) [Sarianidi, 1998: 81, 87]; б — змеедержец (Шахдад) [Накеми, 1997: 715, obj. № 4506]; в — «битреугольный» орел из Тепе Яхья [Potts, 2004: 216]; д — змеедержец на хлоритовой печати из Дильмуна (Файлака). Середина III тыс. до н. э., рубеж III–II тыс. до н. э. [Kjarum, 1983: 31, fig. 54]

Известны многочисленные сюжеты с антропоморфными змеедержцами с козлиной или бычьей головой. Они либо держат по одной змее на вытянутых руках, либо фланкированы извивающимися змеями. Но ни на одном памятнике на северном берегу Тигра нет ни одного (!) изображения змеедержца в виде орла или любой другой птицы. Следовательно, вариант «орел-змеедержец» отражал сугубо среднеазиатские реалии, являясь символом некоей мифологемы универсального характера.

Активность змей соотносится чаще всего с границами холодного и теплого сезонов года, совпадающими обычно с равноденствиями. С учетом реалий сочетание змея и змей является, по-видимому, символом летнего сезона. На хронологически близких памятниках Иранского нагорья эпохи ранней и средней бронзы — Тепе Сиалк [Ghirshman, 1938], Шахри-Сохта [Тоси, 1971: 16–25] — змеедержца нет. Это изображение известно на треугольной бронзовой лопаточке (об. № 4506, сер. III тыс. до н. э., Шахдад) [Накеми, 1997: 715] (рис. 3б).

В Яхья Тепе изображений змеедержца пока не найдено, однако есть изображение орла с «битреугольными» очертаниями фигуры на топоре (стеатит) [Potts, 2004: 216] (рис. 3с). На древнейшей глиптике (Тепе Гийян, Сузы-1, Тель Асмар) змеедержец имеет вид антропоморфа с битреугольной фигурой (в анфас) и лицом в профиль.

Изучению семантики сюжетов со змеедержцем на глиптике ранней бронзы памятников Ирана и Месопотамии (Тепе Гийян и др.) посвящена работа Е. В. Антоновой, но календарные аспекты образа змеедержца в ней не рассматривались. Семантика сюжетов связывалась в первую очередь с идеей плодородия, а центральный персонаж, держащий в руках змей или животных (лев, козел и др.), трактовался (с оговорками) как «хозяин животных». Отмечалось также, что поза антропоморфа напоминала позу бегуна [Антонова, 1991: 5–15].

По своей компоновке («центр», фланкированный фигурами) этот сюжет композиционно близок к сжету «хозяин животных» (*master of animals*), который держит на разведенных и полусогнутых руках за горло хищников (лев, тигр) или за хвост животных (козел, бык), или просто опирается на них. Подобные изображения есть в месопотамской глиптике урукского периода [Amiet, 1961: 32–38]. В Сузы-1 образы змеедержца и хозяина животных иногда слиты воедино, при этом антропоморфная фигура сочетается с козлиной головой, кроме змей, в сюжете могут быть рыбы или животные [Amiet, 1961: 6, fig. 117, 118, 120]. Образ хозяина животных встречается в глиптике БМАК [Sarianidi, 1998: 21] и мигрирует до Северо-Западной Индии (Хараппа). Особенность этих изображений хозяина животных из долины Инда — замена львов тиграми [Sarianidi, 1993: 670, fig. 57.2], скорее всего, это дань местным реалиям.

Если изображения «парных» змей в глиптике с памятников предгорий Загроса можно рассматривать лишь в качестве маркеров границ сезонов (зима — лето), то их появление в глиптике БМАК вместе с орлом-змееедом можно полагать уже обозначением летнего сезона. Ареал нахождения этого символа на рубеже III–II тыс. до н. э. избирателен, его изображений, как было сказано, нет в Тепе Сиалке, Яхья Тепе и Шахри Сохта. Змеедержец на лопаточке из Шахдада показан в виде обнаженного рогатого персонажа, с признаками полового диморфизма (женская (?) грудь и щетина на лице), с руками, разведенными в стороны, и подчеркнuto большим носом. Очень толстые, пятнистые змеи «пересекают» лучевые кости рук (между локтем и запястьем), причем змеи «смотрят» наружу. Снизу и сверху змеедержец заключен в «дуги», состоящие из горизонтальных шевронов. На нижней дуге 9 шевронов, на верхней — 27. Над серединой верхней дуги изображена звезда с шестью лучами [Накеми, 1997: 715] (см. рис. 3б). Эта числовая символика (27-дневный сидерический лунный месяц) вместе с изображением шестилепестковой звезды позволяет считать этот сюжет частью календарного мифа.

Сюжет с двумя змеедержцами есть на печати из Хафаджи (на р. Дияла, северном притоке Тигра). Сюжет многофигурный, на нем есть пара «быков» (слева) и «львов» (справа). Один из львов другой пары — повержен, и на него пикирует хищная птица с большим кривым клювом. Анализ семантики данного сюжета — отдельная проблема, отметим лишь, что, судя по деталям, фигуры змеедержцев в нем имеют разную семантику. Например, змеедержец слева расположен между стоящими быками, справа — между сидящими львами. Змеи у левого змеедержца смотрят наружу, правого — внутрь. Левый змеедержец сидит, а правый — стоит. Над левым плечом у обоих есть также изображение шестилепестковой звезды (как в Шахдаде). Дополнительно у левого змеедержца изображена «скобка», напоминающая лунный серп [Porada, 1993: Fig.17] (см. рис. 2).

М. Э. Маллоун соотносил сюжет с ритуалом вызывания дождя [Mallowan, 1965: 23], с опорой на изображения растительности, быков, змей и текущей воды. Но в глиптике Междуречья II тыс. до н. э. подобные сюжеты автору неизвестны. В работе Е. В. Антоновой [1983: 14] отмечалось, что в глиптике аккадского периода мало изображений змей, следовательно, в календарном мифе аккадцев в начале II тыс. до н. э. сюжет со змеедержцем главным, или основным, по-видимому, не был. Композиционно близкий сюжет со змеедержцем на печати из темно-серого хлорита, с антропоморфом и торсом треугольной формы, найден на памятнике рубежа III–II тыс. до н. э. (Бахрейн, Дильмун — Файлака)

[Kjarum, 1983: Fig. 54]. Символ змеедержца располагается в проеме прямоугольной формы. С обеих сторон проема изображены змееподобные существа с рогами на голове и раскрытой пастью. Их держат одной рукой сидящие на стульях мужчины. Головы змей направлены наружу (см. рис. 3d). Расположение змеедержцев внутри дверной «рамки» дает основание допустить изменение семантики образа, с превращением его в божество «входа — выхода» (стража ворот), своего рода параллель образу римского Януса.

Укажем также редкие погребения катакомбной (ингульской) и ямной археологических культур на юго-востоке и востоке Европы, в которых были костяки, фланкированные скелетами змей [Синицын, 1948: 157–159; Михайлов, 1990: 108–112]. В ямном погребении на Нижней Волге, кроме скелетов змей, были ещё и каменные полированные шары [Синицын, 1948: 147–155], известные также из инвентаря ранних окуневских погребений (комплекс типа Тас-Хаза) [Хлобыстина, 1973: 24–38].

Следовательно, образ змеедержца был достаточно распространен на территориях к северу и востоку от Тигра, появившись в предгорьях Загроса в раннем бронзовом веке (V–IV тыс. до н. э. в «атлантике»), затем оказался в Иране (Сузы), а в III тыс. до н. э. распространился на восток — в Южную Туркмению и Среднюю Азию (Бактрийско-Маргианский археологический комплекс) и на юг — до Персидского залива (Бахрейн, Дильмун). Погребальные ритуалы, близкие по «моделировке», были обнаружены на востоке и юго-востоке Европы.

Для объективного сравнения календарной символики по регионам проведем краткий обзор символики Сибири конца III — начала II тыс. до н. э. В Восточной Сибири (конец III тыс. до н. э.) эта символика представлена в основном петроглифами и пластикой, однако несравнимо меньше. Основа мелкой пластики этого периода — фигурки рыб (камень, кость, известно более сотни находок), среди них преобладают налимы и омуль. Фигурок лосей не более десятка, медведей — всего шесть [Морозов, 2010: 15; Студзицкая, 1976: 75–89; Вртанесян, 2013: 113]. Пик биологической активности налима (нерест, икрометание) — зимний сезон, с октября по март, при температуре воды, близкой к нулевой [БЭС, 1986: 392, 393], поэтому его можно считать символом зимнего сезона (октябрь–март). Время нереста налима совпадает с периодом видимости Ориона, а пик икромета — с кульминацией самой яркой звезды созвездия Бетельгейзе («плечо великана») [Щеглов, 1996: 102–105] и зимним солнцестоянием. Осеннее равноденствие — начало нереста омуля [БЭС, 1986: 425]. Эти рыбы, добыча которых была жизненно важной, маркировали начало, пик и конец зимнего сезона, являлись весьма значимым пищевым ресурсом (см.: [Вртанесян, 2013: 113; 2014: 57–59]).

Основной календарный символ лесной зоны Сибири в IV–II тыс. до н. э. — лось, основной объект охоты. Раскрытая пасть на его изображениях позволяет говорить об отражении периода гона (рев), начала осеннего равноденствия и завершения в начале декабря. При этом форма рогов взрослых самцов, участвующих в схватках (полукруг с отростками), похож на лучащееся «полусолнце». Рога спадают обычно к концу декабря — январю, новые рога начинают расти в апреле-мае, достигая максимальной величины к началу августа (Ильину дню) [МСССР, 1961, т. 1: 283]. Таким образом, состояние рогов лосей — визуальный календарный маркер, весьма точно определяющий границы зимней и летней «дорог» Солнца [Вртанесян, 2018: 532].

Медведь также был календарным символом: к летнему солнцестоянию (конец июня) завершение гона, залегание в спячку к осеннему равноденствию и рождение медвежат в зимнее солнцестояние [Пажетнов, 1990: 106–108, 138], т. е. календарная символика позднего неолита и ранней бронзы Сибири соотносилась в первую очередь с образами рыб, лосей и медведей [Вртанесян, 2014: 57, 58]. Что же касается образов змей, то они на рубеже III–II до н. э. единичны, — это две «змеи» на Втором Каменном острове (левый край композиции) [Окладников, 1966: табл. 93–1], но на этом изображении нет «центра». Изображение головы «лося» с двумя «змейками» на жезле относится к шиверскому этапу ранней бронзы (погр. № 5, мог. Шиверы, первая половина II тыс. до н. э.) [Окладников, 1975: 125, 126].

Следовательно, можно полагать, что сюжеты со змеедержцем в Сибири были неизвестны, по меньшей мере до начала II тыс. до н. э. В связи с этим особого внимания заслуживает сюжет «косой крест» со змеями на фрагменте керамики (стоянка Улан Хада, глазковская культура, слой VII, рубеж III–II или начало II тыс. до н. э.) [Петри, 1916: рис. 19] (рис. 4а). Змеедержец изображен и на Аскизской стеле (сер. II тыс. до н. э., Аскизский район, Хакасия) в виде «солнцеголовой» персоны в центре композиции (рис. 4б). Пара змей изображены на корпусе, вторая пара фланкирует фигуру с боков [Вадецкая и др., 1980: табл. XXXV-32] (рис. 4б).

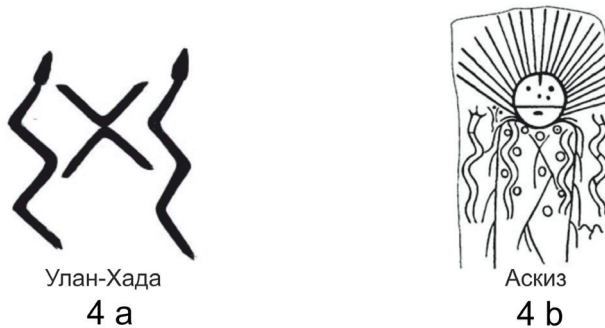

Рис. 4. Изображения змеедержца: а — сюжет «косой крест» со змеями на фрагменте керамики Улан-Хада [Петри, 1916: рис. 19]; б — Аскизская стела (окуневский змеедержец) [Вадецкая и др., 1980: 126, табл. 35–32]

Две пары змей, сделанные из лосиных ребер, лежали на лучевых костях погребенного (могильник Сопка-2, кротовская культура, погр. 4, курган 1, середина II тыс. до н. э. [Молодин, 1985: 57, рис. 27–1–3]). Поразительно сходство мест положения змей — на лучевых костях змеедержцев — на лопаточке из Шахдада и на погребении Сопка-2. В этом контексте можно переосмыслить расположение змей на маргианских бронзовых печатях, где их вертикальные фигуры также пересекают крылья орла-змееяда [Sarianidi, 1998: 81, 87] именно в том же самом месте (лучевые кости), а не на концах («ладони») крыльев.

Сравнение числа сюжетов змеедержцев в Передней Азии (около десятка), Бактрийско-Маргианском археологическом комплексе (сотни) более позднее их появление в Сибири в начале II тыс. до н. э. (единицы) позволяет локализовать источник этих образов

в культурах эпохи ранней бронзы (Тепе Гийян, Телль Асмар, Сузы-1). Маргиана конца III тыс. до н.э. вполне могла стать тем звеном, где произошла трансформация этого образа (появление орла в роли змеедержца) и усиление этого мифологического (фактически календарного) импульса.

Добавим, что змеи были одной из доминирующих тем в окуневском искусстве [Вадеева и др., 1980: 64, 65]. Укажем одну особенность некоторых антропоморфных фигур в окуневских сюжетах на памятниках самого раннего — уйбатского (тас-хазинского) этапа окуневских памятников. На окуневских стелах этого этапа торс антропоморфа представлен в фас, а ноги — в профиль [Леонтьев, 1978: 91], а голова изображалась вдавленной в плечи, что сближает эти фигуры с изображениями «великанов» на восточноевропейских стелах позднего времени (рубеж III–II тыс. до н.э. [Формозов, 1969: 173–175]).

Эти стилизованные черты — треугольный торс в фас, а ноги в профиль, можно считать одним из наиболее важных отличительных черт фигур змеедержцев в самых ранних сюжетах этого типа. Они известны с памятников Передней и Средней Азии (Тепе Гийян, Сузы, Бактрийско-Маргианский археологический комплекс, Шахдад), и эта характерная деталь нашла свое отражение в окуневском искусстве. По совокупности сказанного и с учетом особенностей формы символа можно считать, что змеедержец был символом Ориона («небесный великан») с характерной битрехугольной фигурой и вдавленной в плечи головой (звезда λ -Ориона), плюс совпадение с равноденствиями сроков его видимости (маркер этого — змеи). Но к концу окуневского времени и в постокуневских археологических культурах (карасукская, тагарская) образы змей фактически исчезают из сибирской пластики и иконографии [Советова, 2005: 36–63; Ковалева, 2011: 46–49].

В сопредельных регионах близкие по стилю изображения змеедержца фиксируются позднее. На фреске из гробницы эпохи Хань (Хайнань, первая половина I тыс. до н.э., таштыкская эпоха) сохранилось изображение змеедержца с рядом черт сходства с описываемыми изображениями: разведенные в стороны (на уровне плеч) руки и голова, «вдавленная» в плечи. С. В. Киселев относил его к таштыкской эпохе [Киселев, 1951: 481, табл. XLV-3] (рис. 5а).

5 а

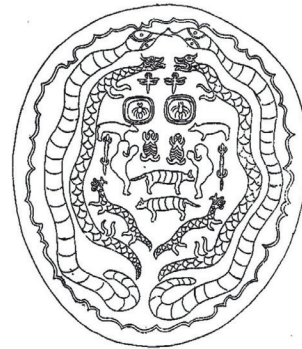
5 б

Рис. 5. Изображение змеедержца из Хайнаня (КНР), таштыкская эпоха — а [Киселев, 1951: 481, табл. XLV-3]; символ «деления» вселенной (чжурчжени, IX в.) [Шавкунов, 1990: 141, 263, табл. 45–19] — б

Важная особенность — это характерный тип «рогатой» диадемы на голове хайнаньского змеедержца, роднящий его с окуневскими «личинами» [Вадецкая и др., 1980: 62, рис. 7]. Ещё одна веха, связанная с сюжетом «парные змеи», есть в искусстве чжурчженей (орнамент, IX в., Приамурье) — это символ четырехчастного деления вселенной, вверху дополнительно фланкированный симметрично расположенными двумя головками змей [Шавкунов, 1990: 141, 263, табл. 45, рис. 19] (см. рис. 5b). И наконец, почти в том же стилевом каноне символ змеедержца появляется в атрибутах культовой практики некоторых народов Приамурья (конец XIX в.) [Иванов, 1954: рис. 212, 224] (рис. 6а, б).

Нанайцы

Удэгэйцы

Рис. 6. Изображения змеедержцев из Приамурья [Иванов, 1954, рис. 212, 224]

Приведенный материал, по нашему мнению, свидетельствует о широком распространении этого календарного символа в Азии. Возникнув в Загросе в V тыс. до н.э., далее он распространяется на восток, юг и север. Превратившись в образ орла-змееяда, становится культовым символом в культурах БМАК. Позже он появляется в глазковской культуре (Улан-Хада, Восточная Сибирь) и в Южной Сибири (круг окуневских культур, начало II тыс. до н.э.). Редкие следы влияния этой идиологемы ещё долго сохранялись в культовых атрибутах народов Приамурья (в эпоху Хань и у чжурчженей) и некоторых тунгусоязычных народов (нанайцы, удэгэйцы) вплоть до конца XIX — начала XX в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Амиров Ш. Н. Северо-Восточная Сирия в IV — первой половине III тыс. до н.э. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. 673 с.

Амирханов Х. А. Неолит и постнеолит Хадрамаута и Махры. М., 1997. 264 с.

Антонова Е. В. Мургабские печати в свете религиозно-мифологических представлений первобытных обитателей юга Средней Азии и их соседей // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983. С. 13–31.

Антонова Е. В. Антропоморфный персонаж на печатях Ирана и Месопотамии // Вестник древней истории. 1991. № 2. С. 3–17.

Антонова Е. В. Месопотамия на пути к первым государствам. М., 1998. 223 с.

- Биологический энциклопедический словарь (БЭС). М., 1986. 864 с.
- Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. Памятники окуневской культуры. Л., 1980. 148 с.
- Васильев С. А. Палеолит Сибири. Новые факты, новые концепции // Степи Евразии в древности и Средневековье : материалы Международной научной конференции, посвященной 100 летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб., 2002. Кн. 1. С. 118–121.
- Вртанесян Г. С. Календарно-числовая символика в археологических культурах Бактрии и Маргианы поздней бронзы // На пути открытия цивилизации. К 80 летию В. И. Сарияниди. СПб., 2010. С. 412–421.
- Вртанесян Г. С. Составные статуэтки эпохи бронзы // Маргианская археологическая экспедиция. М., 2012. Т. 4. С. 291–313.
- Вртанесян Г. С. Календарная символика глазковской культуры Сибири // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: История. 2013. № 3 (23). С. 112–115.
- Вртанесян Г. С. Календарная символика тунгусоязычных народов Восточной Сибири и Приамурья // Сибирский сборник 4. СПб., 2014. С. 56–67.
- Вртанесян Г. С. Числовые комплексы в текстах и материальной культуре народов Урала, Приуралья и Сибири // Вестник угроведения. 2018. Т. 8, № 3. С. 525–538.
- Головнев А. В. Туземцы и пришельцы в этногенезе Северного Приобья: заметки к археологической дискуссии // Археолого-этнографические комплексы. Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 1998. Т. 3. С. 66–83.
- Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири // Труды ИЭ. Новая серия. Т. 22. М., 1954. 868 с.
- Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 635 с.
- Ковалёва О. В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. Новосибирск, 2011. 160 с.
- Кожин П. М. Цивилизация, утонувшая в песках великой пустыни // У истоков цивилизации. К 75 летию В. И. Сарияниди. М., 2004. С. 83–91.
- Кожин П. М. Новый этап первобытной и раннеисторической археологии Средней Азии // На пути открытия цивилизации : труды Маргианской археологической экспедиции. СПб., 2010. С. 135–145.
- Леонтьев Н. В. Антропоморфные изображения окуневской культуры // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Т. 5: Неолит и эпоха металла. Новосибирск, 1978. С. 88–118.
- Массон В. М. Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // *Stratum plus*. 1999. № 2. С. 265–285.
- Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1. С. 306.
- Михайлов Б. Д. Курганы эпохи бронзы в бассейне реки Молочная // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1990. С. 107–116.
- Млекопитающие СССР. Парнокопытные и непарнокопытные. М., 1961. Т. 1. 776 с.
- Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.
- Морозов А. В. К проблеме изучения искусства малых форм эпохи неолита — энеолита Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 12–19.
- Окладников А. П. Петроглифы Ангары. М. ; Л., 1966. 322 с.

- Окладников А. П. Неолитические памятники Средней Ангары. Новосибирск, 1975. 320 с.
- Пажетнов В. С. Бурый медведь. М., 1990. 216 с.
- Петри Б. Э. Неолитические находки на берегу Байкала // Сборник МАЭ. Пг., 1916. Т. 3. С. 113–133.
- Сарианиди В. И. О великом лазуриновом пути на Древнем Востоке // Краткие сообщения Института археологии. 1968. Вып. 114. С. 3–9.
- Сарианиди В. И. Некрополь Гонур-депе и иранское язычество. М., 2001. 246 с.
- Сарианиди В. И. Социальный и политический строй древневосточного царства Маргуш // Памятники археологии и древнего искусства Евразии : сборник статей памяти В. В. Волкова. М., 2004. С. 318–334.
- Синицын И. В. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья // Советская археология. 1948. Т. 10. С. 143–160.
- Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск, 2005. 140 с.
- Студизцкая С. В. Соотношение производственных и культовых функций сибирских неолитических изображений рыб // Из истории Сибири. Вып. 21. Томск, 1976. С. 76–89.
- Тоси М. Сеистан в бронзовом веке. Раскопки на Шахри — Сохте // Советская археология. 1971. № 3. С. 15–30
- Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969. 144 с.
- Хлобыстина М. Д. Происхождение и развитие культуры ранней бронзы Южной Сибири // Советская археология. 1973. № 1. С. 24–38.
- Шавкунов Э. В. Культура чжурчженей — удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990. 283 с.
- Щеглов П. В. Отраженные в небе мифы Земли. М., 1996. 142 с.
- Amiet P. La gliptique Mesopotamienne archaïque. Paris, 1961. 445 p.
- Caldwell D. H. The early Gliptic of Gawra, Giyan and Susa // *Orientalia*. 1976. Vol. 45. Fasc.3. P. 227–250.
- Francfort H. P. Birds, snakes, men and deities in the Oxus Civilization: an essay dedicated to Prof. V. I. Sarianidi on a cylinder seal from Gonur Depe // На пути открытия цивилизации. К 80 летию В. И. Сарианиди. СПб., 2010. С. 67–85.
- Ghirshman R. Fouilles de Sialk. Paris, 1938. 152 p. (на фр. яз.).
- Hakemi A. Shahdad. Archaeological Excavation of a Bronze Age Center in Iran // *IsMeo. Reports and Memoirs*. 1997. Vol. XXVII. 766 p. (на англ. яз.).
- Hole F. Ritual and Collapse of Susa, ca 4000 BC // *Proceeding of the Vth Internat. Congress on Archaeology of the Ancient Near East*. Barcelona, 2007. P. 165–176 (на англ. яз.).
- Kjarum P. Failaka / Dilmun. The Second Millenium Settlements. V. 1: The Stamp and Cylinder Seals. Aarhus: Aarhus University Press, 1983. 171 p. (на англ. яз.).
- Lamberg-Karlovsky C. C. Urban Interaction on the Iranian Plateau: Excavations at Tepe Yahya 1967–1973 // *From the Proceedings of the British Academy*. Vol. LIX. London, 1973. 43 p. (на англ. яз.).
- Mallowan M. E. L. Early Mesopotamia and Iran. London, 1965. 142 p. (на англ. яз.).
- Porada E. Seals and Related Objects from Early Mesopotamia and Iran // *Early Mesopotamia and Iran*. London, 1993. P. 44–53. (на англ. яз.).

Possehl G. L. What's in a name? The "Indus civilization", onomastics and the rules of science // На пути открытия цивилизации. СПб., 2010. С.120–128 (на англ. яз.).

Potts D. T. Excavations at Tepe Yahya, Iran, 1967–1973, V. III: The Third Millenium. Peabody Museum Press. N-Y, 2004. 388 p. (на англ. яз.).

Sarianidi V.I. Margiana and Indo-Iranien World // South Asia Archaeology. Part 2. Leiden, 1993. P. 667–680 (на англ. яз.).

Sarianidi V.I. Miths of Ancient Bactria and Margiana on its seals and amulets. Moscow, 1998. 336 p. (на англ. яз.).

Sarianidi V.I. Zoroastrianizm: A New motherland for an old religion. Thessaloniki, 2008. 415 p. (на англ. яз.).

REFERENCES

Amirov Sh. N. *Severo-Vostochnaya Siriya v IV — pervoj polovine III ty's. do n.e'. Diss. ... d-ra ist. nauk* [North-Eastern Syria in IV-first half of III Millennium BC. Ph. D. Thesis in history]. Moscow, 2006. 673 s. (in Russian).

Amirxanov X. A. *Neolit i postneolit Xadramauta i Maxry* [Neolithic and postnewly of Hadhramaut and Mahra]. Moscow, 1997. 264 s. (in Russian).

Antonova E. V. *Murgabskie pechati v svete religiozno — mifologicheskix predstavlenij pervoby'tny'x obitatelej yuga Srednej Azii i ix sosedej* [Murghab seals in the light of religious and mythological representations of primitive inhabitants of the South of Central Asia and their neighbors]. *Srednyaya Aziya, Kavkaz i zarubezhny'j Vostok v drevnosti* [Central Asia, the Caucasus and the foreign East in ancient times]. Moscow, 1983. S. 13–31 (in Russian).

Antonova E. V. *Antropomorfny'j personazh na pechatyax Irana i Mesopotamii* [Anthropomorphic person on the seals of Iran and Mesopotamia]. *Vestnik drevnej istorii* [Bulletin of ancient history]. 1991. № 2. S. 3–17 (in Russian).

Antonova E. V. *Mesopotamiya na puti k pervy'm gosudarstvam* [Mesopotamia on the way to the first States]. M., 1998. 223 s. (in Russian).

Biologicheskij e'nciklopedicheskij slovar' (BES) [Biological encyclopedic dictionary]. Moscow, 1986. 864 s. (in Russian).

Vadeczkaya E. B., Leont'ev N. V., Maksimenkov G. A. *Pamyatniki okunevskoj kul'tury* [Monuments of Okunev culture]. Leningrad, 1980. 148 s. (in Russian).

Vasil'ev S. A. *Paleolit Sibiri. Novy'e fakty', novy'e koncepcii. Stepi Evrazii v drevnosti i Srednevekov'e. Materialy' mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashhennoj 100 letiyu so dnya rozhdeniya M. P. Gryaznova.* [The Paleolithic of Siberia. New facts, new concepts. Steppes of Eurasia in antiquity and the middle Ages. Materials of the international scientific conference dedicated to the 100th anniversary of M. p. Gryaznov]. St. Petersburg, 2002. Kn.1. S. 118–121 (in Russian).

Vrtanesyan G. S. *Kalendarno-chislovaya simvolika v arxeologicheskix kul'turax Baktrii i Margiany' pozdnej bronzy. Na puti otkry'tiya civilizacii. K 80 letiyu V.I. Sarianidi* [Calendar and numerical symbolism in the archaeological cultures of Bactria and Margiana of late bronze. On the way to the discovery of civilization. The 80th anniversary V.I. Sarianidi]. St. Petersburg, 2010. S. 412–421 (in Russian).

Vrtanesyan G. S. Sostavny'e statue'tki e'poxi bronzy. [Composite statues of the bronze age]. *Margianskaya arxeologicheskaya e'kspediciya* [Margiana archaeological expedition]. Moscow, 2012. T. 4. S. 291–313 (in Russian).

Vrtanesyan G. S. Kalendarnaya simbolika glazkovskoj kul'tury' Sibiri [Calendar symbolism of Glazkov culture of Siberia]. *Vestnik Tomskogo GU. Istorija*. [Bulletin of Tomsk state University. History]. 2013. № 3 (23). S. 112–115 (in Russian).

Vrtanesyan G. S. Kalendarnaya simbolika tungusoyazy'chny'x narodov Vostochnoj Sibiri i Priamur'ya. [Calendar symbolism of the Eastern Tungus-speaking peoples Siberia and the Amur region]. *Sibirskij sbornik — 4* [Siberian collection-4]. St. Petersburg, 2014. S. 56–67 (in Russian).

Vrtanesyan G. S. Chislovny'e komplekсы' v tekstax i material'noj kul'ture narodov Urala, Priural'ya i Sibiri [Numerical complexes in texts and material culture of the peoples of the Urals, Urals and Siberia]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric studies]. 2018. № 3. S. 525–538 (in Russian).

Golovnev A. V. Tuzemcy i prishel'cy v e'tnogeneze Severnogo Priob'ya: zametki k arxeologicheskoi diskussii. [Natives and aliens in the ethnogenesis of the Northern Ob region: notes to the archaeological discussion]. *Arxeologo-e'tnograficheskie komplekсы' Problemy' kul'tury' i sociuma* [Archaeological and ethnographic complexes. Problems of culture and society]. Vol. 3. Novosibirsk, 1998. S. 66–83 (in Russian).

Ivanov S. V. Materialy' po izobrazitel'nomu iskusstvu narodov Sibiri [Materials on the fine arts of the peoples of Siberia]. *Trudy' IE', Novaya Seriya*. [Proceedings of IE, New Series]. Vol. 22. Moscow, 1954. 868 s. (in Russian).

Kiselev S. V. *Drevnyaya istoriya Yuzhnoj Sibiri* [Ancient history of southern Siberia]. Moscow, 1951. 635 s. (in Russian).

Kovalyova O. V. Naskal'ny'e risunki e'poxi pozdnej bronzy' Minusinskoj kotloviny [Rock paintings of the late bronze age of the Minusinsk basin]. Novosibirsk, 2011. 160 s. (in Russian).

Kozhin P. M. *Civilizaciya, utonuvshaya v peskax velikoj pustyni. U istokov civilizacii. K 75 letiyu Sarianidi V. I.* [Civilization, drowned in the Sands of the great desert. At the origins of civilization. To the 75th anniversary of V. I Sarianidi]. Moscow, 2004. S. 83–91 (in Russian).

Kozhin P. M. Novy'j e'tap pervoby'tnoj i ranneistoricheskoi arxeologii Srednej Azii. [A New stage of primitive and early historical archeology of Central Asia]. *Na puti otkry'tiya civilizacii. Trudy' Margianskoj arxeologicheskoi e'kspedicii*. [On the way to the discovery of civilization. Proceedings of the Margiana archaeological expedition]. St. Petersburg, 2010. S. 135–145 (in Russian).

Leont'ev N. V. Antropomorfny'e izobrazheniya okunevskoj kul'tury [Anthropomorphic images of Okun culture]. *Sibir', Central'naya i Vostochnaya Aziya v drevnosti. Neolit i e'poxa metalla* [Siberia, Central and Eastern Asia in ancient times. Neolithic and metal age]. Vol. 5. Novosibirsk, 1978. S. 88–118 (in Russian).

Masson V. M. Drevnie civilizacii Vostoka i stepny'e plemena v svete danny'x arxeologii [Ancient civilizations of the East and steppe tribes in the light of archeology]. *Stratum plus*. 1999. № 2. S. 265–285 (in Russian).

Mify' narodov mira. [Mothers of night. Myths of the world]. Vol. 1. Moscow, 1980. S. 306 (in Russian).

Mixajlov B. D. Kurgany' e'poxi bronzy' v bassejne reki Molochnaya [The bronze age in the basin of the Molochnaya river]. *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ya i Kry'ma*. [Antiquities of the black sea steppe and Crimea]. Zaporozh'e, 1990. S. 107–116 (in Russian).

Mlekopitayushchie SSSR. *Parnokopytnye i neparnokopytnye* [Mammals of the USSR. Artiodactyls and solipeds]. Vol. 1/ Moscow, 1961. 776 s. (in Russian).

Molodin V. I. *Baraba v e'poxu bronzy'* [Baraba in the bronze age]. Novosibirsk, 1985. 200 s. (in Russian).

Morozov A. V. K probleme izucheniya iskusstva малы'x form e'poxi neolita — e'neolita Sibiri [The problem of studying the art of small forms of the Neolithic — Eneolithic Siberia]. *Vestnik arxeologii, antropologii i e'tnografii* [Bulletin of archeology, anthropology and Ethnography]. 2010. № 2 (13). S.12–19 (in Russian).

Okladnikov A. P. *Petroglify' Angary'* [Petroglyphs Of The Angara River]. Moscow, 1966. 322 s. (in Russian).

Okladnikov A. P. *Neoliticheskie pamyatniki Srednej Angary'* [Neolithic monuments of The middle Angara]. Novosibirsk, 1975. 320 s. (in Russian).

Pazhetnov V. S. *Bury'j medved'* [Brown bear]. M., 1990. 216 s. (in Russian).

Petri B. E'. Neoliticheskie naxodki na beregu Bajkala [Neolithic finds on the shore of lake Baikal]. *Sbornik MAE'* [Collection of MAE]. Vol. 3. Petrograd, 1916. S. 113–133 (in Russian).

Sarianidi V. I. O velikom lazuritovom puti na Drevnem Vostoke [On the great lapis lazuli way in the Ancient East]. *Kratkie soobshheniya instituta arxeologii* [Brief reports of the Institute of archaeology]. 1968. № 114. S. 3–9 (in Russian).

Sarianidi V. I. *Nekropol' Gonur-depe i iranskoe yazychestvo* [Gonur-Depe Necropolis and Iranian paganism]. Moscow, 2001. 246 s. (in Russian).

Sarianidi V. I. *Social'ny'j i politicheskij stroj drevnevostochnogo czarstva Margush. Pamyatniki arxeologii i drevnego iskusstva Evrazii. Sb. statej pamyati V. V. Volkova* [Social and political system of the ancient Eastern Kingdom of Margush. Monuments of archeology and ancient art of Eurasia. Sat. articles in memory of V. V. Volkov]. Moscow, 2004. S. 318–334 (in Russian).

Sinicyn I. V. Pamyatniki predskifskoj e'poxi v stepyax Nizhnego Povolzh'ya [Monuments of the pre-Scythian era in the steppes of the Lower Volga region]. *Sovetskaya arxeologiya* [Soviet archaeology]. 1948. Vol. 10. S. 143–160 (in Russian).

Sovetova O. S. *Petroglify' tagarskoj e'poxi na Enisee (syuzhety' i obrazy')* [Petroglyphs of the Tagar era on the Yenisei river (plots and images)]. Novosibirsk, 2005. 140 s. (in Russian).

Studziczka S. V. Sootnoshenie proizvodstvenny'x i kul'tovy'x funkcij sibirskix neoliticheskix izobrazhenij ry'b. [Correlation of production and cult functions of Siberian Neolithic images of fish]. *Iz istorii Sibiri* [From the history of Siberia.]. Vol. 21. Tomsk, 1976. S. 76–89 (in Russian).

Tosi M. Seistan v bronzovom veke, — raskopki na Shaxri — Soxte [Seistan in the bronze age, excavations in shakhri-Sokhta]. *Sovetskaya Arxeologiya* [Soviet Archeology]. 1971. № 3. S. 15–30 (in Russian).

Formozov A. A. *Oчерки po pervoby'tnomu iskusstvu* [Essays on the primitive art]. Moscow, 1969. 144 s. (in Russian).

Xloby'stina M. D. Proisxozhdenie i razvitie kul'tury' rannej bronzy' Yuzhnoj Sibiri [Origin and development of early bronze culture in southern Siberia]. *Sovetskaya arxeologiya* [Soviet Archeology]. 1973. № 1. S. 24–38 (in Russian).

Shavkunov E.V. *Kul'tura chzhurchzhenej — udige' XII–XIII vv i problema proisxozhdeniya tungusskix narodov Dal'nego Vostoka* [Culture of Jurchen-udige XII–XIII centuries and the problem of origin of the Tungus peoples of the Far East]. Moscow, 1990. 283 s. (in Russian).

Shheglov P.V. *Otrazhennyè v nebe mify' Zemli* [Myths of the Earth Reflected in the sky]. Moscow, 1996. 142 s. (in Russian).

Amiet P. *Archaic glyptic of Mesopotamia* [La gliptique Mesopotamienne archaïque]. Paris, 1961. 445 p. (in French).

Caldwell D.H. The early Gliptic of Gawra, Giyan and Susa. *Orientalia*. 1976. Vol. 45. Fasc. 3. P. 227–250 (in English).

Francfort H. P. Birds, snakes, men and deities in the Oxus Civilization: an essay dedicated to Prof. V. I. Sarianidi on a cylinder seal from Gonur Depe. *On the way to the discovery of civilization*. Saint Petersburg, 2010. S. 67–85 (in English).

Ghirshman R. *Sialk excavation* [Fouilles de Sialk]. Paris, 1938. 152 p. (in French).

Hakemi A. Shahdad. Archaeological Excavation of a Bronze Age Center in Iran. *Is Meo. Reports and Memoirs*. 1997. Vol. XXVII. 766 p. (in English).

Hole F. Ritual and Collapse of Susa, ca 4000 BC. *Proceeding of the Vth Internat. Congress on Archaeology of the Ancient Near East*. Barcelona, 2007. S. 165–176 (in English).

Kjarum P. Failaka / Dilmun. The Second Millenium Settlements. V.1. The Stamp and Cylinder Seals. Moesgård. Aarhus, 1983. 171 p. (in English).

Lamberg-Karlovsky C.C. Urban Interaction on the Iranian Plateau: Excavations at Tepe Yahya 1967–1973. *From the Proceedings of the British Academy*. Vol. LIX. London, 1973. 43 p. (in English).

Mallowan M. E. L. Early Mesopotamia and Iran. London: Thames and Hudson, 1965. 142 p. (in English).

Porada E. Seals and Related Objects from Early Mesopotamia and Iran // *Early Mesopotamia and Iran*. London, 1993. S. 44–53 (in English).

Possehl G.L. What's in a name? The “Indus civilization”, onomastics and the rules of science. *On the way to the discovery of civilization*. Saint Petersburg, 2010. P. 120–128 (in English).

Potts D. T. Excavations at Tepe Yahya, Iran, 1967–1973, V. III: The Third Millenium. Peabody Museum Press. N-Y, 2004. 388 p. (in English).

Sarianidi V.I. Margiana and Indo-Iranien World. *South Asia Archaeology*. Part 2. Leiden, 1993. P. 667–680 (in English).

Sarianidi V.I. Miths of Ancient Bactria and Margiana on its seals and amulets. Moscow, 1998. 336 p. (in English).

Sarianidi V.I. Zoroastrianizm: A New motherland for an old religion. Thessaloniki, 2008. 415 p. (in English).

Цитирование статьи:

Вртанесян Г. С. Змеедержец: миграции календарного символа // Народы и религии Евразии. 2019. № 1 (18). С. 113–128.

Citation:

Vrtanesjan G. S. Snakeholder. Calendar symbol migration. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 1 (18). P. 113–128.

Раздел IV

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

УДК 902 (5–191.2) (063)

DOI: 10.14258/nreur (2019) 1–12

К. М. Байпаков¹, П. К. Дашковский²

---

¹Государственный музей Центр сближения культур второй категории ЮНЕСКО, Алматы (Казахстан)

²Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ НА ВЕЛИКОМ ШЁЛКОВОМ ПУТИ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР И КОНФЕССИЙ ОТ ДРЕВНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ»*

Статья посвящена итогам работы Международной научно-практической конференции «Центральная Азия на Великом Шёлковом пути: диалог культур и конфессий от древности до современности». Конференция была организована Государственным музеем Центра сближения культур второй категории ЮНЕСКО под руководством доктора исторических наук, профессора, академика Академии наук Республики Казахстан К. М. Байпакова. Целью проведения конференции являлось привлечение ведущих ученых мира, занимающихся изучением этноконфессиональных процессов в Центральноазиатском регионе. Всего в работе конференции приняли участие более 60 человек из различных научных центров Казахстана, России, Монголии, США, Франции, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Украины, Италии, Бельгии. Работа международного форума проходила в рамках трех секций: «Диалог культур и конфессий на Великом Шёлковом пути», «Центральная Азия: проблемы и приоритеты социальной модернизации», «Межкультурные коммуникации и петроглифы Центральной Азии: перспек-

---

* Работа выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект № 33.2177.2017/4.6).

тивы номинирования изобразительных памятников в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО». В рамках конференции состоялся выездной полевой семинар на известном Государственном историко-культурном и природном заповеднике-музее «Танбалы» (Тамгалы). В рамках конференции состоялось подписание договора о сотрудничестве между Алтайским государственным университетом (Барнаул, Россия) и Международным Центром сближения культур второй категории ЮНЕСКО (Алматы, Казахстан). Доклады участников конференции будут опубликованы в виде сборников ее материалов.

Ключевые слова: международная конференция, Центральная Азия, религии, диалог культур, древность, Средневековье.

K. M. Baybakov¹, P. K. Dashkovskiy²

¹*State museum "Center of rapprochement of cultures of the II category of UNESCO",
Almaty (Kazakhstan),*

²*Altai State University, Barnaul (Russia)*

INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE "CENTRAL ASIA ON THE SILK ROAD: THE DIALOGUE OF CULTURES AND RELIGIONS FROM ANCIENT TIMES TO THE PRESENT"

The article is devoted to the results of the international scientific-practical conference "Central Asia on the Great Silk road: dialogue of cultures and confessions from antiquity to modernity". The conference was organized by the State museum of the Center for rapprochement of cultures of the II category of UNESCO under the guidance of doctor of historical sciences, professor, academician of the Academy of sciences of the Republic of Kazakhstan K. M. Baypakov. The purpose of the conference was to attract leading scientists of the world engaged in the study of ethnic and religious processes in the Central Asian region. In total, the conference was attended by more than 60 people from various research centers of Kazakhstan, Russia, Mongolia, USA, France, Uzbekistan, Tajikistan, Kirgizia, Ukraine, Italy, Belgium. The international forum was held within the framework of three sections: "Dialogue of cultures and confessions on the great Silk road", "Central Asia: problems and priorities of social modernization", "Intercultural communications and petroglyphs of Central Asia: prospects of nomination of visual monuments in the UNESCO world heritage list".

As part of the conference, a field seminar was held at the famous state historical, cultural and natural reserve-museum "Tanbaly" (Tamgaly). The conference included the signing of a cooperation agreement between the Altai state university (Barnaul, Russia) and the State museum of the Center for rapprochement of cultures of the II category of UNESCO (Almaty, Kazakhstan). Reports of the conference participants will be published in the form of collections of its materials.

Key words: international conference, Central Asia, religions, dialogue of cultures, antiquity, middle ages.

Байпаков Карл Молдахметович, академик АН РК, доктор исторических наук, профессор, директор Государственного музея Центр сближения культур второй категории ЮНЕСКО; **Дашковский Петр Константинович**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: dashkovskiy@fpn.asu.ru

---

В Алмата 12–15 июня прошла Международная научно-практическая конференция «Центральная Азия на Великом Шёлковом пути: диалог культур и конфессий от древности до современности». Конференция была организована Государственным музеем Центра сближения культур второй категории ЮНЕСКО под руководством доктора исторических наук, профессора, академика Академии наук Республики Казахстан Карла Молдахметовича Байпакова. Конференции, посвященные межкультурному взаимодействию и этнорелигиозной истории Казахстана и Центральной Азии в древности и Средневековье, стали важным направлением в деятельности Государственного музея Центра сближения культур второй категории ЮНЕСКО. Так, в 2017 г. заметным событием среди ученых стран Центральной Азии стала Международная конференция «Религии Казахстана и Центральной Азии на Шелковом пути» [Дашковский, 2017].

Целью проведения очередной международной конференции в 2018 г. «Центральная Азия на Великом Шёлковом пути: диалог культур и конфессий от древности до современности» являлось привлечение ведущих ученых мира, занимающихся изучением этноконфессиональных процессов в Центральноазиатском регионе. Всего в работе конференции приняли участие более 60 человек из различных научных центров Казахстана, России, Монголии, США, Франции, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Украины, Италии, Бельгии.

Основной упор делался на изучение межкультурного и межконфессионального взаимодействия в Центральной Азии в древности и Средневековье. В пленарной части работы конференции выступил доктор исторических наук А. М. Хазанов, рассмотрев роль кочевников в евразийской торговле. Вопросы урбанизации Казахстана и связь этого процесса с Великим Шелковым путем затронул доктор исторических наук, академик К. М. Байбаков. Особенности создания нового духовно-технологического пояса «Туркестанская долина» на Великом Шелковом пути подняты в сообщении доктора экономических наук С. Оразалы. Кандидат исторических наук С. А. Панарин уделил внимание особенностям миграционных процессов в исторической ретроспективе. Доктор исторических наук К. Ш. Хафизова затронула отдельные аспекты взаимоотношения кочевников Великой степи и Китая. Проблемы исторической географии были подняты в докладе доктора исторических наук, академика Б. Е. Кумекова. Кандидат исторических наук П. Б. Лурье в своем выступлении поделился данными о пребывании

манихеев в Семеречье в эпоху Средневековья. Доктор исторических наук Э. Д. Зилинская представила доклад, посвященный проблеме происхождения и классификации дворцов для караванов.

После пленарной части конференции в течение двух дней состоялась работа трех секций. В рамках первой секции «Диалог культур и конфессий на Великом Шёлковом пути» были представлены различные доклады ученых из разных стран, в которых на основе археологических данных освещались особенности межкультурного взаимодействия и распространения религий в Центральноазиатском регионе. Модератором этой секции на разных заседаниях являлись доктор исторических наук, академик АН РК К. М. Байпаков, доктора исторических наук И. Л. Кызласов, П. К. Дашковский, Э. Д. Зиливинская, Р. Х. Сулейманов, а также доктор исторических наук, академик НАН РК Б. Е. Кумекон.

Модераторами второй секции «Центральная Азия: проблемы и приоритеты социальной модернизации» выступили доктор исторических наук Г. А. Капекова и доктор экономических наук С. А. Калиева. В ходе работы этой секции ученые обсудили экономические, социальные, этнические и религиозные процессы, которые протекают в странах Центральной Азии на современном этапе.

Работа третьей секции «Межкультурные коммуникации и петроглифы Центральной Азии: перспективы номинирования изобразительных памятников в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО» курировалась модераторами — кандидатом исторических наук В. А. Новоженовым и доктором исторических наук Б. Э. Аманбаевой. В ходе работы секции были представлены доклады по отдельным комплексам петроглифов Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Китая, России. Доклады участников форума будут опубликованы в виде отдельного сборника трудов материалов конференции, как это было сделано по итогам работы предыдущего аналогичного мероприятия [Религии Казахстана..., 2017].

Вторая часть конференции проходила в виде выездного полевого семинара на известном Государственном историко-культурном и природном заповеднике-музее «Танбалы» (Тамгалы), который был создан в 2003 г. В 2004 г. петроглифы данного комплекса памятника Танбалы (Тамгалы) включены в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Комплекс петроглифов насчитывает порядка 5000 изображений и является одним из крупнейших памятников наскального искусства Южной Сибири и Центральной Азии. Кроме петроглифов, указанный комплекс памятников включает поселения, могильники, каменоломни, жертвенники. В хронологическом отношении комплекс разновременных памятников в музее-заповеднике «Танбалы» охватывает период с XIV–XIII вв. до н. э. до рубежа XIX–XX вв. [Танбалы..., 2013, с. 81].

В рамках конференции состоялось подписание договора о сотрудничестве между Алтайским государственным университетом (Барнаул, Россия) и Международным Центром сближения культур второй категории ЮНЕСКО (Алматы, Казахстан). Со стороны Алтайского государственного университета инициатором и координатором реализации договора выступил доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений Петр Константинович Дашковский, а со стороны Государственного музея

«Центр сближения культур второй категории ЮНЕСКО» — известный ученый, специалист по древней и средневековой этнорелигиозной истории Центральной Азии, доктор исторических наук, профессор, академик Академии наук Республики Казахстан Карл Молдахметович Байпаков.

Следует отметить, что сотрудничество Алтайского государственного университета с данным музеем, созданным в 2016 г., началось с 2017 г., хотя его директор — академик К. М. Байпаков и П. К. Дашковский были знакомы уже почти 20 лет. Данный договор предусматривает сотрудничество в области изучения религиозных и этнических процессов в Центральной Азии в исторической ретроспективе от эпохи древности и до современности. Среди направлений исследования запланированы совместные мероприятия (конференции, экспедиции), издание монографий, сборников научных трудов, журнала, а также участие сотрудников двух организаций в реализации программ подготовки магистрантов, аспирантов и докторантов. Одним из первых шагов сотрудничества стало включение академика К. М. Байпакова в состав редколлегии журнала «Народы и религии Евразии», который издается Алтайским государственным университетом (главный редактор журнала П. К. Дашковский). Думаем, что такое сотрудничество в обозначенных направлениях будет взаимовыгодным и конструктивным для двух организаций.*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дашковский П. К. Международная научно-практическая конференция «Религии Казахстана и Центральной Азии на Великом шелковом пути» // Народы и религии Евразии. 2017. № 3–4 (12–13). С. 140–143.

Религии Казахстана и Центральной Азии на Великом Шелковом пути: материалы Международной научно-практической конференции. 12–13 июня 2017 г. / под ред. К. М. Байпакова. Алматы, 2017. 376 с.

Танбалы. Танбалы. Tanbaly : фотоальбом. Алматы, 2013. 192 с.

REFERENCES

Dashkovskii P. K. Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia “Religii Kazakhstana i Tsentral’noi Azii na Velikom shelkovom puti” [International scientific and practical conference “Religions of Kazakhstan and Central Asia On the great silk road”]. *Narody i religii Evrazii*. 2017. № 3–4 (12–13). S. 140–143.

Religii Kazakhstana i Tsentral’noi Azii na Velikom Shelkovom puti [Religions of Kazakhstan and Central Asia On the Silk road]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 12–13 iyunia 2017 goda / pod red. K. M. Baipakova*. Almaty, 2017. 376 s.

Tanbaly. Tanbaly. Tanbaly [Tanbaly. Tanbaly. Tanbaly]: Fotoal’bom. Almaty, 2013. 192 s.

---

* Данная публикация уже была готова к печати, когда стало известно о смерти выдающего ученого, специалиста в области этнокультурной и религиозной истории Центральной Азии доктора исторических наук, профессора, академика НАК РК Карла Молдахметовича Байпакова (1940–2018). Как редактор журнала и соавтор я считал своим долгом поместить данную публикацию без изменений и тем самым почтить память выдающего ученого с мировым именем и замечательного человека, который многие годы был предан исторической науке.

Цитирование статьи:

[Байпаков К. М.], Дашковский П. К. Международная научно-практическая конференция «Центральная Азия на Великом Шёлковом пути: диалог культур и конфессий от древности до современности» // Народы и религии Евразии. 2019. № 1 (18). С. 129–134.

Citation:

Baybakov K. M., Dashkovskiy P. K. International scientific-practical conference “Central Asia on the Silk Road: the dialogue of cultures and religions from ancient times to the present”. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 1 (18). P. 129–134.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Амантуров Маралбек Касымбекович, научный сотрудник института археологии Международного Казахско-Турецкого университета им. Ахмеда Ясави, Туркестан (Республика Казахстан).

Адрес для контактов: amanturov1971@mail.ru.

Атдаев Сердар Джумаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии Академии наук Туркменистана, Ашхабад (Туркменистан).

Адрес для контактов: serdar63atdayev@gmail.com; serdar-atdayev@rambler.ru.

Байпаков Карл Молдахметович (1940–2018), академик АН Республики Казахстан, доктор исторических наук, профессор, директор Государственного музея «Центр сближения культур второй категории ЮНЕСКО».

Васютин Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Института истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, Кемерово (Россия).

Адрес для контактов: vasutin2012@list.ru.

Вртанесян Гарегин Суренович, кандидат технических наук, консультант Центра изучения религий Российского государственного гуманитарного университета, Москва (Россия).

Адрес для контактов: veges2011@yandex.ru.

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий Лабораторией этнокультурных и религиозоведческих исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: dashkovskiy@fnp.asu.ru.

Казаков Александр Альбертович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Барнаульского юридического института МВД России, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: kaa-2862@mail.ru.

Кожа Мухтар Бакадырулы, доктор исторических наук, профессор Международного Казахско-Турецкого университета им. Ахмеда Ясави, Туркестан (Республика Казахстан).

Адрес для контактов: kozha_mukhtar@mail.ru.

Ксенжик Галина Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана и культуры народов Казахстана Казахского национального университета, Алматы (Казахстан).

Адрес для контактов: migkz@ya.ru.

Матыцин Кирилл Сергеевич, лаборант Лаборатории этнокультурных и религиозно-ведческих исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: cyril.matytsin@gmail.com.

Пиков Геннадий Геннадьевич, доктор исторических наук, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Россия).

Адрес для контактов: gennadij-pikov@yandex.ru.

Сакович Екатерина Георгиевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Белорусского государственного университета, Минск (Республика Беларусь).

Адрес для контактов: ekaterina-sakovich@yandex.ru.

Серегин Николай Николаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: nikolay-seregin@mail.ru.

Сериков Юрий Борисович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник археологической лаборатории Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиала Российского государственного профессионально-педагогического университета), Нижний Тагил (Россия).

Адрес для контактов: u.b.serikov@mail.ru.

Хвастунова Юлия Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры права, философии и социологии Горно-Алтайского государственного университета, Горно-Алтайск (Россия).

Адрес для контактов: hvastunovoy@mail.ru.

ДЛЯ АВТОРОВ

ЖУРНАЛ «НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ» (Этнология. Религиоведение. Археология)

Учредителем журнала является кафедра политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета. Издается с 2007 г. как сборник научных статей, а с 2016 г. как научный журнал «Мировоззрение населения южной Сибири и центральной Азии в исторической ретроспективе». С 2017 г. журнал называется «Народы и религии Евразии» (Серия: Этнология. Религиоведение. Археология). Журнал включен в РИНЦ как периодическое издание.

Журнал утвержден Научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–69787 от 18.05.2017 г. ISSN 2307–4671.

Периодичность издания: четыре выпуска в год. Журнал издается в печатном и электронном виде.

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/wv>

Все работы, поступившие в редколлегию, обязательно проходят рецензирование.

Приоритетные тематические рубрики

- Археология и этнокультурная история;
- Этнология и национальная политика;
- Религиоведение и государственно-конфессиональные отношения;
- *Рецензии на книги;*
- *Информация о конференциях;*
- *Персоналии.*

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Статьи принимаются на русском и английском языках. Для публикации статьи в журнале необходимо прислать ее в электронном варианте, а также указать сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, e-mail). Сведения об авторах предоставляются на русском и английском языках. Статья может включать текст и иллюстрации до 12 страниц (14 кегль, одинарный интервал, в формате Word: поля: верхнее — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 2 см, правое — 2 см). Рисунки (фотографии) предоставлять отдельными файлами. К статье обязательно прикладывается полный список использованных работ.

Статья должна содержать ключевые слова (до 15 слов) и аннотацию на русском и английском языках (не менее 1000 знаков без пробелов).

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Фамилия, имя, отчество автора на русском языке

Название статьи на русском языке

Аннотация (на русском языке не менее 1000 знаков)

Ключевые слова (на русском языке до 15 слов)

Фамилия, имя, отчество автора на английском языке

Название статьи на английском языке

Аннотация (на английском языке не менее 1000 знаков)

Ключевые слова (на английском языке до 15 слов)

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 903.2

И. И. Иванов

*Институт востоковедения, Москва (Россия)***ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ
ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ***

Целью статьи является изучение восприятия природы в традиционном мировоззрении тюркских и монгольских народов Южной Сибири. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX — середину XX в. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием базы источников по теме исследования. Основными источниками выступают исторические и этнографические материалы. Работа основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на историко-этнографические методы — научного описания, конкретно-исторического и реликта.

Коренные жители Южной Сибири в процессе длительного взаимодействия с окружающей средой и в результате адаптации к ней сформировали наиболее приспособленную к данным природным условиям культуру. Значительное место в ней отводится традициям, связанным с экологическими воззрениями и нормами. Основу экологического сознания народов этого региона составляла идея неразрывной связи человека со средой обитания — родиной, т. е. с тем местом, где он родился, жил и умирал. По сути, оно являлось тем пространством, в котором осуществлялась вся жизнедеятельность человека. В мышлении верующих природа воспринималась в качестве живого и чувствующего существа, что нашло отражение и в соответствующем практическом отношении к ней. В традиционном мировосприятии человек не выделен из природы. Отсутствует жесткая граница между ним и окружающим миром, который в мифологическом сознании, как уже отмечалось, имел частичное или полное отождествление человеку.

Ключевые слова: тюркские и монгольские народы, Южная Сибирь, хакасы, культура, традиция, человек, природа, экологические воззрения.

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект № 07-01-00842а)

I. I. Ivanov

Institute of of oriental Russian academy of sciences, Moscou (Russia)

MAN AND NATURE IN TRADITIONAL VIEWS OF TYURCO-MONGOLIAN PEOPLES OF SOUTH SIBERIA

The aim of the work is to study the perception of nature in the traditional worldview of the Turkic and Mongolian peoples of Southern Siberia.

The chronological scope of work covers the end of the XIX — mid XX centuries. Selection temporal boundaries caused primarily by the status of the database sources on the research topic. The main sources are archival and ethnographic materials. The work based on comprehensive, system-historical approach to the study of the past. The research methodology based on historical and ethnographic methods — scientific description, the specific historical and relic.

The indigenous inhabitants of Southern Siberia, in the process of prolonged interaction with the environment and result of adaptation to it, formed the culture most adapted to the given natural conditions. A significant place in it given to traditions associated with environmental views and norms. The basis of the ecological consciousness of the peoples of this region was the idea of an inseparable connection between man and his environment, the homeland, that is, with the place where he was born, lived and died. In fact, it was the space in which the entire life activity of man. In the thinking of believers, nature perceived as a living and sentient being, which reflected in the corresponding practical relation to it. In the traditional worldview, man is not isolated from nature. There is no rigid boundary between it and the surrounding world, which, as already noted, in the mythological consciousness, had a partial or complete identification with man.

Key words: Turkic and Mongolian peoples, Southern Siberia, Khakas, culture, tradition, man, nature, ecological views.

Иванов Иван Иванович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора религии Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия). Адрес для контактов: i.i.ivanov@mail.ru

---

Текст статьи на русском языке: Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Библиографический список

Библиографические ссылки приводятся в тексте в квадратных скобках: фамилия (фамилии), год публикации, страница (страницы). Например: [Иванов, 1962: 62] или [Иванов, Петров, 1997: 39–45]. Указываются все авторы независимо от их количества. При совпадении фамилий авторов и года издания в ссылке и списке литературы

год издания дополняется буквенным обозначением. Например: [Иванов, 1997а: 49; Иванов, 1997б: 14]. После библиографического списка размещается References.

Образец оформления литературы:

1. Монография:

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983. 432 с.

2. Статья в сборнике:

Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. М., 1977. С. 96–119.

3. Статья в журнале

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Положение христианских общин в Алтайском крае в середине 1960-х — середине 1970-х гг. // Религиоведение. 2016. № 1. С. 75–83.

4. Автореферат или диссертация:

Соловьев А. И. Погребальные памятники населения Обь-Иртышья в Средневековье (обряд, миф, социум) : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 250 с.

5. Архивные материалы:

Государственный архив Алтайского края. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 76.

6. Интернет-ресурс:

История буддизма в Монголии // Ньяме Шераб Гьялцен [Электронный ресурс]. URL: [http:// bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/](http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/) (дата обращения: 19.10.2016).

7. Издания на иностранном языке:

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass // Journal of Archaeological Science. 1995. Vol. 22. P. 429–439 (на англ. яз.).

References

Список “References” (латинизированный список) содержит все публикации списка «Научная литература», но в латинизированной форме и расположенные по англ. алфавиту. Все сведения о публикациях на кириллице из списка литературы должны быть транслитерированы на латинице и переведены на английский язык. Транслитерация осуществляется: а — a, б — b, в — v, г — g, д — d, е — e, ё — yo, ж — zh, з — z, и — i, й — i, к — k, л — l, м — m, н — n, о — o, п — p, р — r, с — s, т — t, у — u, ф — f, х — kh, ц — ts, ч — ch, ш — sh, щ — shch, ь — ’, ы — y, ь — ’, э — e, ю — yu, я — ya. Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных (Scopus и Web of Science).

Кроме того, обратите внимание, что вместе с транслитерацией дается перевод работы на английский язык.

Инструкции для формирования References (латинизированный список)

1) Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. В левом столбике (CONVERT FROM) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Рус-

ский язык» — скорее всего, это будет: **Unicode [Русский язык]**. В правом столбике (*CONVERT TO*) выберите *второй* вариант: **ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]**. Скопируйте весь список «Научной литературы» из Вашей статьи в окно левого столбика. Нажмите кнопку **Convert** посередине. В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Скопируйте его из окна в файл с Вашей статьёй.

2) *Примеры оформления литературы и архивных материалов:*

1. Монография:

Okladnikov A. P. *Liki Drevnego Amura* [Faces of the Ancient Amur]. Novosibirsk, 1968. 240 s. (in Russian).

2. Статья в журнале:

Chirkov N. V. Etnos, natsiia, diaspora [Etnos, nation, diaspor]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2013. no. 4. S. 41–47 (in Russian).

3. Переводное издание:

Brooking A., Jones P., Cox F. *Expert Systems. Principles and Case Studies*. Chapman and Hall, 1984, 231 p. (Russ. ed.: Brooking A., Jones P., Cox F. *Ekspertnye sistemy. Printsipy raboty i primery*. Moscow, 1987. 224 s.).

4. Интернет-ресурс:

Tsentr izucheniya tibetskoy traditsii Yundrung bon [Centre for Studying the Tibetan Tradition of Yundrung Bon]. Available at: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherabgyalcen.html/> (accessed August 4, 2013) (in Russian).

5. Диссертация или автореферат:

Ermolina Yu. V. *Magiya kak kul'turno-religiozny fenomen. Diss. kand. filos. nauk* [Magic as Cultural and Religious Phenomenon. Ph. D. Thesis in Philosophy]. Oryol, 2009. 155 s. (in Russian).

6. Материалы конференций:

Nesterova T. P. *Religiya i politika v 20 veke. Materialy vtorogo Kollokviuma rossiyskikh I ital'yanskikh istorikov* [Religion and Politics in the 20th century. Proc. of the Second Symposium of Russian and Italian Historians]. Moscow, 2005. S. 17–29 (in Russian).

7. Архивные материалы:

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraya [State archive of the Altai Krai]. Fund 1. Inventory 1. File 664, fol. 33 (in Russian).

8. Иностраный источник (не на английском языке):

Horyna B. Introduction to the Study of Religion [Úvod do religionistiky]. Praha, 1994. 131 p. (in Czech).

Li Fengmao. *Wonderland and Travel: The Imagination of the Immortal World*. Beijing: Zhonghua shuju, 2010, 468 p. (in Chinese).

Оформление иллюстраций

Иллюстрации (рисунки, фотографии, графики, диаграммы) в текст Word не внедряются и прилагаются в виде отдельных файлов в формате JPG или TIFF. Они должны быть отсканированными при разрешении не менее 300 dpi. Размер изображений не должен превышать 190x270 мм. Предметы в поле рисунка должны быть расположены ком-

пактно, без неоправданно больших по размеру незаполненных мест. Каждый отдельный предмет (изображение) на каждом рисунке должен иметь порядковый номер. Этот номер, как и нивелировочные отметки, надписи, линии сечений, рамки, границы раскопов и т. п. должны быть выполнены не вручную, а машинописным образом. Все цифры и надписи на рисунках выполняются шрифтом Arial, не жирным, в размере, соответствующем масштабу рисунка. Номера для предметов следует располагать по их порядку слева-направо и сверху-вниз. Каждая первая ссылка в тексте статьи на рисунок и на предмет обязательно должны начинаться с номера 1, последующие — 2, 3 и далее. Вторая и последующие ссылки на рисунок или предмет выполняются свободно. Следует стремиться к тому, чтобы большая часть пояснений с площади самой иллюстрации была убрана в подрисуночные подписи.

Авторы статей также сообщают следующие данные, которые публикуются в конце каждого номера журнала: Фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень и звание, должность и место работы, город, страна, адрес электронной почты.

Статьи следует высылать по адресу:

656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, **кафедра политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Дашковскому Петру Константиновичу.**

Электронная почта: dashkovskiy@fpm.asu.ru (с пометкой журнал «Народы и религии Евразии»).

Контактный телефон: (3852) 296629

Информация для редколлегии: почтовый адрес (с индексом), контактный телефон.
Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/wv>

Научное издание

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2019 №1 (18)

Редактор Л. И. Базина
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер
Дизайн обложки: П. К. Дашковский, Ю. В. Плетнева

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.
Подписано в печать 20.02.2019.
Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 11,3. Тираж 300 экз. Заказ ???.

Издательство Алтайского государственного университета
Типография Алтайского государственного университета
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66